

Артур Миллер

Фокус

Мери и Джейн Элен

Глава 1

Изнемогая от невыносимой жары, он, наконец, заснул. Все тело ныло. Он долго ворочался, мучительно отыскивая сновидение, которое бы помогло ему забыться. Увлечшись поисками, он задремал и увидел сон.

Он был в каком-то луна-парке. Толпа окружила зазывалу, лицо которого блестело от пота. Он выбрался из толпы и пошел, куда глаза глядят. Неподалеку находился океан. Потом он оказался перед большой каруселью странно окрашенной зелеными и красными полосами. Людей там почему-то не было. Сколько видно, вокруг никого не было. И все же карусель вращалась. Пустые, ярко раскрашенные тележки вращались по кругу. Потом они остановились и двинулись в обратном направлении. Они снова остановились и пошли вперед. Он стоял и в недоумении наблюдал это беспорядочное дерганье карусели, а потом ему стало известно, что внизу, под землей, работает гигантский механизм – настоящая фабрика, понял он. Что-то производилось внизу под каруселью и, пытаясь сообразить, что же именно, он испугался. Пустая карусель продолжала вращаться вперед и в обратном направлении, и он начал отходить от нее. И тогда, он впервые услышал исходящий от нее шум, нарастающей силы звук, крик... «Алиция! Алиция! Алиция!».

Он вздрогнул и проснулся. Похоже, что кричала женщина. Какой пронзительный голос! Тяжело дыша, он лежал с открытыми глазами и прислушивался.

Стояла тихая ночь. Легкий летний ветерок осторожно шевелил занавески. Он посмотрел на окно и пожалел, что оставил его открытым так широко. Неожиданно снова раздались крики. «Алиция! Алиция!» Его пухлые руки вздрогнули и прижались к бокам. Он лежал абсолютно неподвижно. Звук снова ворвался в комнату. «Алиция!» Крик доносился с улицы. Может это все еще сон? Он попробовал поднять ногу. Получилось. Он выбрался из постели, босиком вышел из комнаты и пошел по коридору к выходящим на улицу окнам. Он тихонько раздвинул жалюзи.

Он с трудом различил две движущиеся фигуры на противоположной стороне улицы возле фонарного столба. Снова раздался крик и на этот раз мистер Ньюмен разобрал слова: «Полиция! Полиция! Пожалуйста, полиция!» Стараясь не шуметь, он притаился возле окна, и напряженно вгляделся в темноту. Было похоже на то, что какая-то женщина отбивалась от крупного мужчины. Теперь мистер Ньюмен слышал мужской голос – пьяный, грозно рокочущий бас. Тут женщина вырвалась и побежала через улицу по направлению к дому мистера Ньюмена. Мужчина догнал ее возле канализационного люка посередине улицы и ударил рукой по голове. Крышка люка громынула под его грузным телом. Когда он схватил женщину, она что-то пронзительно выкрикнула. Это было похоже на испанский. Наверное, пуэрториканка, решил мистер Ньюмен. Мужчина как будто говорил по-английски, с облегчением понял он. Свободной рукой пьяный снова замахнулся, чтобы ударить женщину и снова она позвала на помощь. Но теперь она умоляла, взывая к окружающему ее мраку. В двадцати метрах от нее, мистер Ньюмен слышал, как, тяжело дыша и задыхаясь, она звала полицию. Теперь она повернулась лицом к его окну. Должно быть, она заметила, что несколько минут назад у него раздвинулись жалюзи. Мистер Ньюмен быстро шагнул назад в

комнату. *«Полиция!»* Он подумал о своих босых ногах – нельзя было даже предположить, что он выйдет на улицу без комнатных тапочек. Тем более что из соседей никто не вышел. Если же позвонить в полицию, то пока они приедут, мужчина и женщина могут уже уйти и ему придется объясняться, почему он поднял тревогу. Те двое боролись уже в десяти метрах от его маленькой лужайки. Он не видел лица женщины, потому что фонарь освещал ее сзади, но ему показалось, что, несмотря на темноту и то, что его так неожиданно разбудили, он все же разглядел ее глаза. Белки сверкали на фоне смуглой кожи, когда она беспомощно озиралась то на его дом, то на другие дома, из окон которых ее наверняка рассматривали люди. Но он попятился от окна, от женщины с акцентом кричащей *«Полиция! Полиция!»*. Не включая свет, он повернулся и вышел из комнаты.

«Полиция!» В спальне он прикрыл окно, чтобы через него нельзя было забраться внутрь. Он лежал на спине и прислушивался. Ночь снова стала тихой. Он еще долго ждал. В шести кварталах от его дома прогрехотала электричка на Манхэттен. С улицы больше не доносилось ни звука. Лежа в кровати, он покачал головой, пытаясь представить, что за женщина может оказаться одна на улице в это время суток. А если не одна, то в обществе такого мужчины. Возможно, она возвращалась с ночной смены, и к ней пристал незнакомец. Не может быть. Ее акцент убеждал мистера Ньюмена, что не для хороших дел она вышла ночью из дома и эта мысль как-то убедила его, что она привыкла к подобному обращению и сама может за себя постоять. Пуэрториканки, они такие, он знал.

Измученный жарой, едва ли осознавая, что вообще просыпался, он закрыл глаза и попытался продолжить спать. Его короткие толстые пальцы медленно разжались, губы порыбли задвигались, всасывая воздух, которого его тонкий нос не пропускал в достаточном количестве. Он спал как обычно на спине, одна рука покоилась на животе, короткие, немного кривые ноги распрямились, натянув простыню тентом. Казалось, даже во сне он придерживался правил хорошего тона и, вскоре после того, как ветерок затих, его руки аккуратно убрали простыню с тела и снова вернулись на теплый живот. Едва ли простыня была хоть немного смята, когда он проснулся, а рыжеватые прилежно уложенные налево волосы даже не нужно было причесывать.

Глава 2

Еще несколько недель назад ему нравилось выходить по утрам из своего дома. Он появлялся на веранде и, деловито спускаясь по каменным ступеням, прочесывал взглядом все десять квадратных метров лужайки перед домом в поисках какого-нибудь клочка бумаги, который мог залететь сюда ночью. Затем, ловко подхватив найденный мусор, он бросал его в мусорный бак у бордюра, и, окинув дом поспешным, но полным любви взглядом, направлялся к подземке. Он ходил быстро, немного наклоняясь вперед, как уверенный в себе пес, который не озирается по сторонам выходя на улицу. Он производил впечатление человека, который боится, чтобы его не увидели слоняющимся без дела.

Но когда он вышел на веранду этим утром, и жара обожгла его бледные, по-детски припухлые щеки, напомнив об измученном теле и тревоге, он на мгновение ощутил слабость и страх. Он стал на верхнюю ступеньку веранды, услышал хруст под каблуком и замер. Низко наклонившись, он внимательно осмотрел каменную поверхность и, подняв ногу, обутую в сияющий, круглоносый туфель обнаружил обрывок целлофана. Он взял его двумя пальцами, спустился по ступенькам, пошел по короткой цементной дорожке к бордюру, открыл мусорный бак и поместил в него целлофан. Он чуть задержался, одергивая темно-синий летний пиджак на животе, – который, по его словам, уже начал приобретать форму – и почувствовал пот под накрахмаленным воротничком. Он равнодушно посмотрел на дом.

Тот, кто не бывал в этом квартале раньше, ни за что бы не заметил, что дом мистера Ньюмена отличается от остальных домов. Все они стояли в ряд, как по нитке, двухэтажные, одинаковой высоты, в каждом из них, под высокой верандой был устроен гараж. Перед каждым домом рос стройный вяз, который был не толще и не тоньше соседнего – их посадили

в одну неделю около семи лет назад, после завершения строительства. Но мистер Ньюмен все же мог указать на кое-какие принципиальные отличия. Поправляя одежду возле мусорного бака, он взглянул на ставни, которые собственноручно выкрасил в светло-зеленый цвет. Ставни всех остальных домов были темно-зелеными. Затем его взгляд переместился на противомоскитную сетку, которую он навесил на петли так, что она открывалась подобно дверям вместо того, чтобы опускаться сверху, как у всех в квартале. Не раз он нерасчетливо мечтал, чтобы весь дом был деревянным, – тогда бы он мог больше красить. Правда, на самом деле, ему удавалось заниматься только своим автомобилем, который стоял в гараже на бетонных опорах. До войны он каждое воскресенье выкатывал автомобиль из гаража, ласково протирал его смоченной полиролью ветошью, чистил щеткой салон и отвозил свою мать в церковь. Он не признавался даже самому себе, но ему все же гораздо больше нравилось, чтобы автомобиль стоял на опорах, потому что общеизвестно, что самой страшной опасностью для неработающего механизма является ржавчина. Теперь, во время войны, он по воскресеньям выносил хранящийся в подвале в идеальном порядке аккумулятор, устанавливал его в автомобиль и на несколько минут запускал двигатель. После этого он отсоединял аккумулятор, оттаскивал его назад в подвал, обходил автомобиль в поисках ржавых пятен, вручную проворачивал колеса, чтобы равномерно распределялась смазка, – то есть каждое воскресенье выполнял то, что завод-изготовитель рекомендовал делать дважды в год. После этого он с удовольствием мыл руки специальным раствором и, чувствуя потрудившиеся мышцы, с хорошим настроением принимался за вкусный обед.

Теперь, убедившись, что мусорный бак плотно закрыт, он, как обычно, с серьезным видом пошел по улице. Но, несмотря на твердый шаг и уверенно поднятую голову, внутри у него все волновалось и, чтобы успокоиться, он подумал о сидящей на кухне матери, которая ждала приходящую прислугу, чтобы та накормила ее завтраком. У матери были парализованы ноги, и разговаривала она лишь о своих болезнях и о Калифорнии. Он попытался отвлечься мыслями о ней, но по мере приближения к станции подземки, его живот отвердел, и он с готовностью остановился на минуту у магазинчика на углу и купил газету. Он поздоровался с владельцем магазинчика и, стараясь не коснуться его рук, дал монету. Ничего ужасного не произошло бы, если бы он прикоснулся к ним, но это было нежелательно. Ему нравился исходящий от мистера Финкельштейна характерный запах застарелой пищи. Он не хотел касаться этого запаха. Мистер Финкельштейн как обычно поздоровался в ответ, мистер Ньюмен свернул за угол и, пройдя несколько метров, остановился на секунду, чтобы крепче взяться за поручень ведущей в подземку лестницы и пошел вниз.

Он тщательно ощупал прорезь на турникете и только после этого опустил туда монету, хотя, стоило лишь наклониться, и все было бы гораздо проще. Ему не хотелось, чтобы его увидели со склоненной головой.

Выйдя на перрон, он свернул налево и, не спеша, пошел дальше, отметив про себя, что большинство людей как обычно столпилось в центре. Он всегда проходил к началу перрона, – они поступали бы так же, если бы им хватило наблюдательности заметить, что передний вагон всегда свободнее других. Отойдя метров на двадцать, от ожидающих поезд людей, он постепенно замедлил шаг и остановился возле ближайшей металлической опоры. Он как бы случайно повернулся к ней, и внутренняя поверхность металлической двутавровой балки оказалась на расстоянии вытянутой руки от его лица.

Сильно прищурившись, он сфокусировал взгляд. Поднимая и опуская голову, он осматривал выкрашенную белым опору. Затем он остановился. Там было что-то написано. Он начал читать и от предвкушения чего-то особенного его бросило в жар. Между строк расписания движения поездов было торопливо написано карандашом *«Позвони LA4-4409 – красивая и покорная»*. Как и много раз до этого, он стоял, размышляя, действительно ли это приглашение или просто шутка. На него повеяло приключением, и он представил какие-то роскошные комнаты... сумрак и запах женщин.

Его взгляд опустился еще ниже. Умело нарисованное ухо. Несколько «галочек». Он почувствовал, что сегодня ему повезло. Опоры, как правило, тщательно мыли до его прихода.

Он на секунду задержал взгляд на надписи «Меня зовут НЕ ЭЛСИ», покачал головой и едва не улыбнулся. Как сердито Элси, или как ее там, написала это. Почему ее называли Элси? подумал он. И где теперь была эта Элси? Спала ли она где-то? Или шла на работу? Была ли она счастлива сейчас или грустила? Мистер Ньюмен почувствовал связь, единение с людьми, которые, как ему казалось, искренне высказывались на опоре. Он как будто читал чужое письмо...

Его голова замерла. Вверху печатными буквами было аккуратно выписано: «*Жи́ды затеяли ВОЙНУ*». Немного ниже: «*Смерть жидам смерть жи*». Очевидно, автора прервал подошедший поезд. Мистер Ньюмен глотнул слюну, не отводя глаз, как будто попал под воздействие гипнотизирующего излучения. Сверху, на призыв к убийству указывала стрелка с восклицанием «*Фашисты!*».

Он отвернулся от опоры и перевел взгляд на рельсы. Его сердце увеличилось, дыхание участилось от приятного возбуждения вызванного пульсирующей в воображении опасностью. Он чувствовал себя так, будто только что стал свидетелем жестокой кровавой драки. Даже окружающий опору воздух знал о бесшумной, но ужасной схватке. Ночью, когда наверху спокойно ездили по улицам машины и беззаботно спали люди, здесь, внизу происходили мрачные события, после которых оставались только их следы.

Он застыл как вкопанный. Ничто из прочитанного прежде не забирало его так мощно, как эти наспех написанные угрозы. Для него они были чем-то вроде немого свидетельства, машинально начертанного городом во время сна, тайная газета, которая публикует сокровенные, не разведенные эгоизмом и желанием соблюсти хороший тон, мысли людей. Он как будто заглянул в неуловимые прежде глаза города и увидел его истинную суть. Отдаленный грохот приближающегося поезда привел его в чувство.

Он снова начал поворачиваться к опоре, когда возле него остановились две сильно пахнущие вишневым мылом женщины. Он посмотрел на них. Почему же, размышлял он, все эти надписи всегда бывают сделаны крайне невежественными людьми? Вот, эти женщины, ведь они разделяют негодование авторов этих призывов, и все же только людям низших классов дано выйти вперед и произнести правду. Воздух заволновался и забурлил у него в ногах, когда поезд как патрон в ствол начал входить в цилиндрическое помещение станции. Мистер Ньюмен сделал шаг назад и прикоснулся локтем к платью одной из женщин. Аромат вишни усилился, и ему стало приятно, что она следит за собой. Ему нравилось ездить с людьми, которые следят за собой.

Двери с шипением открылись и женщины вошли в вагон. Мистер Ньюмен немного отстал и осторожно пошел за ними, помня, как на прошлой неделе поторопился и налетел на не открывшиеся еще двери. Он ухватился за гладкий прохладный поручень, и его лицо даже чуть порозовело от этого воспоминания. Кровь в жилах побежала быстрее. После того как поезд тронулся, он опустил руки и вытряхнул белые манжеты из-под рукавов пиджака. Поезд несся к Манхеттену. Неумолимо, безжалостно, поезд вез его туда и он на минуту прикрыл глаза как будто для того чтобы успокоиться и справиться со страхом.

Газета до сих пор торчала у него под мышкой. Вспомнив о ней, он развернул ее, и сделал вид, что читает. Крупных заголовков не было. Все расплылось у него перед глазами. Притворившись, что поглощен чтением, он выглянул из-под края газеты на сидящего перед ним пассажира. Кепка рабочего. Грязная водонепроницаемая куртка с вязаным воротом и манжетами. Глаз мужчины видно не было. Наверное, маленькие, решил он. Украинец или поляк... неразговорчивый, тяжело работающий, предрасположенный к крепким напиткам и тупости.

Он перевел взгляд на человека рядом с рабочим. Негр. Он посмотрел дальше и обомлел. Забыв обо всем, он даже попытался шагнуть ближе. Сидевший там мужчина был для него как редкостные часы для антиквара. Мужчина степенно читал «Таймс». У него была светлая кожа, гладкая прямая шея, волосы под новой шляпой, очевидно, были светлыми. Прищурившись, мистер Ньюмен высмотрел у изучаемого объекта мешки под глазами как у Гинденбурга. Рот ему не удалось разглядеть, поэтому он придумал его сам – широкий, с пухлыми губами. Он

удовлетворенно расслабился, как всегда, когда играл по пути на работу в эту тайную игру. Возможно, во всем поезде только он один и знал, что этот светлокожий господин с большой головой был не шведом, не немцем, не норвежцем, а был евреем.

Теперь он пристально посмотрел на негра. Когда-нибудь, подумал он, – так было всякий раз, когда ему попадалось негритянское лицо – когда-нибудь он обязательно научится разбираться в черномазых. Конечно, это представляло чисто академический интерес, потому что для работы такие познания были бесполезны, но, все же...

На его плечо легла чья-то рука. Он весь напрягся и неуклюже обернулся.

– Привет, Ньюмен. Вот, посмотрел вокруг и увидел тебя.

С выражением снисходительной вежливости, которое обычно появлялось на его лице при встрече с Фредом, он поинтересовался: – Как, жарко было дома ночью?

– У нас всегда дует из задних окон. – Фред жил в соседнем доме. – А у вас дует? – спросил он так, будто жил в самой ветреной части города.

– Разумеется, – сказал мистер Ньюмен, – я укрывался простыней.

– Я сплю в подвале на раскладушке, – сказал Фред касаясь руки Ньюмена. – Я уже все там закончил и теперь там собачий холод.

Ньюмен подумал. – В подвале, наверное, сыро.

– Ну, нет, пока стоит такая жара, сыро не будет, – уверенно сказал Фред.

Это не убедило мистера Ньюмена, и он отвел глаза в сторону. Начать с того, что Фред работал в отделе эксплуатации той же компании, что и мистер Ньюмен. Правда, отдел Фреда находился в другом здании и на работе он носил комбинезон, в котором его раскованные манеры были весьма кстати. Всякий раз, при встрече с Фредом, мистера Ньюмена охватывало раздражение от навязчивой мысли о необходимости обязательно, независимо от собственного желания, закончить свой подвал. Помня о важности своей работы и исключительности своих способностей, у него в голове не укладывалось, чем этот неуклюжий боров мог бы хоть вполтину быть полезен его фирме как он сам. Да и чтобы его видели в подземке вместе с Фредом, который, разговаривая, постоянно тыкал в него пальцем, тоже не хотелось.

– Как тебе этот гвалт на улице прошлой ночью? – спросил Фред. – Он двусмысленно улыбнулся, искривив внушительную челюсть, присоединенную к лицу двумя длинными, глубокими складками кожи.

– Я слышал. Ну и чем все закончилось? – спросил мистер Ньюмен, и, как обычно, когда был особенно внимателен, сосредоточенно выпятил свою крупную нижнюю губу.

– Ну, мы вышли и уложили Пита спать. Да ну, он же лыка не вязал.

– Так это был Эхерн? – изумленно прошептал он.

– Да, он уже хорошо набрался, когда шел домой и увидел эту девку. Между прочим, она оказалась очень даже ничего. – У Фреда была привычка оглядываться во время разговора.

– Полиция приехала?

– Не-е-а, мы вышвырнули ее из квартала и уложили Пита спать.

Поезд остановился на станции, и люди разделили их. Когда двери закрылись, Фред снова протиснулся к нему. Несколько минут они стояли молча. Мистер Ньюмен рассматривал волосатую, очень толстую и, наверное, очень сильную руку Фреда. Он вспомнил, как ловко прошлым летом Фред играл в кегли. Странно, но иногда ему нравилось проводить время с Фредом и его компанией, а потом, как, к примеру, сегодня, он и на дух его не переносил. Он вспомнил о пикнике в Приморском парке и как Фред затеял там драку...

– Как тебе это нравится? Фред уже не улыбался, но на щеках остались две глубокие, похожие на шрамы морщины. Его запухшие глаза-щелочки уставились в лицо Ньюмена.

– Что именно? – спросил Ньюмен.

– Соседи. Гляди, еще черномазые у нас поселятся.

– Похоже, к этому идет.

– Все только и говорят об этих, которые к нам переехали.

– Правда?

– Большинство именно потому и поселились в нашем квартале, чтобы уехать подальше

от них, а они нас просто преследуют. Знаешь этого Финкельштейна?

– В магазине на углу?

– К нему переехали все его родственники. В дом слева от магазина. – Он оглянулся.

Именно это восхищало его во Фреде. Лучше бы он говорил потише, но, в то же время, все же хотелось, чтобы он продолжал, потому что самому не хватает духа произнести что-либо подобное. Слушая Фреда, ему всегда казалось, что он находится накануне какого-то события. Подобное ощущение охватывало его при чтении надписей на опорах, – что-то как будто зарождалось внутри города, что-то одновременно возбуждающее и внушающее ужас.

– Мы собираемся провести собрание. Джери Бул говорил об этом с Питом.

– Я думал, что компания распалась.

– Ну уж нет, – опустив уголки рта, гордо сказал Фред. По утрам его веки распухали так, что глаза были едва видны. – Вот закончится война, ребята вернутся домой и мы устроим такой фейерверк, какого здесь еще не видали. Мы просто залегли на дно пока ребята не вернулись. Понимаешь, это собрание вроде репетиции. Ведь война же вот-вот закончится. Мы хотим твердо стать на ноги и быть наготове. Понимаешь? – Похоже, что для полной уверенности в собственных словах ему не хватало поддержки Ньюмена.

– Ну-ну, – пробормотал Ньюмен, дожидаясь, что еще скажет Фред.

– Ты приедешь? Я подвезу тебя на своей машине.

– Ну, ребята, оставляю собрания на вас, – одобрительно улыбнулся мистер Ньюмен, как будто доверившись убедительной речи Фреда. На самом же деле он не любил людей приходивших на эти собрания. Половина из них были ненормальными, остальные, похоже, уже много лет не покупали нового костюма. – Я не гожусь для собраний.

Фред разочарованно кивнул. Он провел языком по темным от никотина зубам и посмотрел на мелькающие за окном огни.

– Ладно, – прищурившись, уязвленно сказал он, – я думал, что тебя тоже надо пригласить. Мы только хотим очистить округу, вот и все. Мне показалось, тебе это будет интересно. Мы всего лишь зададим им жару, чтобы они убрались отсюда.

– Кто, они? – живо любопытствовал мистер Ньюмен, и его круглое лицо приобрело выражение крайней заинтересованности.

– Евреи из нашего квартала. А потом мы поможем ребятам из квартала напротив управиться с латиносами. Не успеешь и глазом моргнуть, как они начнут вывозить вещи. – Похоже, он рассердился на Ньюмена. Его рябой подбородок пошел красными пятнами.

Мистера Ньюмена снова охватило приятное возбуждение от чувства опасности. Он уже был готов ответить, когда глянул вниз и увидел, как внимательно рассматривал его сидевший перед ним, похожий на Гинденбурга, еврей. Он как будто был готов подняться, и может даже ударить его. Он повернулся к Фреду.

– Еще увидимся. В четверг я могу задержаться на работе допоздна, – тихо сказал он, поворачиваясь спиной к еврею. Поезд приближался к его станции. Фред сказал «хорошо» и коснулся его руки. Двери открылись, и мистер Ньюмен быстро шагнул на платформу. Он повернулся к выходу, и внутри у него все задрожало. Поезд умчался в туннель, он направился к лестнице, держась на безопасном расстоянии от края перрона, и вышел по ступеням на улицу.

На освещенном солнцем тротуаре, его обдул легкий ветерок. Он поднял руку, чтобы поглубже натянуть шляпу и почувствовал, как из-под мышки по ребрам стекла холодная капля пота. Уже несколько недель он каждое утро замирал на этом углу, страшаясь того, что может произойти с ним в конторе, и его кожа начинала лосниться от жары и игры воображения. Шагая теперь по раскаленному уже тротуару, он старался думать о своем квартале и об одинаковых домах, которые стояли бок о бок как дощечки в заборе. Мысль об их схожести удовлетворила его тягу к порядку и, собравшись с духом, он направился к зданию компании.

Глава 3

Кроме разве что самых старших, он принял на работу каждую из семидесяти сотрудниц работавших за семью десятками столов на шестнадцатом этаже этого здания.

За квартал до здания он выглядел смущенно, его губы судорожно подрагивали, как будто отыскивая на лице место поспокойнее. Когда он проходил через построенный в готическом стиле вход в небоскреб Корпорации, его губы перестали двигаться и как будто умерли. По мере того, как лифт возносил его вверх, губы отвердевали и сжимались, и когда на шестнадцатом этаже двери лифта открылись, из кабины вышел человек, по выражению лица которого можно было подумать, что он отказывается от приема пищи.

Этому превращению он научился задолго до появления нынешнего страха. За двадцать с лишним лет такую способность выработала в нем громада компании. Он знал, что ей принадлежало около ста подобных небоскребов почти во всех штатах и даже в других странах, и уже сама мысль о таких масштабах ее деятельности угнетала, становилась неподъемным грузом всегда, как только возникала необходимость защититься от нее. Ему случалось наблюдать попытки сразиться с компанией, и он видел, как терпели поражение те, кто осмеливался бросить ей вызов, так что теперь, выходя из лифта на шестнадцатом этаже, он уже был в маске занятого ответственным делом человека, чтобы любому встречному было ясно, что он уже поглощен утренней работой. У него было лицо торжественно идущего к алтарю пастора и, сидящие за столами девушки, отводили глаза и шикали друг на друга, как будто вот-вот должна была начаться проповедь.

Миновав расставленные рядами столы, он вошел в свой кабинет. Он повесил шляпу и почувствовал нарастающее раздражение. Он подошел к своему столу и сел. Как будто ругаясь, он опустил голову вниз, не осмеливаясь поднять глаза и посмотреть по сторонам. Над ним жестоко подшутили, и он был одним из авторов этой шутки.

Несколько лет назад, в порыве желания продемонстрировать работодателям свое служебное рвение, он предложил сделать одну из стен своего кабинета полностью стеклянной. Идея была одобрена и, с тех пор, ему достаточно было лишь поднять голову, чтобы, не выходя из-за стола, убедиться, что в отделе царит порядок. Теперь, если девушке нужно было что-нибудь уточнить, ей не приходилось больше выходить из-за своего стола и окольными путями, через дамский туалет, полчаса добираться к нему, чтобы переспросить какую-нибудь мелочь. Теперь ей достаточно было лишь поднять руку и, через мгновение, он уже был возле нее. Это нововведение разрешило одну из самых серьезных проблем осложнявших работу отдела. Потому что раньше, стоило какой-нибудь девушке покинуть свое рабочее место, как ее примеру следовала другая и, к полудню, в отделе царила суматоха не хуже, чем на вокзале. Кабинет со стеклянной стеной был его гордостью. Это был его личный вклад в работу компании. Около девяти лет назад его отметил вице-президент. Во времена депрессии он не сомневался, что его зарплата не была урезана только потому, что высшие руководители понимали, что человек, способный выдать такую идею ни в чем не может быть ущемлен.

Но с недавних пор для него стало невыносимо сидеть на виду у стенографисток. Потому что теперь, подняв голову, он ничего не видел за стеклом. А в этот момент его могли позвать, но не дожидаясь ответа. День за днем он прохаживался вдоль рядов, как будто по важным делам, хотя в действительности, он отчаянно старался оказаться там, где при необходимости его можно было легко позвать голосом.

И вот этим утром он сидел за своим столом, выдерживая максимально допустимую паузу, прежде чем решиться с серьезным видом выйти в отдел. Ему было известно, что девушки посмеиваются над ним. Но, тем не менее, он должен был находиться среди них. Это было невыносимо, но он шел и, по мере того, как проходили недели, он ощущал, что на его этаже рождается невероятная в своей грандиозности ошибка. Погрешности в работе некоторых девушек его отдела могли накапливаться здесь до тех пор, пока какой-нибудь промах не пройдет через хитросплетения внутренних связей Корпорации и не приведет к катастрофе, в результате которой он окажется на улице без работы.

Делая вид, что разбирает кипу бумаг на рабочем столе, он уже было поднялся, чтобы направиться в дальний конец отдела, когда стол вздрогнул от телефонного звонка. Громкость

звонка была максимально понижена, чтобы не отвлекать девушек от работы. Он снял трубку так, будто ничего необычного не было в телефонном звонке через пять минут после начала рабочего дня. Но в действительности это было необычно, поэтому у него перехватило дыхание, и участился пульс.

– Ньюмен.

– Говорит мисс Келлер.

– Слушаю вас, мисс Келлер.

– Вас вызывает мистер Гарган. Прямо сейчас, если вы можете. У него назначена встреча на это утро.

– Сейчас буду.

Он положил трубку. Несомненно, он испугался. Он встал и прошел через весь отдел к двери кремового цвета. Через нее он вошел в приемную к мисс Келлер. Широко улыбаясь, она кивнула ему, и он направился к следующей кремовой двери. Открыв ее, он вошел в кабинет мистера Гаргана. Мистер Гарган сидел за длинным письменным столом спиной к широкому окну с видом на реку. Густые, расчесанные посередине на пробор, черные волосы мистера Гаргана блестели в утреннем свете. О значительности мистера Гаргана свидетельствовали только две фотографии на его столе – никому больше не разрешалось держать на рабочем месте личные вещи. Одна фотография изображала небольшой катер мистера Гаргана, который стоял в Устричной бухте на Лонг-Айленде, а на другой было два его шнауцера. На заднем плане, за собаками виднелся шести комнатный дом, который они занимали вместе с женой в Нью-Джерси. Когда мистер Ньюмен вошел, мистер Гарган смотрел на реку. Он повернулся к мистеру Ньюмену.

– Доброе утро, – только и сказал он.

– Как поживаете, мистер Гарган?

– Хорошо. Садитесь.

Мистер Ньюмен присел на край кожаного кресла возле стола мистера Гаргана. Он не любил устраиваться глубоко в кресле. Становясь ниже ростом, он всегда терял чувство уверенности в себе. Мистер Гарган взял газету, которую, похоже, читал и через стол бросил ее мистеру Ньюмену.

– Что вы думаете об этом?

Мистер Ньюмен опасаясь ответить невпопад, тут же наклонился над газетой. – Я не читал сегодняшних газет. О чем...?

– Ведь вы не можете прочесть ее, правда?

Мистер Ньюмен замер. Он встретился глазами с пронзительным, полным гнева взглядом мистера Гаргана.

– Почему же, в конце концов, вы не закажете себе очки? Почему! – раздраженно воскликнул мистер Гарган.

Мистер Ньюмен не слышал ни одного слова, но все понимал. По его телу ручьями тек пот.

– Ради Бога, но хоть меня то вы видите?

Мистер Ньюмен чуть было не рассердился. – Я не так плохо вижу, я только...

– Нет, вы именно так плохо видите. С этим все ясно. Я сомневаюсь, что вы отчетливо видите мое лицо, – вызывающе наклонился вперед мистер Гарган.

– Да нет же, я вижу вас. Я только немного...

– Это вы проводили собеседование с мисс Кап? Той, что вы приняли на работу в прошлую пятницу?

Они заговорили быстрее.

– Я лично провожу собеседование со всеми. Без этого собеседования я никогда никого не принимаю на работу.

– Значит, вы не видите меня хорошо. Мистер Гарган убежденно откинулся назад.

Мистер Ньюмен напрягся, чтобы лучше рассмотреть его лицо. Действительно очертания рта были немного расплывчатые, но его ослеплял свет из окна...

– Ньюмен, мисс Кап не может работать у нас. Это очевидно. Наверняка, ее фамилия Капинская или еще почище этого.

– Но этого не может быть, я...

– Мне некогда спорить с вами...

– Но я не спорю, сэр, я просто не могу поверить в то, что она...

– Вы не можете *увидеть* это, Ньюмен. Но почему же вы не носите очки? Неожиданно тон мистера Гаргана изменился. – Я надеюсь ничего серьезного? Я не хотел никак вас...

– Да нет, у меня просто не было свободного времени. Нужно закапывать глаза и все такое. Эти процедуры выбивают из колеи на несколько дней... – Мистер Ньюмен склонил голову набок и улыбнулся, пытаясь замаять свою оплошность с очками.

– Ну, так найдите время. Вы знаете, к чему это может привести. Такая сотрудница мешает работать всему отделу. Девушки полдня обсуждают ее в комнате отдыха. Вы знаете, как легко отвлечь их от работы. Нам не рекомендуется принимать на работу подобных людей.

– Да, разумеется...

Гарган наклонился ближе к мистеру Ньюмену и обворожительно улыбнулся.

– Так что такого больше не случится, правда?

– Нет. Я сегодня же ею займусь.

– Не волнуйтесь. На этот раз я сам все улажу, – удовлетворенно сказал тот и встал. – Думаю, у меня лучше получится ей все объяснить. Если сделать что-то не так, эта история может попасть в газеты или произойдет еще что-нибудь. Я сам займусь этим.

Мистер Ньюмен кивнул. Они снова были вместе как прежде – в одной команде. Чем меньше сейчас будет сказано, тем лучше. Он проникся важностью происходящего и вместо того, чтобы улыбаться от переполнявшей его радости, нахмурил брови. Возле двери мистер Гарган посмотрел на него с высоты своего роста.

– Потому что мы действительно хотим впредь избежать подобных происшествий. Вы понимаете, что я имею в виду.

– Да, конечно. Сегодня после работы я пойду к врачу.

– Пропустите день, если нужно.

– Слишком много текущей работы. Я пойду около четырех.

– Чудесно. – Мистер Гарган открыл дверь. – Я же никак вас не обидел?

– Нет, конечно, нет, – засмеялся мистер Ньюмен.

Улыбаясь, он быстро просеменил мимо мисс Келлер и вышел из приемной. После того как дверь за ним закрылась, ощущение братства возникшее во время разговора с мистером Гарганом улетучилось, потом исчезла улыбка. Он тихо прошел в свою кабину. Долгое время он сидел, уставившись перед собой. Работать не было никакой возможности. В конце концов, он пошевелился, поднес часы к самому носу и внимательно рассмотрел их. Осталось всего семь часов. Часы выскользнули из руки и упали на стол. Он подхватил их, приложил к уху, а потом осмотрел стекло, которое запотело от его дыхания и стало скользким.

Глава 4

Он не ушел в четыре. Он дождался пяти.

Кабинет окулиста находился этажом выше магазина изделий из кожи. Мистер Ньюмен был один в просторной квадратной приемной. Дверь в конце комнаты была занавешена широкой черной портьерой. Там производился осмотр. Он сел на стул рядом с окном размером с магазинную витрину, достал уже второй за сегодня носовой платок, протер внутреннюю ленту шляпы и снова надел ее на голову, выровняв, как обычно, горизонтально. (Его голова была сплющена с боков, поэтому он никогда не надевал шляпу набекрень, хотя через несколько минут она все равно сама принимала горизонтальное положение. Со временем он поверил в то, что надевание шляпы набекрень делает голову несимметричной, и настойчиво твердил об этом другим.)

Осторожно, так, чтобы не расправилась стрелка на брюках, он положил руки на бедра и

посмотрел через широкое окно вниз на улицу. Он отупел от дневной жары. Уже много дней его терзал ужас от мысли о том, что, как сейчас, он будет сидеть, и ждать окулиста. Но, как плод созревает под солнечными лучами, так и он, после того как его осветил луч власти, созрел, чтобы оказаться здесь. Гарган сказал ему прийти сюда и вот он уже здесь и ужас, который таился в нем не мог ожить и обрести силу до тех пор, пока он выполнял то, что ему было велено. Он ждал, уставившись в окно и видя на улице неясные пятна. Мысли складывались в цепочки уводя прочь и он следовал за ними, вспоминая тех, кто подхалимничал и выслуживался лишь бы остаться на плаву, в то время, как он продолжал работать в компании, пусть не получая по заслугам, но не теряя чувства собственного достоинства и так проработал всю депрессию и всю войну. Потому что он строго придерживался правил, исполнял свои обязанности, перенося непрерывные унижения сверху. Он был в безопасности и всегда будет. Когда эта ужасная война закончится он, может быть, даже найдет женщину и женится. Может быть, придется уговорить мать переехать к ее брату в Сиракузы. Может быть...

Он сидел в тихой комнате, уставившись вниз на улицу, которую не мог ясно разглядеть, и перед ним предстал необычный, но настойчивый образ – фигура женщины. Она была большой, почти толстой и он не мог разобрать ее лица, но знал, что она близка ему. Она давно обитала в его воображении и, казалось, с особой готовностью возникала перед ним именно тогда, когда долг загонял его в угол. И сейчас ее тело, как всегда в таких случаях, напомнило самый первый раз, когда она ему явилась. Он находился в окопе возле французской границы и сидел он там, в воде уже трое суток. Той ночью к ним в окоп пришел полковник Таффри, сказал, что утром они пойдут в атаку, и ушел. И вот за те нескольких часов до рассвета она и предстала перед мистером Ньюменом, и его руки почти касались ее бедер и изгибов тела. И когда пришло время атаки, он вскарабкался на бруствер и поклялся сохранить свою страсть для нее и свое отношение к ней, потому что это было самым удивительным желанием, которое он когда-либо испытал в своей жизни. Если он когда-нибудь вернется домой, он найдет хорошую работу и будет работать пока не приобретет хороший дом, как те, что в рекламе, и тогда у него будет она, с такими формами и близостью. Но после того как он вернулся домой, он сидел вместе с матерью в их маленькой гостиной в Бруклине и, в опускающихся сумерках, мать тихо говорила о том, как у нее отнимаются ноги...

Голоса в комнате заставили его вздрогнуть и осмотреться. Он никого не увидел. Наконец он понял, что голоса доносятся из-за черной портьеры в углу напротив. Его слух чрезвычайно обострился...

Он повернулся назад к окну. Его трясло. Что произойдет, размышлял он, если человек, такой мужчина как он, просто выйдет на улицу и исчезнет? Не приедет туда, где его ждут. Просто будет ездить по стране в поисках счастья, в поисках... например, суженой? Допустим прямо сейчас, выйти в эту дверь...

В комнату вошли. Он быстро повернулся и увидел, что к нему приближается окулист. Кто-то – какая-то женщина? – выходил в дверь. Он поднялся, моля Бога о счастье, и забыв как обратиться к окулисту доктор или мистер.

– Наконец-то! Я уже начал волноваться, почему вы не приходите, мистер Ньюмен. У вас все в порядке?

– Да, все в порядке! Готовы ли мои...?

– Уже три недели, – голос окулиста доносился из-за стола в другом углу комнаты. Мистер Ньюмен подошел к нему и увидел, как тот перебирает в выдвижном ящичке конверты, в которых были упакованы очки. Он подошел к мистеру Ньюмену и вынул их из конверта.

– Садитесь сюда. Окулист указал на стул перед столом и стал пододвигать другой для себя.

– Я спешу, доктор, я...

– Одну минуту, я посмотрю, подходят ли они вам.

– Все в порядке. В прошлый раз я примерял оправу, – сказал он нетерпеливо. Окулист снова заговорил, но мистер Ньюмен взял очки из его рук. – Мне действительно нужно идти

прямо сейчас. Я должен вам восемнадцать долларов, не так ли? – С этими словами он дал окулисту две десятидолларовые купюры, которые приготовил еще в приемной.

Окулист посмотрел на него, потом повернулся и, с деньгами в руке, ушел в смотровую.

На стене рядом со столом висело круглое зеркало. Едва доктор скрылся за черной портьерой, мистер Ньюмен молча шагнул к зеркалу и надел очки. Он увидел только разлитую ртуть, омывающую бесформенное голубое пятно его галстука.

Услышав за портьерой шаги окулиста, он сорвал очки с лица, и запихнул их в карман к носовому платку.

– Я думал о вашем случае, – отдавая мистеру Ньюмену сдачу, сказал окулист.

– И что же? – сдерживая любопытство, сказал мистер Ньюмен.

Продолжая говорить, окулист наклонился к ящику стола, взял маленькую коробочку и вынул из нее два изогнутых кусочка пластика. Он положил их на ладонь, прислонил раскрытую руку к животу и, выпрямляясь, сказал: – Придет время, мистер Ньюмен, когда никто не будет носить такие очки как у вас...

– Я знаю, но...

– Вы же даже не испытали их. Человек, которого беспокоит то, как очки изменяют его внешность, просто обязан добросовестно опробовать контактные линзы.

Мистер Ньюмен слышал это уже не в первый раз и, собираясь уходить, сказал, – Я четыре недели носил их каждый вечер. Я просто не выношу их.

– Многие именно так и говорят, пока не привыкнут, – ныл окулист. – Глазное яблоко естественно отвергает прикосновение любого инородного материала, но глаз это мышца, а мышцы...

Его назойливость заставила мистера Ньюмена поторопиться к двери. – Вы не должны...

– Я ничего не навязываю вам, я только рассказываю...

– Я не переношу их, – мистер Ньюмен с неприятным сожалением покачал головой. – После того, как я их вставляю, каждый раз, когда я мигаю, мне делается плохо. Это неестественно засовывать их в глаза по утрам и смачивать этой жидкостью каждые три часа... Я... ну, это просто выводит меня из себя. Они как будто *двигаются* в глазах.

– Но они не могут двигаться...

– Но они двигаются. – Теперь он делился ужасным разочарованием, которое пережил за те недели, когда сидел в своей комнате пытаясь приучить глаза к прикосновению линз. Он гулял в одиночестве по ночам с линзами в глазах и однажды пошел в кино, чтобы проверить сможет ли забыть о них во время фильма. – Я даже ходил в них в кинотеатр, – говорил он, – я все перепробовал, но когда я одеваю их, я не могу забыть об этом. Понимаете, прикасаюсь к веку и ничего под ним не чувствую. Это... это изводит меня.

– Ну что ж, – сказал окулист, пряча в кулаке крошечные чашечки и опуская руку, – вы первый так реагируете.

– Я слышал о других, – сказал мистер Ньюмен. – Если даже миллионы пользуются ими, то все равно попадают люди, которые их не переносят.

– Как бы то ни было, носите очки на здоровье, – сказал окулист, провожая его до двери.

– Спасибо, – сказал мистер Ньюмен и открыл дверь.

– Смотрите, – окулист уронил на пол одну из линз и засмеялся. – Прыгает как теннисный шарик. – Он стоял, указывая на линзу, которая подпрыгнула и мелко дрожала на полу, пока не замерла.

К счастью, в подземке он нашел свободное место. Сегодня он был бы не в силах простоять всю дорогу до Куинз. Он так переволновался, что ему стало бы плохо от запаха набившихся в вагон пассажиров, к которому он всегда был особенно чувствителен. Даже сидя, он чувствовал слабость. Новехонькие очки лежали у него в кармане, как маленькое живое существо. Как бы наперегонки с мчащимся к его дому поездом, он продолжал размышлять над тем, как бы обойтись без очков, но чем ближе к дому, тем очевиднее становилось, что без них он вскоре не смог бы даже выйти на улицу. Чтобы отвлечься, он попытался вернуть образ

безликой женщины из своей мечты о счастье, но она исчезла сразу же после появления, а чаще всего и наиболее отчетливо он смог представить лишь зеркало над раковиной в ванной комнате.

Он вышел на своей станции и поднялся по лестнице на улицу, видя перед собой только зеркало. Не заметив мистера Финкельштейна, который сидел перед своим магазинчиком, наслаждаясь теплым вечерним воздухом, он перешел на свою сторону улицы и свернул на дорожку пересекающую крошечную лужайку перед его домом. Входная дверь была не заперта. Забыв снять шляпу, он прошел мимо сидящей в гостиной, возле радиоприемника, матери и быстро поднялся по лестнице, потому что хорошо знал эти ступени. Зайдя в ванную комнату, он крикнул матери «добрый вечер» и включил свет. Пристроив шляпу на плоском краю ванной, он вынул очки. Дужки с трудом поддались, и он осторожно открыл их. Он надел очки и посмотрел в зеркало. Снова перед глазами вспыхнуло ртутное пятно, расцветенное красками его галстука. Он вгляделся в эту серебряную массу. Потом мигнул и снова посмотрел. Справа он увидел раму зеркала. Она стала видна очень отчетливо. Теперь прояснилась и левая сторона. Вся рама зеркала стала удивительно отчетливой, до такой степени, что он забыл, зачем пришел сюда и оглядел ванную комнату. Он как будто вздохнул во всю грудь, как не дышал уже очень много лет. Щетинки зубной щетки... как ясно они были видны! Плитка на полу, узоры на полотенцах... А потом он вспомнил...

Он долго стоял и рассматривал себя, свой лоб, подбородок, нос. Потребовалось немало времени для тщательного изучения частей лица, прежде чем он смог увидеть себя целиком. Как будто пол ушел у него из-под ног. Сильно забило сердце, так, что голова покачивалась с ним в одном ритме. Слюна собралась в горле, и он кашлянул. В зеркале его ванной комнаты, которой он пользовался уже почти семь лет, он видел лицо, которое, несомненно, могло быть определено, как лицо еврея. В сущности, в его ванную комнату забрался еврей. Очки сделали с его лицом как раз то, чего он боялся, но весь ужас состоял в том, что именно так все и произошло. Это было значительно хуже, чем три недели назад, когда он примерял у окулиста оправу без стекол. Они еще сильнее увеличили его сходство с евреем типа Гинденбурга, потому что у него были гладкие ровные щеки, угловатые очертания черепа и очень светлая кожа и – особенно красноречиво – намечающиеся мешки под глазами, угрюмые, как у Гинденбурга. И это было бы плохо, но не так невыносимо. Теперь, когда линзы увеличили его глазные яблоки, бесцветные мешки исчезли и засияли довольно выпученные глаза. Оправа как будто уменьшила его плоский череп, покрытый блестящими волосами, и так изменила его нос, что если раньше его можно было назвать немного острым, то теперь из-под очков торчал настоящий клюв. Он снял очки и снова медленно их надел, чтобы проследить за преобразованием. Он попробовал улыбнуться. Это была улыбка человека, которого заставляют позировать перед камерой, но он не менял выражения и это уже была не улыбка. Под такими выпученными глазами это была ухмылка, а зубы, которые и раньше не были ровными, теперь как будто оскорбляли улыбку и уродовали ее до издевательской, неуверенной пародии, гримасы, пытавшейся симулировать веселье и, как ему казалось, изобличенной по-семитски выступающим носом, выпуклыми глазами, оттопыренными ушами. Ему представилось, что его лицо по-рыбьи вытянулось вперед.

Он снял очки. Теперь он видел хуже, чем когда-либо раньше, отчего даже закружилась голова. На негнущихся ногах он прошел из ванной комнаты по коридору до платяного шкафа, повесил пиджак и спустился по ступенькам в гостиную. Его мать, сидя с бруклинской газетой на коленях, включила лампу на подставке за своей спиной, что делала только когда он возвращался вечером, и смотрела на него через дверной проем, готовая начать короткий вечерний разговор, соответствующий обычному обмену приветствиями.

Он мог почувствовать запах ужина на плите. Он знал, где находился любой предмет обстановки, сколько за него было заплачено и сколько времени пройдет, прежде чем ему придется снова красить потолок. Это был его дом, его жилище и эта пожилая женщина сидящая в кресле на колесах возле выключенного радиоприемника была его матерью, и все же он двигался так скованно, как будто был здесь чужим. Он присел на кушетку перед ней, и они

заговорили.

– Ты повесил пиджак? Было ли очень жарко сегодня в городе? Сильно ли толкались в подземке? Много ли было дел? Как поживает мистер Гарган?

И он ответил на ее вопросы, и пошел есть то, что приходящая прислуга приготовила ему на ужин. Не ощущая вкуса и, ничего не переваривая, он ничего и не съел. Потом он умылся над кухонной раковиной и вытерся полотенцем, которое было здесь для подобных случаев. Странно, но, единственно о чем он мог сейчас ясно думать так это о том, как отчетливо он видел щетинки на зубной щетке. Он взял газету, которую не дочитал вчера вечером, – он всегда дочитывал вчерашнюю газету, прежде чем перейти к сегодняшней – снова сел на кушетку под лампой и надел очки. Чувствуя, как что-то сжимает его руки, он снял черные резинки, придерживающие рукава рубашки и положил их рядом. Мать позвала его по имени. Он поднял голову и повернулся к ней лицом. Она разглядывала его, постепенно наклоняясь вперед в кресле. Он слабо улыбнулся, так же, как когда покупал новый костюм.

– Надо же, – засмеялась она наконец, – прямо как настоящий еврей.

Он засмеялся вместе с ней, чувствуя, как торчат его зубы.

– Что же ты не мог заказать очки без дужек?

– Я примерял и такие. Результат тот же. С этой точки зрения, это самые подходящие.

– Не думаю, что кто-то что-нибудь заметит, – сказала она, взяла газету и поднесла ее ближе к свету.

– Думаю, не заметит, – сказал он и взял свою газету. Тело было мокрым, а лицо сухим и прохладным. Со двора в дом двинулся ветерок. С улицы послышались вопли детей, затихшие вдали, когда дети убежали прочь. В раздражении, они обменялись с матерью возмущенными взглядами по поводу этого вторжения в спокойствие их квартала; ощущение обычности происходящего как будто восстановило душевное равновесие. Он вернулся к газете и, как ему показалось, впервые смог читать ее с удовольствием. Обыкновенно, из-за того, что глаза быстро утомлялись, он прочитывал едва ли больше передовой статьи о войне, часто отвлекаясь на мрачные воспоминания о том мрачном годе, что он провел во Франции. Сегодня вечером, он даже дошел до коротких сообщений внизу страниц. Одно из них он прочитал не менее пяти раз. Это была небольшая заметка. В ней говорилось о том, что предыдущей ночью, какие-то вандалы забрались на еврейское кладбище, опрокинули там три надгробных камня и нарисовали свастику на других. Этот материал поглотил его внимание, как когда-то детективные романы. История остро пахла насилием, сродни тому грозному предзнаменованию темных дел и безжалостной силы, которое источали опоры в подземке. Его глаза продолжали мусолить эти два абзаца как будто для того, чтобы извлечь из них последнюю волну эмоций.

Его охватил глубокий покой; волнения, сотрясавшие тело, казалось полностью улеглись. И в сознании возник сон о карусели. *«Полиция! Полиция!»* Он увидел пустые тележкидвигающиеся вперед, затем неожиданно назад, затем снова вперед. Что же, Господи, производилось там, под землей? О чем же таком он думал, что ему привиделся такой сон? В своих мыслях он сел на одну из свободных тележек, на большого, чрезмерно украшенного желтого лебедя. Он ехал вперед, потом его потянуло назад, потом снова вперед... Он ощущал гул и мощь работающих под ним подземных машин. Темный страх шлепнул его по затылку, и он яростно отогнал мысли о карусели и сосредоточился на газете... редакционная статья, восхвалявшая пожарную службу, другая статья о морали, потом рассказ об использовании алмазов в создании военного оборудования. Он читал, но слова высыпались из головы, и оставалась только картина опрокидывающихся надгробных камней и вандалы с ломami и тяжелыми металлическими прутьями в руках разбивающие мраморные звезды Давида в пыль.

Когда мать дочитала газету, она подкатила к нему свое кресло. Он спал. Она потрясла его. Он разложил для нее кушетку и помог лечь. Потом он поднялся наверх и разделся. Его шляпа осталась лежать на краю ванной. Еще никогда она не проводила ночь вне своей овальной коробки.

Глава 5

На следующий день он, как обычно, пошел на работу, вернулся домой, пообедал и лег спать привычно рано. Миновал второй день, за ним третий. На четвертый день, около полудня, он сидел за рабочим столом за стеклянными стенами у себя в кабинете и даже ощущал едва заметные приступы ликования. Подобное настроение бывало у него редко.

Никто не заметил в нем никаких перемен. Одного этого было бы уже достаточно, чтобы поднять тяжелую пелену страха, за которой он так долго жил. Но было еще кое-что: его тихий мирок всколыхнули новые сильные ощущения. Три дня он проводил собеседования, подбирая девушку на место, освободившееся после мисс Кап – урожденной Капинской, – и хотя в былые времена несколько претенденток устроили бы мистера Ньюмена, теперь он отказал им всем. Теперь он отчетливо знал, что хотел найти для мистера Гаргана что-нибудь необыкновенное, кого-нибудь такого, кто, в каком-то смысле, идеально продемонстрировал бы его способности в подборе кадров. Его организм стал работать быстрее, как будто ему был брошен вызов, – даже работа показалась ему новой. Кроме того, теперь его охватил восторг, граничащий с ощущением братства с мистером Гарганом. Потому что именно этот человек заставил его видеть, взял все в свои руки и заставил его избавиться от страданий омрачавших его жизнь. Девушка, которую он примет на работу покроет все его прошлые промахи, включая случай с той Капинской. Девушка должна быть безупречной.

Тем более что последние два дня мистер Джордж Лорш проводил здесь очень много времени. Мистер Лорш был вице-президентом компании и отвечал за работу персонала. Его фотографии часто появлялись в газетах на страницах светской хроники. И поскольку в этом здании он проводил лишь несколько напряженных дней в году, проверяя и изучая производительность разных отделов, мистер Ньюмен легко мог представить признательность мистера Гаргана за прием на работу исключительной сотрудницы именно сейчас. Потому что по проверенным слухам именно мистер Лорш установил существующие стандарты, по которым кандидатов принимали на работу в компанию. Зайдя на этаж и переходя из кабинета в кабинет, он всегда внимательно осматривал девушек. За прошедшие два дня, проходя мимо его кабины, он дважды посмотрел мистеру Ньюмену прямо в глаза и один раз улыбнулся ему. Мистер Ньюмен посвятил себя поискам идеальной девушки.

Он посмотрел на три оставшиеся на столе заявления на прием на работу. Имя вверху одной из анкет понравилось ему. Гертруда Харт, тридцать шесть лет, неполное среднее образование. Не замужем, принадлежит к англиканской церкви. Родилась в Рочестере, штат Нью-Йорк. Он позвонил в приемную и попросил пригласить к нему Гертруду Харт.

Перед его столом она выглядела довольно необычно. Приходившие к нему девушки редко пахли даже одеколоном, – ее же окутывал густой аромат духов. Никто не приходил с цветами в волосах – в ее зачесанные на макушку темные густые волосы, была сверху воткнута живая красная роза. И все же она держалась прямо, изысканно и была полна достоинства. Она легко и изящно положила руки на спинку стула и стояла, смотря на него; она особым образом отставила бедро в сторону, так, что эта поза не было непристойной, а просто выражала совершенную непринужденность. Что поражало больше всего – даже больше, чем блестящее черное платье – так это ее улыбка, при которой левая бровь приподнималась немного выше правой – она улыбалась, не изгибая свои полных губ. Мистер Ньюмен услышал, как сказал: – Садитесь, пожалуйста.

У него вздрогнуло внутри, когда она легко подошла ближе и села рядом со столом. Когда она положила руку на край стола, у него пересохло во рту, как будто она провела ею по его лицу, потому что стол был такой же интимной и живой частью его тела, как и другие органы. Неожиданно он осознал, как удивительно изгибаются ее ноги и бедра, одно из которых касалось стола. Он почувствовал как его шея, грудь, руки увеличились в размерах.

Он опустил глаза как будто для того, чтобы изучить ее заявление. Написанные на бумаге слова поблекли, а потом исчезли. Не отваживаясь поднять глаза, он попытался вспомнить ее лицо. Уставившись в заявление, он удивился еще больше, потому что совсем не запомнил ее

лица. Она была похожа на женщину из его видения – аромат, бедра и прямая спина. И он поднял глаза и посмотрел ей в лицо.

– Как долго вы работали в компании этого Марквела?

Она заговорила. После первой фразы он больше ничего не слышал. – Ну, я работала там около трех лет, а потом...

Рочестер! Он изумленно смотрел на ее рот, который издавал ужасные протяжные, побруклински манерные звуки. Сияющее черное платье, облегающее фигуру неприступной величественной женщины с севера штата, превратилось теперь в наряд купленный специально для этого собеседования, теперь стало казаться, что стоило оно около пятерки.

Она продолжала говорить. И постепенно он перенес потрясение от еще одного полного изменения впечатления. Несмотря на сильный акцент, она действительно была величественной. Он впервые смог рассмотреть ее лицо. Больше всего его заинтриговала изогнутая дугой левая бровь. Благодаря ей создавалось впечатление, что она улыбалась, но теперь он понял, что она не улыбалась. Она изучала его, и где-то в глубине ее карих глаз он потерял контроль за собеседованием.

Она замолчала, ее бровь осталась безжалостно приподнятой. Он поднялся и стал за своим стулом, – в присутствии кандидата он никогда не делал ничего подобного. Но он не мог вести беседу, когда его глаза были на одном уровне с ее глазами.

Теперь он увидел, что лицо у нее овальное, а из-за высокой прически оно казалось еще более вытянутым. Но ее лицо не было худым. Губы пухлые – и красные, а полная шея нежно закруглялась, переходя в изгибы скул. Веки ее глубоко посаженных глаз были от природы темными, и он представил, что когда она спит, ее глаза кажутся немного выпученными. Именно ее лоб был причиной его смятения, когда он пытался представить ее лицо. Лоб был таким высоким и открывал так много напудренной кожи, что волосы казалось, отступали с него; он пытался уничтожить ощущение того, что ее лоб занял весь кабинет.

Если бы не этот лоб, подумал он, она была бы красивой. Никогда раньше ему не встречались такие женщины, однако, он узнал ее по тому впечатлению, которое она произвела на него, потому что в мечтах он видел какую-то ее часть – ту, которая разгорячила его и нарушила ровный ритм его дыхания. Ту, из-за которой это собеседование стало личным сразу же после того, как она вошла... Ту часть, что сделала его теперь таким уверенным, что она доступна для него. Она была доступна. Он понял это.

– Вы работали когда-нибудь на электрической пишущей машинке? – спросил он так, будто это было для него ужасно важно.

– Время от времени нам удавалось поработать, но на всю контору была только одна такая машинка. Там было не так как у вас, – сказала она с заметным благоговением. И говоря «у вас» она повернула голову, указывая на комнату с девушками позади нее. Мистер Ньюмен вообще прекратил шевелиться. Она снова повернулась к нему лицом, и он прошел к картотечному шкафу, откуда мог снова увидеть ее в профиль. Она подождала из вежливости, как будто предоставляя ему возможность посмотреть картотеку, но, не услышав никаких звуков, повернула голову и увидела, что он стоит там и смотрит на нее.

Ее брови резко опустились. Мистер Ньюмен быстро вернулся к своему стулу и сел за стол, в то время как ее лицо вспыхнуло.

Он долго не осмеливался поднять голову и посмотреть ей в глаза. Он знал, что она наблюдает за ним и не менял выражения лица. Только легкий румянец выказывал его возмущение и разочарование.

– Как вы, вероятно, знаете, – самодовольно сказал он, – нам нужны люди с опытом работы на электрической пишущей машинке. Я предполагал, что у вас есть такой опыт.

Он поднял голову и всем своим видом дал понять, что беседа закончена. Она демонстративно оглянулась на комнату полную девушек, работающих на обыкновенных пишущих машинках, а затем, перевела взгляд на него и ждала.

– Эти мы сменим при первой же возможности, – пояснил он. – Война задерживала производство, но электрические машинки мы намереемся использовать именно в этом

отделе...

Его храбрые слова затихали по мере появления на ее лице гримасы. Ее губы приоткрылись, а брови слегка поднялись вверх, и она собиралась то ли умолять его о чем-то, то ли плюнуть в лицо, – что именно он не понял.

– Я смогу великолепно работать на такой машинке после однодневной тренировки. В ней нет ничего особенного, тем более, если уметь печатать как я. – Наклоняясь так над столом, она выглядит неестественно, подумал он.

– Мы отдаем предпочтение людям, которые...

Ее гладкий розовый подбородок приближался к нему. – Мистер Ньюмен, я принадлежу к англиканской церкви с рождения, – прошипела она и от гнева на ее коже рядом с носом появилась красное пятнышко.

В том, что она сказала, для него не было ничего нового. Это были обычные слова, которые он слышал много раз раньше (кроме того, что большинство из них выбирали унитаристскую церковь – пока поднимались к нему на лифте). Однако он почувствовал, как у него похолодело на сердце, когда он смотрел на ее разъяренное лицо. Его охватывал испуг, и он не знал почему. Что-то было в ее глазах... в том, как она рассердилась, в той уверенности, с которой она сидела, дожидаясь его ответа. Она не двигалась, свирепо глядя на него... Эта близость... вот что испугало его... да, эта близость была внове. Ее злоба была личной. Она сидела так, будто все о нем знала, как будто...

Она принимала его за еврея.

Он приоткрыл рот. Ему захотелось убежать из кабинета, потом он захотел ударить ее. Она не должна делать этого своими глазами!

Он продолжал сидеть и от ненависти не мог говорить. И, тем не менее, вспотевшие ладони свидетельствовали о том, что он все же смутился, потому что его чрезвычайная вежливость не позволяла сказать, что он не еврей без антипатии к этому, а значит и к ней. И в его неспособности говорить, в его замешательстве, она, похоже, видела окончательное доказательство, и что странно – совершенно абсурдно – он беспомощно признал, что уже это было подтверждением. Потому что для него еврей всегда означал обманщика. Прежде всего. Это черта была присуща им всем. Бедные евреи притворялись, что они беднее, чем были на самом деле, богатые – что богаче. Проходя мимо квартала, где жили евреи, он всегда представлял за выцветшими занавесками кучи припрятанных денег. Увидев за рулем дорогого автомобиля еврея, он всегда приравнивал его к черномазому за рулем дорогого автомобиля. По его мнению, у них не было традиций благородства, как бы они не пытались их продемонстрировать. Если бы у него был дорогой автомобиль, он наверняка выглядел бы, как будто рожден для него. Любой не-еврей так бы выглядел. У еврея так не выйдет. В их домах пахло, а если не пахло, то потому что они хотели походить на не-евреев. По его мнению, даже приятные вещи они никогда не делали искренне, но только для того, чтобы втереться в доверие. Он знал это от рождения, с детства, которое началось в Бруклине на улице проходившей в квартале от еврейского района. Теперь, как и в те времена, он не мог думать о них без ощущения могущества и самоочищения. Слушая сообщения об их скупости он незаметно приходил к высокой оценке широты своих взглядов, что казалось доказанным уже тем, что он сам не еврей. И когда ему встречался щедрый еврей, его собственная бережливая натура негодовала и, поскольку он видел всех людей только своими собственными глазами, в еврейской щедрости он видел лишь надувательство и показуху. Притворщики, мошенники. Всегда.

И теперь в его смятении она находила подтверждение этого притворства, думал он. Вызывающая ухмылка в ее глазах была невыносима, тем не менее, он так и не смог заговорить. Он пытался пошутить, но не смог припомнить ни одной шутки. Он нетерпеливо отвернулся от нее и снова повернулся назад. За этот миг он впервые в жизни понял, что не вежливость удерживала его от резкого ответа. Он продолжал сидеть потрясенный неожиданным пониманием того, что порочность природы евреев и их бесчисленные хитрости, особенно их чувственная страсть к женщинам – факт, который ежедневно подтверждался их смуглой

кожей и припухшими глазами – все это было отражением его собственных желаний, которыми он их сам наделил. Он осознал это именно сейчас, возможно первый и последний раз, потому что именно сейчас ее глаза превратили его в еврея, – и его невероятное желание не позволяло ему возражать. Он понял, что хочет, чтобы сейчас она подумала о нем именно так, здесь, наедине в кабинете, чтобы она позволила ему погрузиться в эту порочную темноту, чьи глубины он часто исследовал только для того чтобы отворачиваться и отклонять. Именно для этого тайного мгновения, чтобы погрузиться и найти...

Охваченный отвращением к самому себе, он поднялся. От огорчения за свою развращенность он стиснул челюсти, а она, увидев это, решила, что он разгневался. Ее большая сумочка хлопнула ее по бедру, когда она шумно встала.

– Знаете, что надо делать с такими, как вы? – угрожающе сказала она. – Вас вешать надо, ясно!

Она изготвилась к схватке. Пристально рассматривая ее, он подумал, что когда ее лицо так выпячено вперед, она почти похожа на ирландку...

– Куда бы я ни пошла, везде одна и та же тупость. Я работала секретарем, в таких местах, где мне даже *не приходилось* печатать. Я работала в таких местах...

Он больше ничего не слушал, потому что когда она бросила взгляд через плечо чтобы посмотреть, не идет ли кто-нибудь, кто может помешать ей, он увидел иудейскую кривизну ее носа и темноту печальных глаз... Поворачиваясь снова к нему, она наклонилась вперед, и вонзила негнущиеся пальцы в крышку стола, и они трепетали перед ним как десять стрел с красными наконечниками. – Когда-нибудь вас таки вздернут! – тяжело дыша, взвизгнула она шепотом, добываясь от него ответа в том же духе.

У него на спине мороз побежал по коже. С тех пор, как мать кричала на него в детстве, он никогда так не страдал наедине с женщиной. Он не мог заслониться от сияния ее платья и ослепительной броши между ее грудей, и неприкрытое душевное волнение в ее потрясающе неистовых глазах влекло его, одновременно питая его испуг.

Самому себе, своему смущению и омерзительному желанию, он пробормотал, «Сожалею», и, отказывая, покачал головой.

Она резко повернулась вокруг, распахнула стеклянную дверь и пересекла отдел по проходу между столами. Она обладала ядовитым иудейским сарказмом и свойственным им отсутствием вкуса, подумал он. Он смотрел, как двигаются при ходьбе икры ее ног. Она была одета слишком нарядно, чересчур ярко нагримирована. Когда она уходила, он впервые заметил свисающий с ее руки мех. В каком-то смысле это стало последней каплей, – сегодня был очень жаркий день. Когда она скрывалась в приемной, он увидел, как ее ноги касался мохнатый меховой хвост...

Опустошенный, он опустился на стул. Он чувствовал себя расслабленным, хмельным. Над ним витало ощущение порока. Нашупав под горячим пиджаком, придерживающие рукава рубашки резинки, он скатал их вниз и ощутил, как кровь пошла в его холодные руки. Он осторожно снял очки, опустил их в карман для носового платка и уставился в пустоту. Грубая музыка ее голоса звучала в его ушах, аромат духов все еще держался в воздухе.

Когда к нему вернулось чувство времени и пространства, от удивления он резко дернул рукой, – он смотрел в заднюю непрозрачную стену своей кабины. Он сердито развернулся и сел лицом к стеклянным стенкам, за которыми находился полный девушек отдел. Через мгновение он поднял телефонную трубку и распорядился: – Пожалуйста, направьте ко мне... – Он запнулся и раздраженно выхватил заявление лежавшее под бумагами мисс Харт. Слова невыносимо расплывались. Его небольшой подбородок съезжился от ярости под губами, когда он поднес бумагу к самому носу. Из трубки в его руке зазвучал голос секретаря. Он положил заявление на стол, сунул руку в карман, вынул очки, надел их.

– Мисс Бланш Болан, – сказал он тихо, и положил трубку. Он продолжал смотреть вниз на заявление мисс Болан, как будто изучая, пока не услышал ее приближающиеся шаги.

На самом деле он *не видел* никого из тех, кто сегодня подходил к его столу и рассказывал о себе – он принял на работу безобидную на вид брюнетку с худощавым лицом. Весь день его

сопровождал аромат духов Гертруды Харт и вид ее бедер. И постепенно ее лицо исчезало из его воображения до тех пока осталось только ее великолепное тело, которое заменило то, безликое, из его грез. На протяжении дня он ловил себя на том, что смотрит на двери приемной как будто чтобы воссоздать в памяти и бережно сохранить каждое ее движение. Временами он вспоминал тот окоп во Франции, и на миг его снова охватывало то полнокровное, мучительное желание, что он ощутил тогда на рассвете. И мечтая так, он заметил мистера Лорша, который стоял рядом с его кабинетом пожимая руку мистеру Гаргану. Мистер Лорш сказал что-то, а потом через отдел ушел в сторону лифтов. Мистер Гарган дождался, пока вице-президент скроется из виду. Потом повернулся к мистеру Ньюмену и вошел в его кабинет. Он задумчиво скреб шею под выпяченным вперед подбородком.

Глава 6

– Лоренс, – начал он...

Мистер Ньюмен сцепил лежащие на столе руки. Никогда еще мистер Гарган не обращался к нему по имени.

Мистер Гарган прекратил скрести шею. Он мельком взглянул на мистера Ньюмена, побарабанил по столу пальцами и, следуя своей привычке, наклонил голову вниз, а потом глянул через плечо, что свидетельствовало о том, что он обдумывал нечто очень ответственное. Он заговорил, не изменяя позы.

– Мистер Лорш спланировал небольшую реорганизацию. – Он устало вздохнул, втягивая воздух через забитый густыми волосами нос. – Я не буду сейчас вдаваться в подробности, но вам придется перейти в угловой кабинет.

– В кабинет Хогана?

– Именно туда. Мистер Лорш считает, что будет лучше, если вы с Хоганом как бы... – Тут он взглянул на мистера Ньюмена. – ...поменяетесь местами.

– Работой?

– Ну да. Поменяетесь работами. Обменяетесь.

Мистер Ньюмен кивнул в знак понимания. Он ждал.

– Думаю вам известно, что у Хогана зарплата ниже вашей, но мы не будем уменьшать вашу. Вы будете получать такую же заплату, как и сейчас.

Мистер Ньюмен кивнул.

Мистер Гарган ждал, что он что-нибудь скажет. У него не было слов. Происходящее уничтожало его.

– Может, я сделал что-то такое, что...?

– Нет, ничего такого. Лоренс, не думайте, это не понижение в должности... – ласково улыбнулся Гарган; волосы, торчащие в стороны из пробора посередине его головы, изгибались дугой и делали его лицо похожим на бланшированную тыкву.

– Хоган работает здесь не больше пяти лет...

Что он говорит? Из какого такого потаенного убежища в его организме исходил такой сильный гнев? – Я не знаю как бы это лучше сказать, мистер Гарган...

– Я понимаю Лоренс, но...

Никогда в жизни он не перебивал мистера Гаргана. – Я хотел сказать, что буду плохо себя чувствовать на месте Хогана. Он всего лишь простой служащий, он...

– Вот здесь вы ошибаетесь. Хоган выполняет важную...

– Но почему? (И почему он был так уверен, что именно бедра и духи Гертруды Харт разбудили его, выпустили на свободу его ярость. Боже правый, как он только осмелился разговаривать с мистером Гарганом в таком тоне? Казалось, даже пол задрожал под ногами.) За что, мистер Гарган? Или я не справлялся с работой? Я заказал себе очки, я только что принял на работу превосходную девушку. Я...

Мистер Гарган стоял. Он был значительно выше мистера Ньюмена. Мистер Ньюмен замолчал, когда понял, что тоже стоит.

– Мистер Лорш... и я... – Теперь он тоже рассердился. Это было ужасно. – Мы с мистером Лоршем считаем, что для всех кого это касается, будет лучше, если вы будете работать в кабинете мистера Хогана. Это не срочно, но постарайтесь перейти туда еще в этом месяце.

Мистер Ньюмен ясно расслышал голос власти. Мистер Гарган повернулся и вышел, рассекая эхо от своего голоса.

Он сидел за своим столом и смотрел на ряды столов и девушек, смотрел на закрытую дверь кабинета Хогана. Снова служащий, после стольких лет. Без подчиненных, без приема посетителей, без телефона. В каком-то смысле он *станет Хоганом*...

После стольких лет.

Он поднялся, задыхаясь от не пролитых слез, глубоко вздохнул и медленно сел назад. Не может это быть окончательным решением. Особенно после стольких лет. Несколько слов и все самое приятное в его жизни разбилось вдребезги – его застекленный кабинет, простирающаяся перед ним подвластная ему территория, заставленная столами, за которыми сидели девушки, которые всецело зависели от него. Это не могло быть окончательным решением...

Он выдвинул ящик из левой тумбы стола, взял оттуда маленькое зеркальце и заглянул в него. Лицо блестело от пота. Его нос, казалось, безобразно изогнулся. Он встал, чтобы посмотреть на себя издали. Плохо, да, очень плохо.

Но не так уж все было плохо. Не после стольких лет. Он направился в кабинет мистера Гаргана, мимо мисс Келлер и через мгновение стоял перед своим начальником.

Гарган посмотрел на него и встал. Мистер Ньюмен высоко поднял подбородок как будто стоял по горло в воде.

– Мистер Гарган, честно говоря, я не понимаю какой вред, я приношу, находясь в своем кабинете, – решительно сказал он.

– Ньюмен, ведь это не вам решать, правда?

– Нет, но если вы хотите избавиться от меня, почему бы не..?

– По правде, Ньюмен, я сам ничего не заметил, пока мистер Лорш не обратил мое внимание. Но я согласен с ним. Нам кажется, что вы можете произвести не совсем хорошее впечатление на посетителей, которые приходят к нам в первый раз. Мы понимаем ваше положение и хотим платить прежнюю зарплату за выполнение работы Хогана. Старина, не знаю, что здесь еще нужно объяснять.

Это «старина» для мистера Ньюмена было зловещим заключительным аккордом в их приятельских отношениях. У него перехватило дыхание, как только это слово вылетело изо рта Гаргана.

Он сразу же направился к двери. Потом остановился, повернулся к мистеру Гаргану и сказал: – Я не представляю, как могу согласиться с этим перемещением, мистер Гарган. Я бы хотел, чтобы вы изменили это решение.

Глаза мистера Гаргана перестали блуждать. – Ньюмен, я не могу изменить это решение.

Мистер Ньюмен ощутил давление, под которым работал его начальник и посочувствовал ему. – Ведь вы хорошо меня знаете. Вы же знаете, что я не...

– Мистер Лорш знает то, что видит. И то, что он увидел, ему не понравилось. То же самое может произойти и с другими, теми, кто приходит в наш отдел впервые. У мистера Лорша есть определенное мнение, как должен выглядеть отдел и он имеет право на это мнение. Так ведь?

– Значит, тогда мне придется уйти.

– Это ваше дело, Ньюмен. Я думаю, вы делаете глупость, но мне бы не хотелось, чтобы вы оставались, если вас это не устраивает.

– Нет, я должен уйти.

– Почему вы не хотите подумать до завтра?

– Я не могу. Я...

Он умолк и продолжал стоять. Он ждал. Ждал...

Одного взгляда на непроницаемое серьезное лицо мистера Гаргана было достаточно,

чтобы понять, что ждать ему здесь было нечего.

– Тогда мне приходится попрощаться с вами, – с трудом произнес он.

– Обдумайте все...

– Нет, боюсь, что я должен попрощаться, – сказал он, опасаясь расплакаться.

Он вышел из кабинета, даже не дожидаясь ответа мистера Гаргана. В конце рабочего дня он на минуту задержался возле выхода из здания. Толпы идущих с работы людей с шумом двигались к подземке. Он шагнул и присоединился к потоку. В боковом кармане лежал настольный письменный прибор, который он купил когда-то. Тяжелая подставка неуклюже оттопыривала карман. В конце концов, он вынул его и понес в руке.

Глава 7

Выйдя из подземки, он положил письменный прибор назад в карман, и несколько медленнее, чем обычно пошел к своему дому. В подземке он снял очки, но заметил, что миссис Дипо поливает свою лужайку, и кивнул ей с присущей ему сдержанностью. Тучная миссис Блай сидела высоко на своей кирпичной веранде, дожидаясь мужа. Оттуда она поинтересовалась у него, было ли в городе так же жарко, как здесь. Кивнув головой и фыркнув, он ответил, что конечно так же, как здесь и пошел дальше. Малыш-сирота, которого усыновило семейство Кеннеди, поздоровался с ним со ступенек веранды их дома. Машинально поглядывая на окна чтобы увидеть, смотрит ли кто-нибудь из Кеннеди, он сказал: – Как дела? Во всем квартале больше никого не было. Его глаза снова сощурились, когда он пошел дальше, а рука немного согнулась, прикрывая оттопыренный карман. Над улицей висела дымка из мельчайшей пыли, и он почувствовал, что покрыт грязным потом. Душ манил его к себе, как обещание новой сверкающей жизни.

– А пиджак ты не собираешься снимать? – спросила его мать, когда он направился по лестнице в спальню.

– Я отдам его в чистку, – пробормотал он, и пошел дальше. В спальне он вынул письменный прибор и засунул вглубь выдвижного ящика комода, где лежали чистые простыни. В душе он поднял голову и подставил лицо так, чтобы струи воды били ему в глаза.

Одевшись, он остановился в дверях спальни, вернулся, вытащил письменный прибор из комода и остановился, оглядывая комнату. Затем, вспоминая, он поставил стул в чулан, забрался на него и засунул прибор далеко на верхнюю полку, туда, где прислуга никогда не убирала. Его звала мать. Он пошел вниз, надевая очки, и почувствовал запах поджаривающихся тефтелей. Он налил в кастрюлю воды и сел за стол, в то время как мать сидела возле плиты готовая бросить в кастрюлю два пучка спагетти.

Она спросила: – Жарко было сегодня в городе?

– Конечно, жарко, – сказал он, вытирая рукой разгоряченное лицо. Он снял очки и протер стекла салфеткой.

– Говорят, на улицах люди падают замертво.

– Я бы этому не удивился, – сказал он.

Она подождала, пока он не поставил еду перед собой, и не начал ужинать, потом подъехала к нему сзади на кресле-каталке; она сидела там и смотрела через дверь с сеткой для защиты от насекомых на небольшой задний дворик.

– На даче у мистера Гаргана сейчас наверно просто замечательно, – сказала она.

Он пробормотал что-то с полным ртом.

– Как ты думаешь, он когда-нибудь пригласит тебя туда.

Он пожал плечами и попытался вспомнить, нет ли чего-нибудь на верхней полке чулана такого, за чем туда могла бы забраться прислуга.

После ужина он вышел на веранду и устроился в одном из двух стоящих там шезлонгов. На верандах домов на противоположной стороне улицы начали появляться люди. Из пятого от него дома его окликнул Блай. Он улыбнулся ему в ответ и помахал рукой.

– Не замерз сегодня? – засмеялся Блай.

Ньюмен засмеялся и помахал головой. Потом, повернувшись в другую сторону, он быстро снял очки и подержал их в руках. То там, то тут вдоль улицы из шлангов забила вода, а люди на верандах сонно смотрели на прохладные струи. Откуда-то донесся отголосок женского смеха, и снова стало тихо. Все окна были открыты. На улице раздался звон упавшей где-то на кухне кастрюли. Мистер Ньюмен услышал сзади в гостиной движение матери. Она включила радио, и кто-то запел сопрано.

– Ты бы полил траву, – сообщила она через окно. – Иначе она сторит.

Он кивнул, но продолжал сидеть. Было бы нехорошо спускаться с веранды сейчас – все соседи вышли на улицу и если кто-нибудь остановится и заговорит с ним, он может разнервничаться. До сих пор он носил очки на улице без проблем – еще вчера или позавчера он и не обратил бы внимание на их любопытные взгляды. Вчера он был человеком, который работал в Корпорации. Обсуждая новости с Карлсоном или Блаем, или соседом Фредом он всегда оставался человеком, который работает в Корпорации. Этим все было сказано. Что бы им ни показалось в его очках, исчезало уже от самого факта того, где он работает. Но теперь этой поддержки не стало, и он знал, что будет с ними совсем один, и если они заметят, покраснеет и как чужой будет неловко переступать перед ними с ноги на ногу, как будто стесняясь своей внешности.

На другой стороне улицы появился Карлсон, который тащил шланг. Мистер Ньюмен отвернулся. Тот весело крикнул: – Лучше чтоб текла вода!

– А я отдыхаю, – улыбнулся в ответ Ньюмен и опустил глаза на свои туфли.

Он сидел, глубоко забравшись в кресло, и дожидался сумерек. В темноте он смог бы придумать что-то вроде плана. Последний раз он искал работу двадцать пять лет назад. Она нужна ему именно сейчас. Тогда бы он стоял перед домом в очках и поливал лужайку. Завтра ему придется рано выйти из дома, вовремя сесть на подземку, уехать... куда?

Куда?

Он напряженно скрестил наливающиеся ноги, откинулся еще дальше в кресле и попытался расслабиться.

На весь квартал разнесся стук закрываемой двери с сеткой от насекомых, и он повернулся на шум. На веранде дома примыкающего к магазинчику появился человек. Чтобы было лучше видно, мистер Ньюмен наклонился вперед. Осмотревшись, он надел очки. Новый человек в квартале. Длинная борода, седая борода. Господи, неужели у него на голове черная ермолка? Черная ермолка и борода!

Старик усаживался. Он развернул газету. Из бороды торчал длинный мундштук, который он придерживал указательным и большим пальцами.

Мистер Ньюмен сидел и изумленно глазел на него. Наверное, это отец мистера Финкельштейна. Он смутно вспомнил, что кто-то говорил, что отец Финкельштейна умер. Наверное, именно об этом говорил Фред. Человек с длинной седой бородой, в ермолке и с мундштуком...

Он отвел глаза от старика и оглядел всю улицу. На него навалилась глубокая уверенность в том, что все изменилось. Семья Блай умолкла, и они сидели, не двигаясь, уставившись на старика. Мальчик-сирота шептал что-то мистеру Кеннеди на ухо, и оба рассматривали незнакомца. На другой стороне улицы со шлангом в руке насупившись, стоял Карлсон. Все лица повернулись в одну сторону. На улице раздавалось только шипение шлангов. Он поднял руку, медленно снял очки и засунул очки в карман рубашки, широко открыв настороженные глаза.

Волнующее событие разбудило в нем жажду деятельности. Он поднялся с шезлонга и, спустившись по ступенькам, пересек маленькую лужайку, медленно спустился по наклонному въезду к дверям гаража и открыл их. В гараже он нашел свернутый шланг и, разворачивая, понес его вверх по въезду. Он вернулся в гараж и открыл воду, поспешил на траву и поднял наконечник. Вода заклокотала, плюнула и пошла ровной струей. Он поднял голову и посмотрел вперед на веранду углового дома. На улице снова все зашевелились. Но теперь, как казалось, потише. Разговоры на верандах не переходили в громкий смех или в раскованный

спор. Появился незнакомец. Ньюмен повернул голову и посмотрел через дорогу на Карлсона, который так и не сдвинулся с места. Ньюмен продолжал смотреть на долговязую фигуру этого сотрудника банка, его костистые руки и белокурые волосы, потом дрожащими пальцами забрался в карман и вынул очки. Он надел их. Тут Карлсон перевел дыхание, повернулся и увидел его. Губы плотно сжались на его вытянутом лице, и, казалось он просит Ньюмена дать ответ на тревожную загадку.

Ньюмен еще раз глянул на угол и как человек, который однажды уже несправедливо пострадал и иронично относится к милостям недостойного мира, он беспомощно пожал приподнятыми плечами и печально покачал головой. Карлсон повернулся и, нахмутив брови, как будто что-то обдумывая, снова уставился на старика в конце квартала. Ньюмен снова повернулся к старику лицом. Он еще долго стоял, с удовольствием поливая лужайку и не снимая очки.

В воскресенье, в девять часов утра он обнаружил, что стоит посередине спальни оглядывается вокруг и пытается вспомнить, зачем он поднялся наверх. Все было трудно вспомнить. Вчера он все утро пытался заставить себя сходить в кино, но ощущение незаконности посещения кинотеатра в рабочее время не позволило ему сделать это. Вчера, уже только вечером он понял, что забыл пообедать. Теперь он стоял, мигая на залитом солнечными лучами ковре, и при мысли о завтрашнем дне его лицо начинало гореть. Снаружи донесся звон церковного колокола... Он радостно повернулся и пошел вниз. Существовало нечто, что он должен был сделать, место, где он должен был побывать. Каждое воскресенье он выходил на угол и покупал газету. Мир снова обрел реальность.

Он едва дошел до тротуара, когда его настигло ощущение чего-то странного. На улице что-то произошло. Это он понял. Может, собака попала под машину. Как будто что-то умерло. С улицы исчез воздух, ничто не двигалось, желтое солнце обдавало жаром. Он шел оглядываясь. Потом посмотрел на свои легкие брюки и проверил, застегнуты ли они. Потом он увидел миссис Дипо. Она не поливала свою лужайку.

В такую жару она всегда поливала лужайку. Она стояла на своей веранде одетая, как всегда, в белое, похожая на пожилую медсестру. И абсолютно неподвижно она смотрела на угол. Тротуар перед ее домом был сухим.

Он пересек мостовую и продолжил свой путь к магазинчику, и, став на край тротуара, он все увидел. На углу, немного позади газетной стойки, возле которой сидел Финкельштейн, стояли трое. Они смотрели... они смотрели на приближающегося мистера Ньюмена. Его сердце болезненно сжалось, и он клял себя за то, что забыл снять очки. Потому что там был и Фред, и Карлсон, и...

Время от времени, – наверное, два воскресенья из пяти – этот маленький остроносый человек, который стоял сейчас с Фредом и Карлсоном, располагался на другой стороне улицы напротив магазина Финкельштейна и продавал газеты из лежащей у его ног пачки. Мистер Ньюмен никогда не обращал на него внимания кроме одного раза, несколько месяцев назад, когда он подумал, что городские власти не должны допускать такую несправедливую конкуренцию между разносчиками и владельцами магазинов, которым приходится платить аренду, в то время как разносчики забирают всю прибыль себе. По этой же причине он был против торговцев вразнос с передвижных лотков.

Однако сегодня остроносый человек разложил свои газеты прямо на углу возле Финкельштейна – фактически не более чем в пятнадцати метрах от магазина. Мистер Финкельштейн спокойно сидел на раскладном стуле возле стойки, спиной к тем трем и, непривычно широко улыбаясь, смотрел на Ньюмена.

Ньюмен подошел к стойке Финкельштейна с рукой засунутой в карман, а Финкельштейн, который обычно к этому времени уже стоя держал свернутую для Ньюмена газету, поднялся только сейчас, и весьма неожиданно и, как показалось, с благодарностью и облегчением, начал сворачивать для него «Игл». Когда он повернулся к стойке за газетой, Ньюмен глянул на угол и помахал Фреду и сказал: – Привет. Вместо Фреда отозвался остроносый человек, который

проговорил нараспев: – Газеты! Покупайте американское. Газеты! Покупайте!..

Финкельштейн уже подавал ему газету. Он посмотрел на напряженное лицо еврея и как сумасшедший почувствовал, что в нем поднимается гнев. Газета уже коснулась его руки. В другой руке он держал монету в десять центов. Он ясно почувствовал, что внутри что-то хрустнуло, как будто его отрезают прочь. На тротуаре стояли те трое. Здесь стоял он с евреем. Он знал, что его лицо покраснело, ему хотелось купить газету у Финкельштейна, а потом подойти к незнакомому разносчику и купить у него тоже. Дурно было не покупать газету у еврея, потому что он знал, что в его глазах выглядит запуганным. Следовательно, не из чувства жалости он опустил руку пустой и сказал Финкельштейну: – Одну минуту.

А потом он подошел к тем, троем, и остановился перед Фредом, и, улыбаясь от растерянности, но, все еще сердясь, что не может отказать еврею не покраснев, он сказал: – Что происходит, Фред?

Фред глянул мимо него на Финкельштейна, потом по-дружески посмотрел на него. Карлсон, высокий светловолосый банковский служащий – очень консервативный тип человека – был взволнован.

Рядом с этой троицей, Ньюмен почувствовал, как его окутало спокойствие. Ощущение было таким, будто ему вместе с Гарганом удалось повернуть выгодную сделку, будто он был деловым человеком и был одним из тех деловых людей, которые умели жить.

Фред сказал: – Мы только хотим убедиться, что Билли может здесь реализовать свое право, только и всего. А Моргентау пытался выставить его из своего квартала.

Как будто возмущившись, Ньюмен сказал: – Не может быть! Ему хотелось, чтобы Фред продолжал говорить с ним так же доверительно – Фред, и Карлсон тоже.

– Представляешь, какие нервы у этого жида? – тихо спросил Карлсон. Он продолжал дрожать, как будто ему было холодно.

Ньюмен гневно покачал головой. Теперь проще будет сказать матери, что его уволили. После того, что он сейчас сделал, ему будет как-то легче перенести то, что завтра ему некуда идти. Каждый день он будет возвращаться в квартал, частью которого он является. Стоя там, на углу он снова ощутил себя полноценным жителем квартала, и почувствовал себя свободно.

А потом тонколицый человек подал ему газету и сказал: – Газету, мистер?

Ньюмен взял газету из маленькой загорелой руки и заплатил десять центов. Он знал, что Фред и Карлсон смотрят на него, и почувствовал, что они ждут, чтобы и он что-нибудь сказал о Финкельштейне. Он уронил газету, и она рассыпалась на тротуар. Маленький человечек помог ему, когда он наклонился чтобы собрать все листы газеты. Почему же он ничего не может сказать о евреях, ничего из того, что часто говорил сам себе. Он скрипел зубами, вероятно из-за того, что уронил газету, но он знал, что от своего неумения хотя бы пробормотать ругательство в адрес человека, сидящего в нескольких метрах позади него рядом с магазином. И он смог придумать, что единственной причиной его нерешительности было то, что он всегда был категорически против разносчиков, а теперь покупал газету у одного из них, а Фред и Карлсон стоят здесь и ждут теперь, чтобы он говорил и поступал, как человек, который никогда не был против разносчиков. Это было нахальным давлением на него, против которого он возражал, и когда он выпрямился и снова стоял с газетой под мышкой он посмотрел на Карлсона, зубы у которого были явно вставными, и у него появился страх, что они втягивают его во что-то ему чуждое.

Он засмеялся и похлопал газету под мышкой. – Не понимаю, зачем они выпускают их так часто. Между прочим, – быстро сказал он, – вчера ночью я слышал, что лаяли твои собаки. Что-то случилось?

Фред сказал: – Наверное, на луну, – и лениво почесал бедро. Карлсон продолжал внимательно рассматривать лицо Ньюмена, – его задумчивость содержала подозрение. Фред продолжил: – Прошлой ночью было полнолуние. Карлсон, ты видел?

С трудом отрываясь от сосредоточенного рассматривания Ньюмена, Карлсон взглянул на Фреда, и, все еще озабоченный, сказал: – Да.

– Ты, правда, хочешь сказать, что они лаяли на луну, да? – С удивлением, как будто

только сейчас узнал о таком, сказал Ньюмен. Почему Карлсон так рассматривал его.

– Конечно, – ты, что никогда о таком не слышал? – сказал Фред.

– Никогда, – сказал Ньюмен. И повернувшись к Карлсону, спросил: – Это что, научный факт?

– Ну да, – отсутствующе сказал Карлсон.

Не позволяя уму Карлсона отвлечься от новой темы, Ньюмен продолжал: – Я читал в «Игл», об одном ученом, который говорит, что после войны люди будут летать на Луну на ракетах.

– Нет, это невозможно, – категорически возразил Карлсон. – Любого кто попробует, разорвет на куски. Почему...

Теперь, когда с лица банковского служащего исчезло изучающее выражение, Ньюмен слушал с облегчением.

Несколько минут все трое стояли на углу, разговаривая о ракетах. Затем Ньюмен поправил газету под рукой и, непринужденно улыбаясь, сказал: – Ну, мне пора. Мать дожидается газеты.

– Увидимся! – сказал Фред.

– Пока! – кивнул Карлсон.

– Спасибо вам, – улыбнулся разносчик.

Ньюмен повернулся и пошел мимо магазинчика, его глаза смотрели строго вперед. Через несколько домов, посередине тротуара стояла миссис Дипо. Как будто поглощенный своими мыслями, Ньюмен сошел с тротуара и начал пересекать улицу. Он направлялся к противоположной обочине и находился как раз в центре проезжей части.

– Вы! Вы должны стыдиться собственного поступка! – Ее резкий старушечий голос казалось достал его и оцарапал шею, но он, не поворачиваясь, продолжил идти к тротуару на своей стороне и уверенно вошел в дом. Внутри он остановился, сжимая в кулак дрожащую правую руку. Глубоко задумавшись, он прошел в столовую и остановился перед зеркалом, висевшим над комнатным растением в горшке.

Завершающее вечер событие он наблюдал с высокой веранды со стороны входа: к дому рядом с магазинчиком на углу задним ходом подъехал старый открытый грузовик. Позади него садилось красное как мяч солнце. Голова мистера Финкельштейна возвышалась над бортами грузовика, – он руководил действиями людей, подтягивающих к краю кузова шифоньер, – и солнце образовывало ореол вокруг его головы. Это был старый шифоньер, – наконец-то привезли мебель его тестя.

Ньюмен неподвижно сидел и наблюдал. Его мать, наконец, устроилась возле открытой кухонной двери, пытаясь читать «Таймс». Он только что закончил уже четвертый раз за сегодня спорить с ней, потому что она никак не могла понять, почему он отказывается сходить к Финкельштейну, чтобы тот поменял эту газету на «Игл», а, прежде всего, почему он считает что «Таймс» лучше. Он настоял на своей новой точке зрения что «Таймс» ей подходит больше, и оставил ее ворчать на кухне.

Сидя теперь на жаре, он размышлял, как это он завтра пройдет мимо газетной стойки на углу и не купит газету. Конечно, он может просто остановиться и купить как обычно, как будто ничего и не произошло. В конце концов, он ничем не был обязан бедняге еврею, но это конечно не объяснение. И вполне могло случиться так, что в тот момент, когда он будет расплачиваться с Финкельштейном, мимо будет проходить Фред или Карлсон...

Краем глаза он заметил, что кто-то остановился на другой стороне улицы. Карлсон, увидел он. Тощий, с садовой лопатой в руке, он смотрел туда, где разгружался грузовик. Он повернулся к Ньюмену и, кивнув в сторону грузовика, сказал: – Вторжение продолжается.

Быстро, слишком приветливо, Ньюмен ответил ему через улицу: – Вот и я смотрю.

Они обменялись угрюмыми кивками, и Карлсон зашел в дом.

Миссис Дипо стояла перед своим домом, который был на четыре дома ближе к углу, чем дом Карлсона и мелким дождиком поливала свою лужайку. Сидящая рядом с ее тростью сука-спаниель тянула морду к освежающей воде. Время от времени, миссис Дипо поглядывала

через улицу на Ньюмена. Он знал, что так поздно она никогда не поливала.

Из дома, в который вносили мебель, вышел седобородый старик. Следом за ним выбежали Мортон и Ширли и с криком побежали к стоящему рядом с грузовиком Финкельштейну. Он шлепнул девятилетнюю Ширли, и она убежала в дом. Одиннадцатилетний Мортон стоял возле отца и деда и смотрел, как работают грузчики.

А теперь – Ньюмен знающе кивнул головой, – старик вынесет стул на лужайку и будет читать еврейскую газету, а через несколько месяцев въедет еще одна семья, а через год жильцы квартала начнут продавать свои дома. Наверное, Фред был прав; округу нужно от них очистить. Однако они имеют право жить где угодно...

Совсем неподалеку хлопнула, закрываясь, дверь с сеткой от насекомых. Он повернулся и увидел, как из соседнего дома с грохотом вывалился Фред, натягивая брюки и застегивая их на твердом выпирающем животе. Во рту у него была свежая сигара, – он только что поужинал. С удовольствием выгибая спину, он стоял, рассматривая грузовик на углу. Потом он повернулся к Ньюмену, чья веранда отделялась от его, низкой перегородкой из кирпича. Ньюмену казалось, что после еды он всегда становился полнее и как-то грубее с торчащей вперед свежей сигарой и зубами, которые были видны под косящими, запухшими глазами.

Повернувшись лицом к Ньюмену, он только один раз указал головой на грузовик. Ньюмен сердито сжал губы и покачал головой.

Не говоря ни слова Фред, подошел к перегородке и, приподняв бедро, устроился на ней опираясь спиной о дом.

Ньюмена охватило беспокойство. Его ладони на подлокотниках шезлонга стали скользкими.

– Присаживайся, – по-соседски сказал он Фреду, и снял очки.

Фред перемахнул через перегородку и подошел к нему. Он пружинисто сел на другой шезлонг и откинулся на спинку, глядя на небо над ровной линией крыш домов на другой стороне улицы. Солнце уже опустилось за грузовик, и он отбрасывал от угла длинную тень. Фред выдохнул дым, который повис вокруг его головы, потом повернулся и перевел свои запухшие глаза на Ньюмена. Ньюмен почувствовал, как забилося его сердце. Он никогда не мог сказать, о чем думал Фред, потому что в его глазах был виден только блеск.

– Очки купил, да? – рассматривая очки, Фред высасывал застрявшую между зубов частичку пищи.

– Да, вот совсем недавно, – непринужденно ответил Ньюмен, вертя их в руках.

Фред вытянул ноги и скрестил их. – Я различаю дорожные знаки за милую. Я ем овощи. – Он снова уставился поверх крыш.

– Овощи? Это никогда мне не помогало, – с готовностью сказал Ньюмен.

– Я имею в виду сырые. Видел, что делают собаки? Когда у них начинает слабеть зрение, они ищут и едят траву. Понаблюдай как-нибудь за моими собаками.

– Я думал, они едят траву для пищеварения.

– Пищеварение всегда связано со зрением, – авторитетно сказал Фред.

Ньюмен не был согласен. Месяц назад он бы упорно спорил. Но это был первый раз, когда Фред сидел с ним на его веранде. – Я никогда не знал об этом.

– Будь уверен, – сказал Фред и повернул голову направо, к грузовику. – Можешь прочитать надпись на грузовике.

Ньюмен надел очки. – Лед, – сказал он.

– Нет, под этим.

– Ну, нет, этого я не могу прочесть.

– Доминик Аудитор, Уголь и Лед. Брум стрит, 46. – Прочитав адрес, он казалось, сам удивился. Оба были поражены этим. – Брум стрит, – повторил он. – Это в нижней части Ист-Сайда. – Он повернулся и посмотрел на Ньюмена. – Вот кого он сюда привозит.

Некоторое время они оба смотрели на грузовик и на стоящего рядом с ним Финкельштейна. Фред повернулся и как будто хотел заговорить, но продолжал сидеть, уставившись на лицо соседа.

Ньюмен почувствовал, что сложившиеся слова уже готовы выскочить изо рта. Но он не был уверен, что они прозвучат без фальши. Он не привык говорить о насилии. К тому же теперь, после того, как вышел Фред, с другой стороны улицы на него смотрела миссис Дипо. Он промолчал. Фред продолжал смотреть прямо ему в лицо. Он почувствовал, как краснеют его щеки. Он вынул носовой платок и, прикрыв им лицо, громко высморкался.

– Карлсон бился со мной об заклад, что сегодня утром ты у него купишь.

– У него? – Ньюмен услышал что смеется.

– Я знал, что ты этого не сделаешь. Теперь мы собираемся каждое воскресенье приводить Билли на угол.

– Отлично, – спокойно сказал Ньюмен. Фред кивнул и снова повернулся на угол.

Ньюмен почувствовал, как будто на него подул прохладный освежающий ветерок и откинулся на спинку. Он погрузился в радужное видение понедельника, возможно работа в «Дженерал Электрик», больше денег опять же... – Как твои собаки? – безмятежно спросил он.

– Разленились, но в порядке. Я готовлюсь к большой охоте на открытие сезона.

– Снова поедешь в Джерси?

– Да. – Фред мечтательно покачал головой. – Знаешь, все отдал бы, чтоб сейчас поохотиться. Черт подери, я могу охотиться круглый год.

Никогда прежде между ними не возникала такая доверительность. Ньюмен услышал дружеские нотки. Он всегда раздражался от мысли, что Фред считает его чудачком. Теперь по какой-то причине он вырос в глазах Фреда. Это было приятно. – Хочешь принести жене еще лисьих шкур?

– У нее уже есть две. Не хочу ее баловать. Видел мое новое ружье?

– Новое купил, да? Смешно, но я не увлекаюсь охотой. – Возможно... возможно он и сходит на следующий раз. Хорошая новая работа завтра, потом с ребятами на охоту.

– Ты что, никогда ничего не подстрелил? – недоверчиво спросил Фред.

– Да нет, ничего...

– Но ведь ты же был на войне, правда?

– Да, но... – Он смутился от мысли о сравнении охоты на животное и тем, чем он занимался на войне. – Честно говоря, я об этом не рассказываю. Это то, о чем хочется забыть.

– Ты уложил кого-нибудь?

– Ну, да. – Чтобы покончить с этим, он признался: – Однажды я попал в одного фрица.

– Как это было? – Фред неожиданно полностью переключился на него. – Как ты его уложил? – Он замер и его голос был едва слышен.

Ньюмен попытался засмеяться, – Обычно, – потом снова посмотрел вперед, удивляясь, почему ему нужно бояться этого неожиданного восхищения Фреда тем, что он убил человека.

– Ты ходил посмотреть, куда ты в него попал?

– Фред, я не люблю говорить об этом, – серьезно и категорично сказал он. Он не мог понять, как, но то убийство как будто переключалось с сегодняшним днем.

– Ладно, но это произошло с первого выстрела? – спросил Фред так, будто это был последний вопрос на ответе, на который он настаивал.

Ньюмен услышал, как завелся грузовик для перевозки льда и с облегчением повернулся, чтобы увидеть, как он уезжает. Финкельштейн и его юный сын наблюдали за этим стоя на краю тротуара. Ньюмен глянул на Фреда, который повернулся, чтобы посмотреть на них. На щеках у Фреда вздулись желваки. Он снова повернулся к Ньюмену и уставился на него своими прищуренными голубыми глазами.

– Ты знаешь, что мы собираемся делать. Знаешь, да? – спросил он тихим хриплым голосом.

– Я... да, ты говорил мне.

– Ты с нами?

Ньюмену хотелось бы, чтобы они сидели немного дальше друг от друга, чтобы он мог двигаться. Он не хотел уклоняться от взгляда Фреда, а если бы сейчас он пошевелился, могло бы показаться именно это.

– Ну, а что же вы хотите сделать?
– Выгнать их вон отсюда.
– Как?
– Запугать их до смерти.
– Ты имеешь в виду... – Ньюмен замолк.
– Сделать так, чтобы им здесь стало плохо.
– Как вы думаете это сделать?
– Есть такая организация. Ты знаешь о ней.
– Да.
– Каждый день мы принимаем в нее новых членов. Когда людей будет достаточно, мы начнем действовать.

Они не шевелились. Голоса понизились до шепота. Ньюмен почувствовал, что глубоко сожалеет, что вообще рассказал Фреду о том, что когда-то убил человека.

– Как это, заставить выехать? – невинно спросил он, как будто чтобы таким образом восстановить свой старый образ в глазах Фреда.

– Понимаешь, так чтобы им больше не хотелось здесь жить, – сказал Фред, впервые выказывая нетерпение.

Ньюмен – как казалось, спокойно – снял очки. У него все вздрогнуло внутри, когда Фред своим негнушимся указательным пальцем ткнул его в бедро.

– Дело вот в чем. Когда ребята вернутся с войны, они будут искать организацию, которая сможет дать то, что им нужно. Они не потерпят, что все эти жида позанимали все должности, все рабочие места. Это ты знаешь, – добавил он. Ньюмен не смог возразить и кивнул. – Совсем скоро у нас будет очередное собрание. Хочешь, скажу когда. Придешь?

– Хорошо. Конечно, – нерешительно вздохнув, сказал Ньюмен.

– Ты же вступишь в члены, да? Тебе все будут рады.

– Ты имеешь в виду...

– В квартале.

– Карлсон с вами?

– Ну да. Он с нами с самого начала. На это собрание из Бостона приезжает известный священник. Знаешь, мы сотрудничаем со священниками, – сказал он, почти извиняясь, – до тех пор, пока они нам близки. Дело в том, что мы сможем очистить округу только все вместе, вымести их всех вон, – он кивнул в сторону углового дома, – как кегли. Что скажешь?

Мистер Ньюмен приподнял подбородок и сощурился как будто размышляя. Почему, спрашивал он себя, я должен предполагать, что они будут применять насилие? Однако, когда повернувшись, он посмотрел на Фреда, то понял, что тот говорил именно о насилии. Раньше, чем он успел сделать еще одно неопределенное замечание, Фред сказал: – Нам нужны люди твоего класса. Сегодня утром Карлсон хотел серьезно поспорить, что ты купишь у Финкельштейна. Он думал, что ты такой же.

Неожиданно для Ньюмена его осторожность улетучилась. – Какой это, такой же? – быстро спросил он.

– Ты знаешь, о чем я, – сказал Фред.

Ньюмен не знал наверняка. И он тотчас же испугался, что на его лице видно смущение от того, что имел в виду Карлсон. – Я присоединюсь к вам, – сказал он, беспокойно ворочаясь на брезентовом сидении шезлонга.

Фред легко хлопнул его по ноге и поднялся, оседлав подставку для ног шезлонга. Приподняв ногу, он подтянул брюки и с ухмылкой человека открывающего секрет сказал: – Ньюмен, ты что надо. – Он посмеялся над собой, как коммивояжер, который после сделки признается в собственной гуманности: – Ты из тех немногих в квартале с кем мне пришлось повозиться.

Ньюмен засмеялся: – Пришлось повозиться *со мной* ?

Он только сейчас понял, что весь этот год Фред говорил с ним так же искренно, как и во время сегодняшнего разговора. Раньше он не понимал, как далеко все зашло...

– Пора идти, прогулять собак. В подвале я делаю модель парусника, – сказал Фред, перемахивая ногой через перегородку. – Заходи потом когда будет время. Это мое хобби. Увидимся.

– Теперь не беспокойся, – сказал Ньюмен, когда Фред пошел в дом.

Уставившись на дом Карлсона на другой стороне улицы, он почувствовал некоторое облегчение. Карлсон, это не Фред. Карлсон работал старшим кассиром в банке. Служащий банка. Вспоминая теперь, как Карлсон повернулся к нему через улицу и сказал: «Вторжение продолжается», Ньюмен ощутил слабую гордость за его озабоченность. И Фред тоже... Весьма приятно быть в дружеских отношениях с соседями. Может быть, вращаясь в их обществе, ему удастся встретить подходящую женщину. Может быть...

К нему снова вернулась мысль о завтрашнем дне. Он поднялся с шезлонга с чувством острой тревоги. Куда ему идти? Что с ним будет?.. Он услышал, что справа от него открылась дверь, и появился Фред с двумя рыжими сеттерами, которые беспорядочно обнюхивали все вокруг него и путали поводки друг друга. Через перегородку веранды Фред засмеялся Ньюмену, засмеялся по-дружески. Затем вместе с собаками он сошел по ступенькам вниз на улицу, их длинные когти постукивали по бетонной дорожке. Разговаривая с ними вполголоса, он резко подтягивал их за поводки, когда они убегали слишком далеко от него, и вся троица скрылась в спускающихся сумерках.

Мистер Ньюмен постоял немного, прислушиваясь к затихающим звукам постукивающих когтей, а потом на улице воцарилась тишина. Стоя он почувствовал глубокую благодарность при воспоминании о дружелюбной улыбке Фреда. Его охватило ощущение товарищества. Слава Богу, чуть не сказал он вслух, не все так глупы как Гарган! Завтра он отправится в город и найдет работу. Даже лучшую должность. Например...

Его глаза заметили включенный в окне углового магазина свет. Оттуда на темный тротуар отсвечивало желтым. На лице мистера Ньюмена появилось выражение сурового негодования. Его грудь расправилась, а маленькая челюсть напряглась. Работают по воскресеньям, подумал он, чтобы не упустить ни гроша. Неожиданно разгневавшись, он снова решительно опустил в шезлонг. Он дожидается возвращения Фреда и потом серьезно поговорит с ним об этом. Смотря на желтый свет на углу, он почувствовал, как в него вливается неведомая ранее сила, казалось даже его тело увеличивается. Образ бородатого мужчины в ермолке, так уверенно устроившегося в их квартале, чувствующего себя так вольготно, возник перед ним и в сгущающейся темноте он дождался стука собачьих когтей.

Глава 8

Направляясь следующим утром на подземке с Восьмой авеню на Манхеттен, он изо всех сил подгонял поезд. Этим утром, безоблачным и жарким, на сказочном острове в конце туннеля его казалось, поджидала какая-то грандиозная ярмарка, на которой он будет прицениваться к заманчивым товарам, чтобы сделать выбор своего сердца. Он ехал искать работу.

Все эти годы, тщательно осматривая опоры в подземке, он ощущал одновременно как страх, так и надежду. Потому что он никогда не знал наверняка, какую роль сможет благополучно сыграть в случае неприятностей. Но теперь он уже встретился с неприятностью прямо на улице, при людях и ничего ужасного с ним не произошло – в результате, он, как никогда прежде сблизился со своими соседями. Сидя в вагоне, он почувствовал себя крепким. Даже сильным.

Он стремительно приближался к лучшему миру. После стольких лет в одном том же отделе, в одном том же здании, поиски работы представлялись приключением. Новое окружение, новые и интересные знакомства, возможно крутой поворот в жизни... Кто может определить, чего действительно стоят его способности на открытом рынке? Вчера вечером обнаружилось, что ему почти повезло, что он лишился старой работы. Там ему страшно недоплачивали. Теперь он наверняка может потребовать на первое время шестьдесят пять

долларов в неделю. Возможно, ему следовало уже давным-давно сменить работу. Действительно, размышлял он с удовольствием, он просто был обязан сделать это.

С ревом подъехал поезд. Мистер Ньюмен был одет в свой самый новый серый костюм. Его легкая шляпа довольно красиво изгибалась над поднятой, вернее, упрямой головой. На нем был накрахмаленный воротничок и тщательно завязанный голубой галстук, который он приберегал для особых случаев. Ногти на пальцах были аккуратно острижены и сияли розовым, как у младенца. Едва ли у него на душе была хоть морщинка. Его очки были на месте.

Устроившись на сидении, он просмотрел отдел частных объявлений в воскресной «Таймс». Но газета (которую он умышленно взял из дома для магазина на углу в качестве вещественного доказательства того, что сегодня утром газету ему покупать не нужно) не содержала ничего интересного для такого человека как он. Объявления о должностях, на которые он мог бы согласиться, помещались редко. Он был специалистом. Веселое настроение отвлекало его внимание от объявлений, он поднял глаза и увидел кое-что такое, что вызвало у него интерес – плакат закрепленный в изогнутой верхней части угла вагона.

Это была картина изображающая группу пассажиров в подземке, один из которых сидел с большой сигарой во рту. Выражение лиц его соседей выказывало искреннее отвращение к нему, а подпись к картинке гласила: «НЕ КУРИТЕ В ОБЩЕСТВЕННОМ ТРАНСПОРТЕ. ВЫ МЕШАЕТЕ ДРУГИМ ПАССАЖИРАМ». Однако внимание мистера Ньюмена привлекла нетвердо проведенная карандашом стрелка, указывающая на курильщика, возле головы которого было небрежно написано «еврей». Легкое смущение, которое охватило бы его раньше, сегодня утром не возникло. Вместо этого, немая «сцена» – прямо под плакатом стояло несколько собратьев того, что был изображен на плакате – вдохнула в него слабое, но несомненное ощущение силы. Не проснулось даже свойственное ему отвращение к плохому вкусу, потому что вчера вечером анонимный рисовальщик потерял часть своей пугающей анонимности и напомнил мистера Карлсона в большей степени, чем какого-то хулигана. Он всегда опасался, что могут начаться какие-нибудь бесчинства, и его поневоле вовлечет в их вихрь, а насилие в любом виде пугало его, но и этого страха он тоже не ощущал сегодня утром. Ибо что бы сейчас ни произошло, он уже был подготовлен Фредом к этому и если бы он принял какое-то участие, то лишь в соответствии с его темпераментом и понятиям о приличиях.

Так он улыбался, про себя, над словом, написанным над эгоистичным курильщиком, и считал его вполне уместным. И с чувством превосходства он всмотрелся в пассажиров и нашел своего еврея, и всеведуще приподнял брови с приятной осведомленностью о глупости человека – человека, который может сидеть так спокойно и безмятежно, в то время как на стене над его головой начертан его собственный приговор.

В той части города, куда он попал, выйдя из подземки, находилось несколько центральных административных отделов гигантских корпораций. Мистер Ньюмен, чувствуя, как его спину согревает утреннее солнце, постоял минутку на углу возле Уолл-Стрит и оглядел квартал. Его было не отличить от тысяч служащих, приезжающих сюда ежедневно на работу из пригородов, от тех, кто любит постоять немного на углу улицы, прежде чем зайти в небоскребы, где они возвращаются к своей сущности. Он почувствовал легкость на душе, когда степенно зашел в прохладный сводчатый холл здания, в котором три этажа занимала корпорация Экрон. На лифте он взлетел вверх и оказался на тридцать четвертом этаже. Его удивило, как все здесь было похоже на интерьер его собственной компании. Он подошел к юной даме сидящей в бюро информации. Она выглянула из-за газеты, которую читала и он спросил, где находится отдел кадров. Он назвал ей свою фамилию и профессию и после десятиминутного ожидания был приглашен в неожиданно роскошный отделанный кожей кабинет.

Он сел на превосходный стул со спинкой из красного дерева метрах в трех от стола мистера Стивенса, который был не старше тридцати пяти и наверняка получил университетское образование.

– Чем могу служить, сэръ? – спросил мистер Стивенс и добавил, – Вы из компании ***,

не правда ли?

– Нет, нет, – поспешно сообщил мистер Ньюмен, откидывая голову назад и слегка улыбаясь. – Секретарь спросила, чем я занимался и я рассказал ей, что...

– Значит, вы ищете у нас работу.

– Да, это меня интересует, – согласился он, кивнув и далеко наклонившись вперед.

– Понимаю. Это я ошибся.

Мистер Стивенс, худощавый мужчина с коротко подстриженными волосами, цвета шерсти собаки породы боксер, приветливо смотрел на мистера Ньюмена. На мгновение у мистера Ньюмена появилась надежда на возможность получить действительно ответственную должность. Хозяин кабинета казалось, размышлял о чем-то чрезвычайно важном...

– И на чем же вы специализируетесь, мистер Ньюмен? – мистер Стивенс повернулся кругом, чтобы освободить ноги из-под своего восхитительного стола.

– На подборе кадров, – сказал мистер Ньюмен, наклонившись вперед и не прекращая улыбаться, чтобы не выглядеть напряженным. – Я принял на работу большинство из тех, кто работает сейчас в ***. Я интересуюсь, есть ли у вас подходящая вакансия.

– Угу, – Мистер Стивенс снова вернулся в прежнее положение и, повернувшись лицом к нему, изучал свой, очень остро отточенный, карандаш. Он сказал: – Откровенно говоря, в настоящее время мы не нуждаемся в таком специалисте, но...

Мистер Ньюмен поднялся вполне непринужденно, но несколько поспешно. – Мистер Стивенс, все абсолютно в порядке. Просто несколько дней я как бы знакомлюсь с тем, как обстоят дела. Я зашел к вам, потому что вы именно то учреждение, которое может использовать таких людей как я. Понимаете, это как бы ознакомление с местностью.

Мистер Стивенс поднялся. Казалось, он был рад, что мистер Ньюмен так легко понял его намек. – Надеюсь вскоре вы снова зайдете, если за это время не найдете что-нибудь подходящее.

– С удовольствием, – заверил его мистер Ньюмен, уже взявшись за дверную ручку.

– И благодарю вас за внимание к нам... Как вы сказали, вас зовут?

– Ньюмен, Лоренс Ньюмен.

Короткая, не дольше секунды пауза, крылом невидимой птицы легко коснулась дужек очков мистера Ньюмена. Мистер Стивенс посмотрел на него задумчиво, а затем кивнул.

– Ньюмен, конечно. Итак, большое спасибо, и надеюсь, вы снова к нам придете.

– Я испытаю вас, – шутливо пригрозил мистер Ньюмен и с дежурной улыбкой вышел из кабинета мистера Стивенса.

В лифте, который доставил его на улицу, он ощутил едва различимый сладкий аромат духов. До него здесь наверняка была женщина. Образ той... как же ее звали? Гертруда. Харт. Казалось, что Гертруда Харт была какое-то время рядом с ним. Он вышел в холл здания и направился к высоким выходным дверям. Какое великолепное здание для работы! На следующей неделе он зайдет к мистеру Стивенсу. Он непременно попросит шестьдесят пять.

Он немного приоткрыл дверь телефонной будки. Хорошо, что визиты на сегодня закончены. Воротничок был насквозь мокрым.

– Мэллон? Ты говоришь о том маленьком мальчике, который водил хлебный фургон?

Мистер Ньюмен засмеялся. Он любил свою мать в эти редкие моменты, когда мог вести себя по отношению к ней покровительственно. – Он уже вырос. Сегодня мы собираемся вместе пообедать. Все эти годы он работал в квартале от меня, а мы никогда этого не знали.

– Тогда все в порядке, я скажу прислуге. Когда ты будешь дома?

– Около десяти. Берегите себя. Мальчик принес газету?

– Да, да. Принеси чего-нибудь прохладного выпить.

– Принесу, мама. И посидите на веранде.

– Там комары.

– Тогда, если будете в доме, проверьте, чтобы окна были распахнуты настежь. Все, до свидания.

– До свидания.

Он вышел из телефонной будки и подошел к столу, где его подждал Вилли Мэллон. Он почувствовал удовольствие от того, как надежно спрятал письменный прибор.

– Все в порядке? – спросил Вилли. Его лоснящееся ухоженное лицо имело, по мнению мистера Ньюмена, типично ирландское выражение. У него были голубые глаза, а уши торчали. Он говорил, что ему только тридцать три, однако он имел детей.

– Представляешь, – сказал мистер Ньюмен, садясь с другой стороны стола, – совсем рядом, а мы никогда не встречались.

– По утрам я обычно не прихожу раньше десяти, а ухожу в четыре. Может поэтому, – сказал Вилли.

– Наверное, – сказал мистер Ньюмен. Позвонив домой, он заходил в туалетную комнату ресторана, и его волосы выглядели так, будто он купался.

– Похоже, у тебя хорошая должность, Вилли, – невольно поздравил он его. Он несколько оторопел, услышав время работы Вилли. На самом деле, он немного не доверял словам Вилли, потому что на свой возраст тот слишком преуспел. Он выбрал ресторан, в который мистер Ньюмен никогда бы и не подумал зайти. В этом ресторане бывало много брокеров. Столовые приборы были серебряными, а салфетки из чистого льна. Потолок поддерживали дымчатые балки, а стены были обшиты панелями черного дерева.

– Да, мне нравится, – сказал Вилли. – Хорошая работа.

– Сколько ты работаешь в этой компании?

– С тех пор как окончил школу. Собственно говоря, я только там и работал.

– И поднимался вверх, да? – мистер Ньюмен хмыкнул, чтобы скрыть свою зависть.

– Наверное, можно так сказать. Я заместитель начальника отдела сбыта. Фактически руковожу я. Шеф сейчас служит во флоте. Как ты? Между прочим, знаешь, ты довольно сильно изменился?

– Правда?

– Не уверен, что узнал бы тебя, если бы ты меня не остановил.

– Знаешь, когда тебе стукнет сорок, тогда...

– По-видимому. Что будешь есть?

К ним наклонился официант. В кармане у мистера Ньюмена было семь долларов. Обеды стоили от двух долларов и дороже. Он заказал за два и почувствовал облегчение, когда Вилли выбрал такой же. Хотя теперь, когда он понял, как хорошо тот устроился, он сожалел, что настоял на совместном обеде. Он не испытывал желания говорить развозчику хлеба Вилли Мэллону, что был бы рад, если бы он поинтересовался о вакансии для него в его компании.

Официант ушел, и они снова нашли тему для разговора.

– Так и не женился, да? – осторожно начал Вилли, как будто пытаясь определиться с Ньюменом.

– Нет, – снова хмыкнул Ньюмен, – на это никогда не хватало времени. – Всякий раз когда речь заходила о его личной жизни, он хихикал, затем замолкал и, приоткрыв рот, глубокомысленно играл тем, что попадалось под руку. Сейчас ему подвернулся нож. – Хотя есть перспективы. – Он с тревогой слушал свои слова. – Она все еще... да ну, можно сказать, это только начальный этап, но она действительно меня интересует. Наверное, я просто был слишком занят, чтобы смотреть по сторонам.

Он покраснел; он даже был готов дать пощечину Вилли за то, что тот вынудил его лгать.

– Как работа? Так и работаешь в ****?

Мистер Ньюмен изучал сверкающее лезвие ножа. Благоразумие заставило его сделать паузу, и, бросив на Вилли короткий взгляд, он решил начать откровенно и сказал: – Наконец-то я решился уйти оттуда.

– Вот как. – Вилли казалось, искренне заинтересовался. Он с глубокой симпатией смотрел в очки Ньюмена. И сколько ты уже там не работаешь?

– Всего лишь со вчерашнего дня.

– Ну, так ты только начал искать новое место.

– Об этом я не беспокоюсь, – заверил он его тоном, который, как ему казалось, должен быть принадлежать беспечному, уверенному в себе человеку, который знает себе цену. – Просто интересуюсь, может, ты что-нибудь слышал в своей фирме. Я занимался кадрами, ты знаешь...

– Да, конечно, я помню...

– Естественно, существует не так много компаний, которым нужны люди моего типа. Я хочу сказать, что только по-настоящему большие фирмы нуждаются во мне.

– Да, такие все же есть. Я не знаю, как у нас обстоят дела с точки зрения кадров, но если тебе надо, я могу разузнать.

– Хорошо, если об этом пойдет речь. Только без лишнего беспокойства...

– Никакого беспокойства. Завтра я спрошу. Где ты уже был? Я кое-кого здесь знаю, да и в других фирмах могу спросить.

– Ну, когда мы встретились, я как раз выходил из компании Мейнес...

– О, Мейнес – это как раз для тебя. Много сотрудников...

– Да, там я беседовал с мистером Беллоузом. Приятный парень. Не отпускал меня почти час. Он сказал...

– Слушай, я как раз вспомнил. Знаешь, куда пойдешь?

– Куда? – сняв очки, спросил Ньюмен.

Среди колышущихся расплывчатых очертаний он увидел розовый кончик языка Вилли, который слегка выглядывал наружу, пока тот размышлял, подняв глаза вверх; при этом его пальцы делали в воздухе хватательные движения. – Я пытаюсь вспомнить название компании, в которой он работает. – Его пальцы сомкнулись, и он нетерпеливо подвинулся, не отводя своих голубых глаз от стеклянной люстры. – Я как раз виделся с ним в четверг, и он говорил, что подыскивает сотрудника. Если я правильно помню, речь шла о работе с кадрами.

– Как его зовут? Может я смогу найти его.

– Его зовут *Стивенс*. Коул Стивенс, но я не могу вспомнить его фирму... Да, наверняка это корпорация Экрон. Строительные работы. Их сотрудника призвали в армию. Представь себе, призвали тридцатишестилетнего отца двоих детей? Как бы там ни было, они могут взять человека...

Когда они вышли из ресторана, уже горели уличные фонари и в долине улицы сгушалась темнота. Гигантские здания вокруг них терялись в ночном небе. До угла они дошли вместе, а там пришлось расстаться.

– Заглядывай, когда будет время, – сказал Вилли пожимая вялую руку Ньюмена.

– Конечно, Вилли. Передавай привет семье.

– Обязательно. Может, запишешь имя Стивенса? Он из корпорации Экрон. Хорошо запомнил?

– Да, ни за что не забуду, – устало буркнул Ньюмен, как будто говоря, что на него-то можно положиться, но, тем не менее, что это ему принесло.

– Сходи к нему завтра же утром. Потому что я знаю, что он как раз подыскивает кого-нибудь, – сказал Вилли нарочито ободряющим тоном, не понимая, что именно заставило приятеля так неожиданно опустить руки.

– Спасибо, конечно. Ну, спокойной ночи, и не работай слишком много, – слабо помахал рукой Ньюмен.

– Не скисай. И держи меня в курсе.

– Обязательно.

Вилли махнул рукой и ушел по узкой улице.

Какое-то мгновение мистер Ньюмен стоял, не двигаясь, на углу. Он медленно вынул очки и надел их.

В это время суток в районе Уолл-Стрит можно разбить палатку и сладко спать в ней и едва ли спящего потревожат шаги случайного прохожего или проезжающий автомобиль. Здания, похожие на высокие сейфы были крепко заперты. Витрины магазинов были темными. Насколько было видно, город вымер, а над тротуарами витал запах морской растительности.

Мистер Ньюмен почувствовал, что нужно идти – его приводила в движение молчаливая высота зданий. Он шел медленно, как человек, который потратил все силы, торопясь на распродажу, а, добравшись туда, обнаружил, что все уже продано. Живой души не было рядом с ним на тех улицах, ни кошки, ни бродячей собаки, потому что там они не водились. Даже голуби сгруппировались высоко над церквями, тихие, неподвижные, невидимые. Он шел, бесстрастно глядя на низкие звезды, видневшиеся между зданиями в дальнем конце улицы, там, где она упиралась в залив. В конце концов, он почувствовал, что очень устал и сел на высокий каменный бордюр окружающий лужайку у церкви Святой Троицы. Над головой и позади себя он услышал шелест голубиных крыльев, а потом птицы привыкли к нему и снова затихли. Его опять охватило чувство полного одиночества, и он сидел, совсем не двигаясь, опершись на железную ограду церковного кладбища, и прислушивался к тишине.

Он не мог думать, потому что ему нечего было решать. Подсознательно он понимал, что от него ничего не зависело. Это был такой безумный фарс, что он едва ли когда-нибудь смог бы издать такой дикий хохот, чтобы посмеяться над ним, и ему, потрясенному и парализованному, оставалось лишь наблюдать. Абсолютно незнакомый ему человек разыскивающий специалиста его квалификации, принял его за еврея и поэтому не взял на работу, которая по праву – почти по судьбе – дожидалась его. Но что потрясло его до состояния оцепенения так это то, что он не мог вернуться и все объяснить. Именно это и заставило его теперь так тупо смотреть в пустоту.

Во всем языке не существовало слов, чтобы объяснить мистеру Стивенсу, что...

Что же, собственно, нужно было объяснять? Теперь он попытался это постичь. Очень хорошо, подумал он, я смогу убедить его, что я не еврей. Скажем, я смогу даже пойти так далеко, что принесу свое свидетельство о крещении. Замечательно. Ему придется поверить, что я действительно тот, за кого себя выдаю.

На этом размышления мистера Ньюмена зашли в тупик. Потому что он знал, что каким бы ни было доказательство, мистер Стивенс все равно не примет его на работу и не станет относиться к нему лучше, чем сейчас. И было совершенно ясно, что ничего здесь не изменишь. Потому что он знал, что в былые времена в стеклянной кабине никакое доказательство, никакие документы, никакие слова не могли изменить черты лица, которое он сам счел подозрительным.

Лицо... Такое изощренное издевательство заставило его заплакать. Он встал и пошел дальше, как будто желая найти впереди, в темноте выход из этого недоразумения. Возможно ли, размышлял он, что мистер Стивенс посмотрел на меня и по моему лицу решил, что я или не заслуживаю доверия, или алчный или вульгарный тип? Этого не может быть, подумал он. Этого просто не может быть. Потому что я заслуживаю доверия, я надежный и скромный человек. И, тем не менее, убедить его в этом абсолютно невозможно.

Тревога иглой вонзилась в тело, и он ускорил шаг. Должно же быть нечто такое, что он может сделать, и что в дальнейшем будет показывать нанимателю его истинную сущность – сущность искренне лояльного человека с хорошими манерами. Что он может сделать, какие новые манеры ему нужно усвоить? Изменил ли он своим старым манерам? Господи всемогущий, изменилось ли что-нибудь в его походке или манере говорить за последние дни? Он внимательно проанализировал свое поведение и пришел к выводу, что внешне он остался таким же, как и прежде. Тогда что же он может сделать, чтобы показать этим людям, что он все тот же Лоренс Ньюмен?

Его лицо. Он остановился рядом с фонарным столбом на углу. *Он* не соответствовал этому лицу. Никто не имеет права так отвергать его из-за лица, никто! Он был *собой*, человеческим существом с определенным прошлым и он не был этим лицом, которое выглядело так, будто возникло из другой чужой, низкой биографии. Из него пытались сделать двух разных людей! На него смотрели так, как если бы он был виновен в чем-то, как будто он мог им навредить! Они не могли так поступать! Они не смели так поступать с ним, потому что он был никем иным, как Лоренсом Ньюменом!...

Звук его собственного голоса разбил его видение вдребезги, и он увидел, что стоит,

оцепенев, на пустой улице.

Дрожа, он посмотрел вперед, увидел освещенный вход в подземку и поспешил туда. Он был от него в двух кварталах, двух длинных кварталах. Он прошел мимо церковного кладбища, и теперь надгробия потрясли его своим холодным равнодушием; темнота, казалось, имела форму пещеры, и он потрусил к освещенному входу и когда добрался до него, то уже почти перешел на бег.

Дома он сразу пошел к Фреду, который был на заднем дворе в обтянутой мелкой сеткой псарне. Когда он открыл калитку, два рыжих сеттера примчались к нему, суматошно обнюхали, а потом успокоились и глядели на него, вежливо подавая лапы. Он спокойно поговорил с Фредом о погоде, о луне, которая низко висела над их головами, отбрасывая тени на грязный пол псарни.

– Жаль, что им приходится сидеть взаперти весь год, дожидаясь двухнедельной охоты, – спокойно сказал Ньюмен, вглядываясь в глаза собак.

Фред протянул руку и потрепал голову одному из сеттеров, а затем повернулся к ним держа руки на бедрах. – Не беспокойтесь, скоро у меня будет дом за городом, – сказал он так уверенно, будто на самом деле обсуждал условия покупки, но просто не рассказывал об этом.

– Копишь на дом? – улыбаясь, спросил Ньюмен.

– На такой как я хочу накопить невозможно. Но дом у меня будет. – Он продолжал рассматривать псов.

– Ты это серьезно, – пораженным шепотом спросил Ньюмен.

– Ну да. – Теперь Фред смотрел в очки Ньюмена. – Я никогда в жизни не был молокососом. Мы выгоним евреев, и все появится как из сломанного игрового автомата. У них столько всего, что даже посуду они моют горячей минералкой.

Ньюмен тихо хохотнул, Фред за ним и, наклонившись, поднял метлу и смел в сторону помет. Ньюмен стоял, не двигаясь, и наблюдал за ним.

Через некоторое время он спустился с Фредом в его подвал и посмотрел, как тот шлифует модель корабля наждачной бумагой. Он был в очках, и какое-то странное удовольствие от собственного достоинства охватило его, когда он сидел там принятый молчаливо, но радушно. И в то время как руки Фреда терли наждачной бумагой туда и сюда, вперед и назад, мистер Ньюмен начал рассказывать о войне и о том, как он убил немца. Наждачная бумага замерла и в подвале воцарилась тишина, когда он рассказывал о ране, потому что он подошел к убитому и увидел отверстие от пули. Она попала в шею и вышла через макушку.

Глава 9

Конец воскресного дня. Маленькая пригородная улочка, вдоль которой растут молодые деревья. Неподвижны сухие листья на их ветвях. В горшках на подоконниках поникла от тяжести пыли герань. Старуха тщательно поливает клочок пожелтевшей травы перед своим домом, рядом с ней на жаре дремлет старый спаниель. Двое загорелых мальчишек закинув через плечо купальные трусы, пинают камень вдоль обочины по дороге домой с пляжа. Девушка в шортах обмывает из шланга автомобиль, за ней с веранды наблюдают несколько пытающихся играть в карты мужчин. Наверху высокой лестницы прислоненной к дому стоит мужчина средних лет и красит ставни на окнах своей спальни. Грузные слепни пролетают мимо герани, старухи, спаниеля, девушки и ударяются в шею стоящего на лестнице мужчины.

В таких деталях запечатлелся квартал в сознании мистера Ньюмена, когда он медленно растирал зеленую краску по пышущему жаром дереву. Потому что хотя и сосредоточен на кисти в руке, он забрался на лестницу не потому, что пришло время красить ставни. Его загнало сюда то, что иногда заставляет кошку без какой-либо видимой причины запрыгнуть на ветку дерева и сидеть там внимательно наблюдая за происходящим внизу.

Только на лестнице он мог во всем разобраться. Сидя на веранде, он бы лицом к лицу встретился с Фредом и Карлсоном, когда они вернутся из «Райских Садов». На заднем дворе

могло показаться, что он прячется от их взглядов, тогда как на такой высоте он был виден, но в то же время стоял спиной к улице, так что если бы они захотели поздороваться с ним, они могли бы это сделать, а если нет, то могли бы снова не обратить на него внимания, а он мог сделать вид, что даже не заметил их возвращения.

Очень медленно он растирал зеленую краску, долго отдыхал, а затем снова, немного поработав, останавливался, чтобы прислушаться, не слышен ли шум двигателя автомобиля Фреда. От жары исходящей от кирпичной стены тошнило, но он не собирался спускаться вниз. Он должен узнать.

Он был под впечатлением ужаса ночного кошмара, безжалостной, но непонятной галлюцинации и он старался вырваться из-под этого воздействия и разобраться, что же с ним происходит. Тщательно втирая краску, он силился вспомнить, что же довело его до этого состояния.

Оглядываясь на те дни, когда он искал работу, он не мог ясно вспомнить, произошло ли что-нибудь в среду, четверг или понедельник. Дни прошли, их очертания и краски теперь смешались и были одинаково серыми.

Только пятница была отчетлива. В пятницу случилось нечто ужасное.

Первые признаки страха принес ветер, когда он выходил из дома. Хотя была все еще середина лета ему неожиданно, на мгновение показалось, что настала осень. Он представил, что скоро пойдет снег. Движение воздуха вызвало страх, что он и в самом деле может так и проходить все лето без работы. Зимой не уговоришь себя, что ты в отпуске. Когда станет холодно, нельзя будет бродить по улицам как сейчас.

Как будто для того, чтобы избавиться от этой мысли он завернул в кафетерий и взял пирожное, чашку кофе и стакан воды и сел за стол. Прожевывая вязкое пирожное, он протянул руку за стаканом воды. Он толкнул стакан внешней стороной руки, и тот упал со стола.

Увидев, что произошло, он тут же вынул свежий носовой платок и, вежливо улыбаясь, предложил его сидящей рядом дородной женщине, чьи чулки оказались забрызганы. Ее глаза поднялись на него – глаза, которые превратились в металл сразу, как только она увидела. Его извинения застряли у него в горле, прежде чем проклятие округлило ее губы. Как будто порыв ледящего ветра подул от нее, и он почувствовал, что ему пришлось бы закричать, чтобы через остекленевшие глаза добраться до ее человеческой сущности. Он продолжил есть, оставив стакан на полу, а ее с ее бормотанием.

Поднимаясь, чтобы уходить, он посмотрел на молодого человека за другим столом, который наблюдал за ним, но с чьим взглядом он не отваживался встречаться, пока не будет готов уйти. Глаза молодого человека излучали такое же надменное сияние и Ньюмен, как будто спеша по делам, поспешил выйти, его сердце колотилось.

В этот день, идя по улице, он не мог успокоить дрожь в теле, как только его начинало преследовать ощущение враждебности. Не то чтобы здесь, или там, ни на этом углу, ни на том, но намек на встречном лице, или необычный взгляд человека выходящего из магазина. Водитель грузовика, проклиная спустивший скат, каким-то образом проклинал и его. Нелепо... и все же. Совершенно нелепо и совершенно очевидно.

В этот вечер он приехал домой на подземке. Удивительно, но теперь ему нравилась заполненная по вечерам подземка. Он сел на идущий без двух минут пять поезд и занимал сидячее место, а затем на последующих остановках в вагон вваливались люди и, обступив, закрывали его. И сидя там в этот вечер, он позволил себе забыться, рассматривая узоры платья женщины, которая стояла ближе, чем в полуметре от его лица и в своем уединении он все понял. Те компании, которые он посещал, не могли не иметь вакансий. Шла война. Кадровики пользовались особым спросом, потому что компании нанимали тысячи рабочих. Но для него был только отказ с вежливой улыбкой. Потому что он говорил с такими же кадровиками, людьми, которые имели такие же инструкции, что и он, когда работал у Гаргана. И они так же тщательно сортировали людей как когда-то и он. Правда состояла в том, что он больше никогда не будет кадровиком. Это было его единственной гордостью в жизни, то, что дало ему

возможность не жениться, и этой работы у него уже никогда не будет; это волнение при приеме на работу и чувства ответственности никогда не охватит его. Господи, кем же он может работать теперь, в его возрасте? Он подумал о том, чтобы пойти на какую-нибудь работу на завод. Или просто наняться служащим, или что-нибудь в конторе, или кем-то... Он не может, он просто не может. Он был кадровиком, был...

Шестым чувством пассажира подземки он почувствовал приближение своей станции и попытался подняться. В былые времена, если пассажиры не пропускали его к выходу он, имитируя возмущение, прокладывая себе путь. Теперь он весьма вежливо прикоснулся к руке преграждающего путь человека, чтобы привлечь его внимание – и уже само это действие расстраивало его. Поезд замедлил ход, и толпа нажала на него сзади. Поезд остановился. Двери раздвинулись. Его лицо прижалось к спине стоящего впереди человека. Какое-то мгновение он не мог вдохнуть и почувствовал, что может разрыдаться, а ему нужно было выходить. Теперь толпа начала двигаться, и приведенный в движение их нетерпением и их желанием добраться домой, он вылетел из вагона и натолкнулся прямо на стоящего напротив двери толстяка. Падая, он шагнул вперед, чтобы устоять и наступил толстяку на ногу, а для того чтобы окончательно удержаться на ногах ему пришлось на мгновение схватить толстяка за лацкан. Толстяк резко оттолкнул его руку, в то время как толпа пронеслась мимо. Мистер Ньюмен стоял, тяжело дыша толстяку в лицо, а тот шагнул в двери и, придерживав их, процедил сквозь зубы: – Ну что за люди! Когда же вы научитесь себя вести!

Мистер Ньюмен засмеялся, но вместо смеха услышал гневное всхлипывание. Поезд уехал и увез толстяка.

Этим вечером после ужина он снова почувствовал настойчивую необходимость побыть с Фредом. Разделяющие их задние дворы забор был всего в метр высотой, и он перешагнул через него и, спустившись по цементным ступенькам, вошел в цокольный этаж дома Фреда. Фред был там, около верстака, возле него стоял Карлсон. Мистер Ньюмен подошел к ним и остановился, наблюдая за руками Фреда, который устанавливал крохотный бензиновый двигатель в нижнюю часть корабля. Оба казалось, не заметили его прихода. Он решил, что они поглощены моделью.

Установив моторчик, Фред отошел к стулу и сел на него, а Карлсон сел в кресло-качалку и они заговорили о моторчике, и Фред рассказал, сколько требуется горючего, чтобы корабль проплыл пятьдесят метров. Ньюмен продолжал стоять возле верстака. Они даже не сказали ему «привет». Прошло десять минут. Он почувствовал, что краснеет, и вмешался в разговор. Фред поднял голову, бросил на него взгляд и, обнаружив его присутствие, продолжил разговор с Карлсоном, который упорно продолжал смотреть только на Фреда.

Прошло еще несколько минут, и Ньюмен неожиданно поднял голову. – Это не у меня звонит телефон? – сказал он. Все трое прислушались, и он поспешно вышел из подвала.

Наверху в своей комнате он стоял возле окна, глядя через темноту на задний двор. Его брови были нахмурены. Он стал чаще дышать. Потом он лег, оцепеневший, бесчувственный. И, в конце концов, он уснул.

Теперь стоя на верхушке лестницы, он понял, что уже закончил красить ставни. А Фред и Карлсон все еще не вернулись из «Райских Садов» куда они два часа назад пошли за пивом не позвав его с собой, хотя он сидел на веранде в пределах слышимости. В поисках пропущенного неокрашенного пятна Ньюмен пристально осмотрел ставни один раз, потом еще раз. Но вся деревянная поверхность была покрыта свежей зеленью, каждый сантиметр, и на этот раз такого же цвета, как у Фреда и у всех остальных в квартале.

Он больше уже не мог здесь находиться. Перекладины лестницы причиняли боль его ребрам. Он осторожно снял с металлического крюка банку с краской и начал медленно спускаться. Когда его нога коснулась пола веранды, он услышал шум выезжающей из-за угла машины.

С одного взгляда он узнал машину Фреда и занялся опусканием верхней, выдвижной части лестницы. Машина резко остановилась возле края тротуара.

Теперь он слышал, как скрипели рессоры и хлопали двери за выходящими из автомобиля

мужчинами. Ньюмен ни разу не повернул головы когда, опуская выдвижную часть лестницы, освобождал удерживающую ее веревку. Он покрасил ставни. Было бы неслыханно, чтобы Карлсон который все замечал, не прокомментировал сделанную им работу. К тому же теперь, когда они снова видели его, невозможно было поверить, что они так и пойдут – Фред в свой дом, а Карлсон через дорогу в свой – даже не поздоровавшись, не говоря уже об извинении за то, что не пригласили его с собой.

Лестница медленно складывалась, по мере того как скользила в его руках веревка. Он слышал стук каблуков туфель Карлсона, когда тот переходил улицу к своему дому. Он слышал, как Фред шел по бетонной дорожке, слышал, как он поднялся на веранду, слышал, как открылась дверь с сеткой для защиты от насекомых...

Не в силах сдержать свой голос, Ньюмен повернул голову и сказал: – Привет.

Фред открыл дверь и, став ногой на порог, посмотрел через сетку на Ньюмена. Его запухшие глаза покраснели, щеки отвисли от пива. Ньюмен с тревогой наблюдал, как он медленно поднимал свою голову пока его нос, прижавшись к сетке, не согнулся. Затем, по-идиотски ухмыляясь и смотря непонятно куда, он хрипло пробормотал: – Выпили парочку... Раскачиваясь, он предпринял попытку войти в дом вертикально, ударился плечом о косяк двери и исчез внутри.

Этой ночью, лежа в постели возле открытого окна, мистер Ньюмен смотрел на луну, потому что не мог уснуть. Его преследовало видение прижатого к сетке согнутого носа Фреда. Имело ли какое-то значение, то, как старательно он его сгибал? Согнутый нос... Однако сразу после этого он заговорил совершенно по-приятельски. К тому же он был пьян. Но почему он поступил именно так?

Часы пролетали незаметно и оставляли его в молчании и в одиночестве. Через некоторое время он поднялся и пошел в ванную, включил там свет и долго стоял, рассматривая свое лицо в зеркале. У него не было мыслей, планов, не было даже страха. Казалось, что у него отказали органы чувств.

Утром он открыл входную дверь и вышел на веранду, и правая нога немного задержалась, прежде чем опуститься на кирпичную поверхность. Его мусорный бак лежал возле бордюра. Содержимое бака было равномерно рассыпано по лужайке. Он осмотрел улицу. Все остальные заполненные мусором в джутовых мешках баки, накрытые, стояли у края тротуара.

Глава 10

Мистер Финкельштейн был еще молодым человеком, но как еврей он был очень стар. Он понимал что происходит. Едва ли он мог не понимать этого. Дважды за последние три недели, когда в шесть утра он выходил из дома, чтобы открыть магазин, его мусорный бак лежал на боку, а содержимое было разбросано по его дорожке.

Поэтому когда в понедельник он вышел из дома в шесть утра и обнаружил, что его мусорный бак снова опрокинут, а грейпфрутовая кожура долетела до самой веранды, он и секунды не раздумывал, а начал сгребать мусор двумя кусками плотного картона и запихивать его назад в бак. При этом он улыбался. Когда он был испуган или раздражен, как сейчас, он улыбался. Это было похоже на старую шутку, которая повторялась и повторялась с ним всю жизнь, и он мог только улыбаться над глупостью шутника. Однако он улыбался еще и потому что инстинктивно чувствовал, что из одного из домов с другой стороны улицы наблюдают, как он собирает разбросанный мусор.

Только после того как он выпрямился, поставил бак на место и посмотрел на улицу, на которой перед другими домами баки стояли на своих местах, – только тогда он смутился. Потому что он с удивлением заметил, что мусор был разбросан еще и на лужайке перед домом мистера Ньюмена, а мусорный бак мистера Ньюмена тоже лежал на боку.

Мистер Финкельштейн внимательно все рассмотрел и обдумал увиденное. Могло ли быть так, размышлял он, что его жена всегда была права, когда утверждала, что Ньюмен это

самая настоящая еврейская фамилия? В это он не верил, хотя и не знал почему. Он просто всегда считал что, само собой разумеется, что мистер Ньюмен, который работает в такой большой компании не еврей, хотя в последнее время...

Как бы то ни было, но ему было чем заняться, и он открыл магазин, опустил фрамугу над дверью, вынес деревянную стойку и открыл пачку газет, которую всегда оставляли перед его домом на дорожке с проезжавшего грузовика. Он только собрался разрезать перевязь, когда заметил торчащий из-под лежащего сверху номера «Таймс» краешек желтой бумаги. Он вытащил ее. На бумаге было что-то написано. Пока он читал, кровь бросилась ему в голову от возбуждения. Затем, тщательно сложив желтый листок, он засунул его в карман рубашки. Но положил его так, чтобы край высовывался наружу.

Аккуратно разложив газеты на стойке, он подложил под двери магазина ограничитель, вынес свой маленький складной стульчик и готовый к утренней торговле сел рядом со стойкой. Через несколько минут, продав несколько газет, он вытащил желтый листок так, чтобы он высовывался из кармана немного больше.

Он был похож на сидящего Будду. Его жена готовила слишком хорошо, чтобы он мог сдерживать себя. Ему было всего лишь сорок два, но подбородок у него был уже весьма тяжел. Он как раз достиг того периода жизни, когда осознал бесполезность попыток сдержать ремень от сползания под живот. Но у него были очень широкие плечи и толстые руки и запястья, и он легко передвигался на своих узких ступнях. Даже в этот ранний час до завтрака он курил сигару, которая никогда не покидала его рта. Это утро было прохладным, и небо было необыкновенно голубым, а облачка были чистыми и прозрачными, и он позволил своему мягкому подбородку опуститься на грудь, скрестил руки и предоставил утреннему солнцу возможность, поднимаясь, осветить его теплый затылок.

Он всегда сидел неподвижно. Он умел так сидеть. Он смотрел на мусор, который поблескивал под солнцем на лужайке перед домом мистера Ньюмена. И в восемь часов, как обычно, мистер Ньюмен вышел из своего дома, чтобы идти на работу. Мистер Финкельштейн наблюдал, как он остановился, когда увидел мусор. Он видел, как тот начал было пятиться назад в дом, и не решался снова пойти по ступенькам веранды. Он наблюдал, как он снова повернулся к мусору и после некоторого промедления начал кое-что подбирать. Затем он наблюдал, как мистер Ньюмен бросил мусор в бак, вытер руки о пустой джутовый мешок и переставил бак с дороги на край тротуара.

Теперь мистер Ньюмен шел по улице в его направлении. Он увидел, что тот замедлил шаг возле дома соседа – охотника – и посмотрел на него. Затем мистер Ньюмен повернулся и взглянул через дорогу на дом мистера Карлсона. Через мгновение он пошел по направлению к мистеру Финкельштейну, пробегая глазами по мусорным бакам, когда проходил мимо них.

Он никогда не видел мистера Ньюмена таким потрясенным. Тот шел с наполовину поднятой правой рукой, и было ясно видно, что она дрожала. Мистер Финкельштейн наблюдал, как он приближался. Его состояние было таким жутким, что Финкельштейн не мог ему не посочувствовать. Когда Ньюмен был в десяти метрах от стойки, Финкельштейн принял безразличный вид с пустым взглядом, которому он в последнее время выучился и дожидался пока Ньюмен пройдет мимо. Но тот остановился возле него.

Мистер Финкельштейн неторопливо поднял взгляд. Он увидел, что его нижняя губа дрожит мелкой дрожью. Его глаза часто мигали так, будто пытались стряхнуть видение.

– Мой тоже перевернули, – сказал он и кивнул на свой мусорный бак, который стоял в двадцати шагах от них.

Мистер Ньюмен посмотрел на мусорный бак Финкельштейна и затем снова повернулся к нему. Он начал говорить, но у него в горле запершило. Он прокашлялся и хрипло прошептал: – Кто это сделал?

Финкельштейн засмеялся. – Кто? Кто это всегда делает? Христианский Фронт.

Он рассматривал судорожно подрагивающую нижнюю губу мистера Ньюмена.

– Вы думаете это они сделали, да? – рассеянно спросил мистер Ньюмен.

– Кто же еще шатается по улицам и переворачивает мусорные баки, если не эти

бездельники? Приличные люди таким не занимаются.

– Это могли быть какие-нибудь дети, – слабым голосом сказал мистер Ньюмен.

– Могли быть, но не были, – засмеялся мистер Финкельштейн. – Я не ложился спать вчера вечером до часу ночи и проснулся раньше пяти... я брился сегодня утром. Между часу и пятью детей на улице вы не встретите. Будьте спокойны, это был Фронт.

Лицо мистера Ньюмена начало багроветь. И мистер Финкельштейн не мог сказать что именно, гнев или страх, повысило давление его крови. Он решил рискнуть и спросить.

– Но вам не нужно ни о чем беспокоиться, мистер Ньюмен. С вами, наверное, произошла ошибка.

Мистер Ньюмен быстро повернулся к нему. Но он увидел, что маленькие черные глазки мистера Финкельштейна содержали только любопытство и абсолютно никакой уверенности в том, что это была ошибка – он, также, просто интересовался. Ньюмен продолжал стоять, рассеяно разглаживая свой жилет, а потом пошел по направлению к подземке.

Финкельштейн проводил его взглядом. Очень аккуратный и чистый человек, подумал он, наблюдая за исчезающим за углом Ньюменом, одетым в безукоризненный синий костюм – чистый человек. Возможно, его это раздражает только потому, что ему загадили двор.

Он снова улыбнулся сам себе и сел на свой раскладной стул. После того как миновала утренняя суэта, он вынул желтый листок бумаги из кармана рубашки, аккуратно развернул его и, устраивая свои очки в роговой оправе посередине переносицы, снова прочитал написанное.

«Еврей, если за пять дней ты отсюда не уберешься, ты пожалеешь, что вообще родился на свет».

Глава 11

Потрясение от происшествия с мусорным баком, похоже, обострило у Ньюмена чувство практичности. Вместо бестолкового хождения по большим и известным в деловом мире компаниям он изучил объявления, приглашающие на работу, под другим углом зрения, и обратил внимание на то, что на работу приглашаются сотни механиков, лудильщиков, станочников и штамповщиков. Любой компании, решил он, которой требуется так много новых рабочих, мог понадобиться такой специалист как он. И руководствуясь этой логикой, он решил пойти в административный отдел корпорации Мейерса-Петерсона, компании о которой он никогда раньше не слышал.

Основное производство компании располагалось в Патерсоне, штат Нью-Джерси, а здесь, на десятом этаже в здании на Двадцать девятой улице на Манхеттене, находилась оборудованная кондиционерами воздуха контора, которая подогрела его глубокое восхищение перед большим бизнесом и стабильностью. В мирное время эта компания производила вентиляторы и другое электрическое оборудование. Эти кабинеты, – по крайней мере, эта приемная, которую он здесь пока успел увидеть, – были современными, а некоторая изношенность только придавала солидности. Ему также понравились руководящего вида мужчины, которые ожидали приема сидя на других стульях и креслах. Если бы он смог устроиться сюда, почувствовал он, это был бы хороший шанс остаться на работе и после окончания войны.

Сидя на стуле с обитым кожей сиденьем как человек, пришедший с улицы, в ожидании мистера Арделла, он чувствовал страх перед наступлением этого ужасного времени. Но когда он позволил себе поверить, что его сегодня же наймут, он скорее порадовался перспективе иметь работу посреди надвигающейся безработицы. Потому что он никогда не мог удержаться от возмущения, что зарплату платят почти каждому, кто может удержать в руках молоток. И как человек, наделенный столькими уникальными достоинствами, он не мог сдерживать тайной тоски по былым временам прошедшей депрессии, когда он был так уверен в своей работе, в то время как других вокруг него увольняли. Зарабатывание, когда заработать было легко, доставляло меньше удовольствия.

И почему-то, пока он рассматривал приемную и девушку секретаря, у него появилась

уверенность в том, что он будет работать в этой фирме. Он попробовал проговорить название компании. – Я работаю в корпорации Мейерса-Петерсона, производство электрооборудования, – произнес он как бы отвечая на вопрос приятеля. И это прозвучало вполне сносно.

Во всех этих сегодняшних размышлениях перед ним ни разу не предстало зрелище опрокинутого мусорного бака. Потому что в данный момент оно затаилось где-то в глубине души. Три дня он бродил по городу с перевернутым баком перед глазами. В то утро он ездил в центр города и вернулся домой вечером. После ужина он спустился в подвал к Фреду и рассказал ему о случившемся. Фред, похоже, удивился и заверил его, что произошла ошибка. Или ошибка, или это проделки какого-нибудь отбившегося от рук парня. У него словно камень с души свалился. И только потом, когда он лег спать, он начал размышлять. Наверняка Фред не мог не заметить мусор, когда тем утром выгуливал перед работой своих собак. Почему же он решил сделать вид, что ничего об этом не знает? Обычно Фред выгуливал собак в семь утра.

Секретарь подозвала двоих из ожидающих мужчин, и они вышли из комнаты через широкий проход под аркой, за которой мистер Ньюмен разглядел коридор с дверями в разные кабинеты. Девушка любезно сказала мистеру Ньюмену, чтобы он несколько минут подождал мистера Арделла. После этого он почувствовал к ней особое расположение. С тех пор как он пришел сюда, это произошло впервые, потому что она была еврейкой. Именно это – хотя в этот момент он сознательно не обратил на это внимание, – и вселило в него уверенность, что здесь его возьмут на работу. Выходя из лифта, он увидел ее лицо и тут же отметил его в уме, но его ум обладал свойством несколько затуманивать то, чего не хотел видеть ясно. С того момента как он ее увидел, он почувствовал, что здесь у него есть шанс. Но не потому что они брали на работу евреев, так как евреем он был не больше, чем Герберт Гувер. Просто здесь у него был шанс, потому что здесь у него был шанс. Как мистер Лоренс Ньюмен, человек с большим трудовым опытом, он имел здесь шанс. В этот момент на земле не существовало никаких других причин.

Теперь секретарь позвала его. Он поднялся и подошел к ней. Она вышла из-за стола, провела его до арки и сказала, сколько поворотов ему нужно сделать и в каких направлениях.

Он ушел от нее и прошел по коридору до кабинета мистера Арделла. Он постучал в стеклянную раму и услышал внутри голос. Он открыл дверь и вошел, держа шляпу в руке.

Поначалу кабинет показался ему пустым, потому что в кресле за широким столом никого было. Он остановился сразу за порогом и услышал женский голос слева. Он повернул голову.

– Не желаете ли присесть?

Он увидел ее, и от волнения его глаза будто застывали в голове, так что он быстро опустился на стул рядом с большим столом. Он сидел спиной к ней, потому что никогда не осмелился бы повернуть стул к ней лицом. Все что он понимал, так это то, что в его жизни произошел взрыв, и что он ослеп на то время, пока обломки опустятся на землю.

Когда она прошла рядом с его локтем и села перед ним за стол, его как палкой ударило запахом ее духов. Он почувствовал, как напряглись ее бедра, когда она садилась, а в ушах у него гремел шелест ее платья.

Он смотрел на нее и даже не представлял, какое у него выражение лица. Однако он пытался улыбаться. Ее удивительная правая бровь приподнятая так же, как и в тот, прошлый раз, оценивала его, но теперь он не мог встать и убежать от этого. Ее неправдоподобно подвижные губы постоянно двигались, как будто пытаясь примирить различные впечатления о нем которые вертелись в ее сознании.

– Мистер Арделл вышел. Я замечаю его, пока он не вернется. Если вы хотите, вы можете дождаться его. Некоторым мужчинам не нравится, чтобы собеседование с ними проводили женщины, – официально и холодно сообщила она.

Он старался выбраться из пут ее голоса. – Мне... я не возражаю. – Он засмеялся. И тут же понял, что по-идиотски.

– Вы хотите здесь работать? – сухо спросила она.

Он кивнул. – Я думал, нет ли здесь чего-нибудь подходящего для меня.

– Какую работу вы ищете?

В ее тоне слышалось подводящее итог контральто, как будто она безжалостно загоняла его в ловушку. Она ни разу даже не пошевелилась. Именно так должна сидеть сдерживающая ярость женщина, – выпрямившись, с приподнятой бровью и не отводя взгляда. Все же, с надеждой подумал он, может быть это ее обычный деловой вид.

– Мне бы хотелось применить, тот опыт, который у меня есть.

– Здесь вам не пригодится ваш предыдущий опыт. Здесь берут на работу кого угодно. Все что нужно, так это иметь гражданство. Здесь берут евреев, черномазых, итальяшек, кого угодно.

Ворвавшийся ему в рот воздух рассеял все слова.

– Вы решили, что я еврейка, – мстительно сказала она.

Она задавала вопрос. Он едва заметно кивнул, глаза его расширились и остановились на ней.

– Значит, вы были не в своем уме. Теперь, думаю, вы поняли.

Ему было трудно вдохнуть. Он как будто находился во сне. Это походило на то, как в кино лицо изменяется при помощи наплыва, а потом становится новым персонажем, но с тем же лицом. Она не изменилась со времени той беседы в его кабинете. Но черты ее лица воздействовали на него иначе. Ее глаза, в которых он высмотрел эту затаенную насмешливость, теперь были темными глазами много плакавшей женщины. Ее нос... ему пришло в голову, что носы у ирландцев часто имеют такой наклон, и теперь он подумал, что это ей идет. И все же это был тот же самый нос. Ее манера громко говорить больше не казалась вызывающей. Он подумал, что, скорее это было результатом решительности и то, что раньше свидетельствовало о грубости, теперь говорило о презрении к уклончивым ответам. Как еврейка, она казалось одетой в дешевом вкусе, слишком ярко. Но как не еврейка, в том же платье она показалась ему интересной женщиной, которая через одежду выражала свое душевное состояние. Было так, будто теперь она имела право на недостатки; как будто ее своеобразие, ее стиль, ее резкость не были больше результатом плохого воспитания и слепого подражания светским манерам, но проявлением бунтарского духа, сердитого духа, духа который отваживался не считаться с мелкими правилами поведения. Как еврейка она казалась ядовитой и развязной, и он ненавидел себя, хотя его так ужасно тянуло к ней, но теперь, он больше не боялся ее, потому что теперь его любовь могла изливаться не замаранной виной за чувство к тому, что его достоинство всегда требовало презирать. Он сглотнул, в то время как его глаза опустились на столешницу.

Он не понимал, как вообще в ней ошибся. В ней не было ничего еврейского. Ничего.

Его лицо успокоилось от раскаяния, когда он снова встретил ее взгляд. – Я хочу попросить прощения, мисс Харт. Тогда у меня был напряженный день.

Она иронически мигнула и приподняла брови, как будто устала. – Могу представить, – сказала она.

Он не понял. Его голова наклонилась чуть вперед, и он спросил: – Что вы можете представить?

Ее глаза широко раскрылись на него. Его кожа начала гореть. Если она не объяснит свои слова сейчас же, он утонет в снисходительной игривости ее взгляда. Но она ничего не сказала, а только вдохнула уголками губ.

– Мисс Харт, я следовал указаниям, – сказал он, подбирая слова. – Я не мог рисковать.

Она забыла о губах, ее лицо расслабилось, и она слушала.

Продолжая в доверительном тоне, он наклонился к столу. – Та компания не берет их на работу. Ни при каких обстоятельствах. Со времени основания туда не взяли ни одного. – Вы понимаете? Ни одного. Ни при каких обстоятельствах.

Он увидел, что ее покидает предубеждение к нему, и почувствовал надежду в том, как сдвинулись ее смущенные брови. Она перестала мигать, руки неподвижно лежали на краю стола. Он полностью повернулся к ней лицом и совсем чуть-чуть поднял голову выше. Он почти мог видеть, что происходило с ним в лабиринтах ее сознания. И затем ее брови

разгладились, она пошевелилась и посмотрела в сторону, облизнув языком нижнюю губу.

– Ну что ж, – сказала она мягко и сочувственно, – так или иначе, это не имеет значение. Сама я не могу принять вас на работу...

– Это не главное. Я... – он наклонился над краем стола, его щеки неестественно надулись, а тонкие причесанные волосы растрепались. – Я очень много думал о вас после того дня. Пожалуйста, поверьте мне. Правда, думал.

Она казалось польщенной вопреки себе. Ее нежная рука медленно скользнула вдоль ручки кресла.

– Ну да? – недоверчиво сказала она.

– Я пережил тяжелые времена с тех пор... фактически с тех пор как вы на меня посмотрели.

Казалось, это ее заинтересовало. Он продолжал.

– Вы знаете, я... ну да, честно говоря, мне пришлось уйти с той работы. Они собирались перевести меня на работу обычного служащего.

– Почему? – с интересом спросила она.

– Ну, похоже, им показалось, что после того, как я надел очки, мое лицо перестало соответствовать требованиям предъявляемым к администрации.

– Тогда вы понимаете, что я имею в виду, – сказала она. Впервые ее голос смягчился. В нем звучало немного сострадания к нему, почувствовал он, и стал более сильным в своем дознании.

– Я понимаю, что именно вы имеете в виду. – Он почувствовал, что река в нем выходит из берегов. – Я пробовал найти работу и куда бы ни приходил, везде все одинаково.

– Ну да, они же все слабоумные. Вы никогда с ними не договоритесь.

– Я тоже это понял. Поэтому я пришел сюда.

Откуда вы узнали, что это еврейская компания? – поинтересовалась она.

– Почему... разве это так?

– А вы не знали?

– Ну, имя...

– Мейерс – еврей.

Он сделал вид, что усваивает новость, и ничего не говорил. То, кем был Мейерс, теперь не имело никакого значения.

– Вы не хотите здесь работать, да? – сочувственно улыбнулась она ему, как будущему товарищу по несчастью.

Он грустно поднял на нее глаза, обрадовавшись в душе, что она сравнила свое положение с его.

– Итак, вы все же хотите здесь работать.

Он замигал как будто беспомощный и уязвленный.

– Мистер Ньюмен, плохи ваши дела. Теперь я это увидела.

– Правда?

– О да, с этим здесь в порядке. – Она перевела взгляд на его лицо.

– Я действительно извиняюсь, что перепутал вас с... – начал он, пытаясь высказаться сам и, помогая высказаться ей.

– Ничего, не волнуйтесь. Господи, это произошло не в первый раз. Единственно, почему я вышла из себя у вас, потому что я думала... ну, вы понимаете.

– Вы действительно так подумали?

– Ну, не совсем наверняка. Вы знаете, как это бывает. Если вы достаточно разъярены на кого-то, вам почти хочется, чтобы он был одним из них. Это зависит от того, как вы относитесь к человеку. Я имею в виду, например, как сейчас. – Она посмотрела на него, как будто он попросил ее поделиться мнением о своей новой прическе. – Сейчас, мне это даже не пришло бы в голову. Вы понимаете, что я имею в виду?

– Да, конечно, – сказал он.

Никогда еще он не говорил так свободно с женщиной, которую считал прекрасной. И

теперь, глядя в ее лицо, он как-то понял, что он тоже был первым, с кем она поделилась своим сокровенным. Как будто пришло время спокойствия, время удовлетворенной тишины. Впервые ничего не создавало напряжения между ними, и Ньюмен воспринимал паузу с благодарностью и надеждой. И когда она заговорила, он почувствовал, что слышит ее настоящий голос, как, несомненно, он впервые увидел, как расслабились ее блестящие веки.

– Я не могу принять вас на работу, – сказала она тихо, глядя вниз, – но если вы придете через час, Арделл будет здесь, и я скажу ему о вас.

– Замечательно. Здесь есть свободное место?

– Ну, это не совсем то, чем вы занимались на предыдущем месте, но это вполне приличная работа. Здесь нужен специалист, который мог бы проводить собеседования с людьми, которых нанимают для торговли продукцией компании. Вы будете отправлять их в соответствующий отдел. Вам придется узнать кое-что о продукции фирмы, но вас этому научат. Это что-то вроде контроля за сбытом и продажей... думаю, это называется так. Эта компания больше, чем она кажется с первого взгляда. В октябре она снимет еще два этажа в этом здании. В ваши обязанности будет входить, чтобы коммивояжеры попадали сразу в соответствующие кабинеты. Мне кажется, что здесь будет работа и после войны, хотя когда наступит мир, по всей стране все закроется.

– Кто такой Арделл?

– Ну, с ним все в порядке. Он католик. По секретарше в приемной, не думайте, что здесь берут на работу только иностранцев. Сам Петерсон швед или что-то вроде этого. Здесь есть кто угодно. Даже бухгалтером работает черномазый.

Она поднялась и он вместе с ней.

– Мне еще нужно кое-что напечатать. Вы придете снова?

Он задрожал, предположив заинтересованность в ее тоне.

– Да, – быстро сказал он, – вы сказали примерно через час.

Она посмотрела на часы. – Да, давайте через час. Я скажу ему о вас.

Их глаза встретились. – Большое спасибо, сказал он, втягивая живот.

– Запишите на свой счет. – Она равнодушно отвергла это незначительное ухаживание, подошла к пишущей машинке и, не обращая на него внимания, начала быстро печатать.

Улыбаясь, он боком робко пробрался к двери, но она не подняла глаз, и он вышел. Уже на улице, он удивился, что забыл спросить, какую ему будут платить зарплату. Конечно, едва ли это имело значение. Казалось, что ничего – больше ничего на свете не имело значения. Она почти уговорила его вернуться, а на этот момент это было равноценно тому, как если бы Фред, и Карлсон, и Гарган, и мистер Лорш дали ужин в его честь; во всяком случае, нигде на улице ощущение невидимой опасности в этот день не возникало.

Глава 12

Эта работа ему не нравилась. Через две недели стало ясно, что здесь он всего лишь квалифицированный швейцар для коммивояжеров, никто из которых не приходил именно к нему. Ему здесь не нравилось, но он никогда еще так не стремился каждое утро занять свое рабочее место. Благодаря ей он чувствовал себя таким энергичным, что вся его предыдущая жизнь до встречи с ней выглядела пустой и глупой тратой времени.

Однажды вечером они прогуливались по Пятой авеню, чтобы подышать свежим воздухом. Его чувство к ней иногда разгоралось так сильно, что он был готов крепко обнять ее и поцеловать на улице. Особенно тогда, когда проходящие мужчины оглядывались на нее, – а он все это время знал, что ему нужно лишь склониться к ее уху и шепотом предложить ей руку, и она выйдет за него. Это был редкий случай в его жизни, когда он был в состоянии добиться и получить то, чего хочет.

Эта широкая чистая улица была настолько малолюдна, что она могла свободно разговаривать. Она залпом выпила два неразбавленных виски, что немного нервировало его, потому что у него имелось определенное мнение о женщинах, которые пьют *с удовольствием*

. Кроме того, она очень громко говорила.

– Да, – сказала она, произнося как *да-а-у*, – меня не назовешь девочкой из церковного хора. – Она глянула на него, готовая расхохотаться. – Вас это смущает, правда?

– Да ничего, – засмеялся он так, как будто этого было недостаточно, чтобы смутить его. Разговаривая так, она заставляла его томиться желанием к ней и пугала его.

– Я собиралась выйти замуж за актера. Никогда не выходите за актера. – Она засмеялась и дернула его за руку. Он засмеялся вместе с ней, но не так громко. Каждый раз когда она выпивала, этот актер казался, пробирался в их разговор. – Он был моложе меня, но он был прекрасен. Понимаете, просто очарователен?

Ее ресницы как будто стали гуще. Она никогда не рассказывала о нем так много. – Однажды утром я распрошлась с ним, и больше он не вернулся.

Похоже, она была готова рассказать об этом субъекте.

– И вы до сих пор... мне кажется, вы все еще думаете о нем, – рискнул Ньюмен.

– Я? – Она саркастически засмеялась. – Тогда я была весьма сильной женщиной, сеньор. – Она время от времени повторяла это странное предложение. – Я продолжаю интересоваться вами. Неужели вы и правда, так ни разу и не были женаты?

– Нет, нет. Я всегда был закоренелым холостяком, – улыбнулся он.

– Как же вам удастся так смотреть за собой?

– Ну, я просто аккуратный, вот и все.

– Действительно, – сказала она, осматривая его с некоторым удивлением, – вы из аккуратных людей.

– У меня тоже всякое бывает, – неуверенно сказал он. Он осознал, что они впервые по-настоящему говорили друг о друге.

Они дошли до парка Плаза и сели на скамью, с которой были видны выходящие на парк дорогие гостиницы. Рядом с ними, у тротуара стоял ряд запряженных лошадьми экипажей с пожилым кучером в шелковой шляпе возле каждого. Позади них журчал мраморный фонтан, сидевший на его краю мальчик опустил ноги в воду.

Она ни разу не выпустила его руки, даже когда они сели. Некоторое время они сидели молча, наблюдая, как к блестящим дверям элегантных гостиниц подъезжали лимузины.

Она тихо сказала, – Какая у вас машина?

– Плимут.

– Какой? Я имею в виду кузов.

– А. Седан, – сказал он, в то время как мимо них проезжал серый двухместный автомобиль с открытым верхом.

– Угу. – Она снова уставилась на проезжающие мимо машины. – Что вы обычно делаете, чтобы развлечься?

– Ничего особенного. Всю жизнь был слишком занят, в основном работал.

– У одних есть все, а у других ничего. – Ему нравились ее неожиданные философские отступления. Иногда она казалась возвышенной.

– Очевидно, это так. Хотя я свое получил, – вздохнул он.

– Да? И что же это? – равнодушно спросила она.

– Ну, чудесный дом, и... ну, и хорошую работу.

– А вы когда-нибудь проводили хорошо время?

– Ну, конечно, я... – Он начал было рассказывать, что играл в кегли с Фредом и весело проводил время, катаясь на автомобиле. Он повернулся к ней. – Думаю, что так, как вы имеете в виду, никогда, – сказал он.

– Лоренс, это ваш недостаток.

Он почувствовал, как съезживается, и ему нечего было сказать, кроме какой-нибудь глупости. – Гертруда, психотерапевты говорят о вытеснении желаний в подсознание, так это мой случай.

– Вот поэтому я всегда цепляю актеров. – Он не совсем понимал, что она имела в виду под «цепляю», но выбросил это слово из головы. – Актеры бывают стильными. Они

зарабатывают доллар и тратят семьдесят пять центов. Все остальные экономят, чтобы оплатить страховку.

Она как будто сообщала ему, что знала, как трудно ему оказалось заплатить те два доллара и сорок центов за вход в Радио Сити два дня назад.

– Но ведь актеры зарабатывают гораздо больше, чем...

– Нет, нет. Вы бы удивились.

– Вы бы не хотели как-нибудь сходить в ночной клуб? – спросил он.

Она глянула на него и улыбнулась, – Неужели вы были в ночном клубе?

– В Нью-Йорке ни разу. Я бывал в одном в Куинзе вместе с Фредом. Это мой сосед, я рассказывал о нем.

– Ночной клуб в Куинзе, – произнесла она.

– В Куинзе есть довольно веселые заведения.

– Чем вы там занимались?

– О, мы пили и танцевали.

– Вы были с девушкой?

– Не всегда. Обычно я танцевал с женой Фреда. Но я не очень люблю танцевать. Я понял, что большинство женщин абсолютно глупы. Я имею в виду, что они несерьезны, – быстро добавил он.

– Вы много пьете?

– Немного. Только по случаю.

Некоторое время они сидели молча. Она продолжала смотреть на гостиницы на другой стороне улицы.

– О чем вы задумались? – сказал он, пытаясь хихикнуть.

Она неторопливо повернулась к нему. Действие выпитого виски прекратилось. – Вы собираетесь продолжать прогуливаться со мной? – напряженно спросила она.

– Вы бы хотели, чтобы я продолжал? – пробормотал он.

– Скажите да или нет. Я не из тех, кто вешается на шею, – сказала она со странным налетом раздражения.

– Да, конечно, с удовольствием. Я как раз размышлял о том, нравятся ли вам эти прогулки.

Она безжалостно не отводила взгляд. – Почему вы гуляете со мной?

– Мне нравится быть с вами. Это правда.

– Это все?

– Иногда вы... – он начал мягко делать ей замечание.

– Я бываю остра на язык, правда? – она отвернула голову от него как будто это ее беспокоило.

– Все нормально, – нашел выход он. Но она продолжала сидеть отвернувшись.

Через некоторое время он сказал: – Гертруда, расскажите о себе еще.

– Зачем?

– Мне кажется, я хочу знать вас лучше. Вы рассказывали, что бывали в Голливуде. Как вам там понравилось?

– О, там все в порядке.

– Вы пробовали сняться в кино?

– Угу.

– Как актриса?

– Я певица.

– Правда? Профессиональная?

– Конечно. У меня было больше двухсот выступлений.

– Что вы поете?

– Все что угодно. Шлягеры, блюзы или свадебные песни.

– Что же произошло? Пропал голос?

– К сожалению, нет.

- Почему вы так говорите?
- Я до сих пор хочу петь. Я все еще могу.
- Почему же вы не поете?
- Не нужно повторять собственные ошибки.
- Что вы имеете в виду?
- Я не хочу просто выступать с оркестром. Я хочу быть известной. Как в кино.
- Почему вас не взяли? Бьюсь об заклад, вы великолепно поете.
- У меня не тот тип красоты.
- О.
- Я была на прослушивании, но я выгляжу слишком трагично для певицы.
- О, – тихо повторил он.
- А потом куда вы пошли? Остались в Голливуде?
- Осталась ждать у моря погоды.
- И долго вы были без работы?
- Мне не совсем хорошо... Вы хотите, чтобы я рассказала?
- Да, Гертруда. Действительно хочу.
- Хорошо. Меня прослушали и не приняли. Потом я поняла, что это бесполезно, понимаете? Так что я бросила эту профессию. Хотя, я завязала определенные контакты, и думала, что, возможно, смогу получить какие-нибудь партии. Но все мои контакты устанавливались после одного и того же, и я дошла до того, что едва переносила, когда водитель автобуса касался моей руки чтобы положить сдачу. Так что я провела там два года, работая у человека который содержал маникюрный салон для собак. Знаете, купание и подстригание когтей...
- Да, я слышал о таких.
- Он хорошо ко мне относился, как может мужчина. Я пришла в себя. И снова начала бывать в обществе. Ну... – Она задумалась. Он наблюдал ее внутренний взгляд, в то время как рассеянный свет фар проезжающих автомобилей освещал ее расслабленное лицо, в котором он теперь видел величавость. – У меня был роман с этим актером. Я вызвала на свадьбу свою мать.
- Откуда вы родом?
- Из Рочестера. Нас семь сестер. Я самая старшая. Моя мать приехала, и он ушел.
- Он не женился на вас.
- Даже не собирался. Он просто сбежал.
- Это тогда вы болели?
- Да. Это тогда я болела. Я вернулась в Рочестер и там пришла в себя. Именно тогда я поняла, в чем причина.
- О чем это вы?
- Она повернулась к нему и задумалась на мгновение. – Вы когда-нибудь слушали отца Кафлина¹?
- Да, конечно. Много раз.
- Было ощущение, как будто он обращается лично ко мне. Слушая его, я была уверена, что ему можно верить. Это именно то, чего я хочу от людей, чтобы они говорили правду, как он. Просто в жар бросает, когда слышишь его голос. А то, что он говорил, было так правильно, понимаете? Это единственный священник из тех, кого я когда-либо слышала, который имеет мужество говорить о таких вещах. Он действительно знает, что такое есть Бог... Или вы так не считаете?
- Считаю. Думаю, он очень убедительно доказывал свои мысли. Вы католичка?
- Нет, но по воскресеньям, как правило, хожу в церковь. Но совсем необязательно быть

¹ Отец Кафлин – американский проповедник, известен своими антисемитскими выступлениями в США с 30-х годов (здесь и далее – прим. перев.)

католиком, чтобы верить в него.

– Знаю. Я просто спросил.

– Он заставил меня снова поверить в Бога. Он смог это. Я не шучу, он вернул мне надежду. Я имею в виду веру в то, что есть еще порядочные люди.

На них опустилось спокойствие, возвышенный покой. Он был уверен, что она подразумевала его, и то, как доброжелательно и откровенно он обращался с ней последнюю неделю. Пока они молчали, он думал о ней, что она одухотворенный человек. Женщина, с которой жестоко обошлись. Ему захотелось убаюкать ее голову в своих руках и защитить. И все же он не мог перестать удивляться, откуда у нее взялся этот бруклинский говорок, если она приехала из Рочестера, где говорят совсем по-другому.

– Вы ходили в школу в Рочестере? – спросил он невпопад.

Она взглянула на него. – Вы что не верите, что я приехала из Рочестера?

– Конечно, верю. Я просто подумал...

– Вы поверили во все, что я рассказала? – чрезвычайно серьезно спросила она.

Если бы он сказал нет, она бы встала и ушла. Он знал, что она бы ушла. Так что он сказал, что поверил ей. И без предупреждения, она взяла его лицо в руки так, что он не мог пошевелиться, приблизилась губами к его губам и посмотрела ему в глаза, как будто собираясь расплакаться. А потом она крепко поцеловала его и освободила. Он продолжал сидеть, ничего не видя. Через мгновение она вынула носовой платок и поднесла его к носу, при этом ее голова склонилась и он увидел, что она плачет.

– Не плачьте, – сказал он, взяв ее за руку.

Она встала и пошла прочь. Он догнал ее. Она ничего не сказала. Они брели вдоль края парка. Слава Богу, подумал он, что уже так темно.

Через некоторое время он почувствовал, что она ждет, чтобы он повел ее куда-нибудь. До сих пор, прогуливаясь вместе, они всегда куда-то направлялись. Вход в парк был в четверти квартала впереди от них.

Он неловко, будто помогая идти по ступенькам, взял ее под локоть. Но поблизости не было ступенек, и он не знал, нужно ли что-нибудь сказать, прежде чем взять ее под руку. Вход в парк был уже всего в нескольких шагах, и, казалось, она реагировала на малейшее пожатие его руки. Затаив дыхание, он повернул ее направо, к входу и она подчинилась. Они свернули на темную дорожку, которая, извиваясь, вела вниз к маленькому озерку.

С обеих сторон виднелись склоны холмов и неподвижные деревья. Дорожка повела между холмами, и воздух здесь вообще не двигался. Он старался смотреть только прямо вперед, после того, как, проходя мимо скамейки, увидел, что на ней лежали вытянувшись матрос с девушкой. Ему пришло в голову, что он с детства не был в парке ночью. В те времена были люди, которые бродили среди густых зарослей с электрическими фонарями и когда находили в траве подобную парочку, то требовали с них деньги.

– Здесь прохладно, – тихо сказала она.

– Да, действительно, – согласился он.

Было ли это самое время попросить ее пригласить его к себе или это прозвучит оскорбительно? Сбоку, в темноте между высокими кустами сирени он услышал движение и хриплый шепот. Гертруда казалось, стала дышать иначе. Он этого не сделает. Чего бы она от него не ожидала, он знал, что не сможет попросить ее. В темноте он увидел пустую скамейку под нависающим деревом.

– Хотите, присядем? – едва слышно спросил он.

– Хочу, – сказала она.

Как только они подошли к скамейке, к ним подбежала девушка. Она запыхалась, и в отблесках отдаленного света было видно ее лицо, – у нее был нежный маленький как у ребенка рот, копна мелко завитых волос, а коричневый гребень едва держался на распутившейся пряди.

– Вот здорово! – выпалила она прямо в лицо Ньюмену. Он увидел, что она напугана. Она резко повернулась назад, и завитушки на ее голове всколыхнулись.

– Вот это да!.. – жадно хватая воздух, сказала она.
– Что случилось? – спокойно спросила Гертруда.
– Моя подруга. Вы не видели девушку в широкой голубой юбке в сборку в сандалиях? – безнадежно спросила она.

– Нет, мы никого не видели.

– Вот это да! – Она начала плакать.

– Прекрати, – раздраженно сказала Гертруда. – Где ты оставила ее?

– Думаю, матрос увел ее, – снова всматриваясь в темноту, сказала девушка.

– Он что, за шиворот ее утащил? – рассердившись на моряка, спросила Гертруда.

Ньюмен озадаченно глянул на Гертруду. Он бы уже ушел отсюда.

– Нет, мы гуляли. Мой матрос ушел, и тогда я искала ее, и ее там не оказалось, – объяснила девушка.

– Вас что, подцепили? – Гертруда нахмурилась от тупости девушки.

– Да, – призналась девушка. Но Ньюмен видел, что она понимала, что ее не осуждают.

– Ты знаешь, как их зовут? – спросила Гертруда.

– Да, но не их настоящие имена.

– Тебе бы найти полицейского, это лучшее, что ты можешь сделать.

– Я не хочу. Помогите, ее заберут в тюрьму.

– Ты пьяна, да? – Гертруда спрашивала с бесстрастностью знатока.

– Нет, я пила, но я уже больше не пьяна. Помогите, ее мать приедет меня. Она пошла гулять в первый раз. Она еще ребенок. Пожалуйста, я обещала привести ее домой в девять.

Гертруда на мгновение задумалась. Ньюмен все еще держал ее под руку, и он предчувствовал катастрофу, если Гертруда решит пойти с девушкой.

– Где ты с ней рассталась? Идем, – в конце концов, сказала Гертруда.

Девушка с благодарностью взглянула на Гертруду и своей детской рукой позвала ее за собой. Все трое поспешили вперед. Ньюмен пытался придумать, что бы сказать; он не мог позволить себе просто так идти за ней.

Они быстро и внимательно продолжали идти по тропинке. Ньюмен трепетал, – он гордился Гертрудой и боялся ее. Кто она такая? Кто эта девушка? Что он сам здесь делает? Черт подери...!

Они подошли к питьевому фонтанчику, и девушка остановилась и огляделась, пытаясь вспомнить куда идти. Она показала на низкий холм, который возвышался слева от тропинки. Холм зарос кустарником вперемешку с деревьями, и там не было освещения, что означало, что там нет ни дорожки, ни полиции.

Показывая туда, девушка тихо сказала: – Мне кажется, она осталась там наверху. Вы можете подняться туда вместе со мной? – взмолилась она.

Гертруда всмотрелась в темноту холма. Ньюмен делал вид, что тоже его изучает. Страх перед темнотой, которым он страдал, теперь изливался с холма прямо в него. Его колени вздрогнули.

– Тот матрос был сильно пьян? – для виду спросил он.

– Я не знаю. Я не помню. Мне нужно найти ее, пожалуйста, мистер.

Гертруда посмотрела на него: – Пойдем туда?

Ее голос был пьян от возбуждения. Он хотел уйти. Теперь она была чужой ему. – Хорошо, – прошептал он.

– Идем, – сказала она.

Следом за девушкой они сошли с дорожки и начали взбираться на небольшой пригорок. Уйдя с дорожки, они сразу перестали вообще что-либо видеть. В темноте они слышали, как хлопает носом идущая впереди девушка. Через мгновение они смогли разглядеть ее, она слегка наклонилась как будто чтобы, карабкаясь, видеть землю под низко свисающими ветвями.

Ньюмен ухватился за руку Гертруды. Его тело излучало тепло, а воротник душил. Он почувствовал себя необычно, как-то крупнее, немного смелее. Было ощущение, как будто он

всегда хотел жить подобной жизнью, как будто сейчас Гертруда открыла это желание в нем, и сочла его само собой разумеющимся. И он любил ее за это доверие к нему когда они пробирались сквозь темноту за согнувшейся сопящей девушкой. Что-то зашуршало среди веток одного из кустов. Все трое замерли. Ньюмен вздрогнул от неожиданности, когда почувствовал, как впиваются в его предплечье пальцы Гертруды. В то же время она прижимала его руку к себе. Девушка стала на четвереньки и посмотрела в куст. Нагнувшись, она заглянула под густой верхний слой листьев, встала, подошла к Гертруде и прошептала ей в ухо: – Это не они. Потом она повернулась и продолжила подъем. Ньюмен почувствовал, что пальцы Гертруды ослабили хватку. Теперь девушка немного опережала их, потому что они замедлили шаг. Впереди и над собой они увидели вершину холма и очертания огромного черного дерева на фоне неба. Когда они поднялись наверх, у подножия дерева стало видно что-то белое. Они видели, как девушка остановилась возле дерева, и через мгновение присоединились к ней и увидели разложенную на земле подстилку из газет. Девушка наклонилась и подняла что-то, потом вышла из-под дерева и остановилась там, где кончалась тень и светила луна. Ньюмен увидел у нее в руке маленькую бутылочку виски. Гертруда не пошевелилась, чтобы подойти к ней и какое-то время они так и стояли, наблюдая девушку, которая разбирала этикетку. Гертруда осматривалась вокруг, но на девушку уже не смотрела. Девушка бросила бутылку и подошла к ним. Она задумчиво вздохнула и тихо сказала: – Они здесь были.

Она повернула голову, осматривая темные склоны под ними.

– Не могли бы вы пойти со мной? Я знаю, куда они могли пойти за выпивкой. Пожалуйста, я должна привести ее домой. Я просто обязана. Пожалуйста, Миссис, – собираясь расплакаться, сказала она.

– Идем дальше, – прошептала Гертруда. Ньюмен задрожал от ее низкого томного голоса. Девушка начала спускаться тем же путем, каким они туда поднялись. Гертруда и Ньюмен повернулись и пошли за ней. Через мгновение их снова поглотила глубокая чернота холма. Теперь они не видели девушку. Ньюмен подождал Гертруду, чтобы пойти немного быстрее или позвать девушку. Они замедлили шаг. А потом они остановились, и Ньюмен почувствовал, как расслабляется тело Гертруды, и стал перед ней. Теперь она стояла на шаг ниже по склону, а он оказался над ней и выше ее. Ему удалось взять ее за руку, и она тут же обвила его своей другой рукой, и он поцеловал ее губы, и ее духи струились на него, как будто пузырек открыли у него прямо под носом.

Глядя сквозь листья дерева, он видел неясное зарево, которое отбрасывал на небо окружающий парк город. Он чувствовал, что его тело отсоединилось от него, бесчувственное, как челюсть на приеме у зубного врача.

– Господи! – тихо произнесла она. Она покачивала головой из стороны в сторону. Это было первое слово, которое они произнесли за полчаса.

Он повернулся и, глядя сбоку на ее лицо, попытался сложить слова в предложение. Чувство сожаления было таким глубоким, что он задышался.

– Господи, – снова тихо сказала она, и повернула к нему голову. – Где ты этому научился...

– Я...

Прежде чем он смог начать извиняться, ее лицо повернулось к нему, она поцеловала его в губы, и он вздрогнул. Потом она снова опустила голову на траву. – Господи, мы не должны были этого делать. Знаешь, ты просто поразил меня? Ты просто уничтожил меня. – Она прикрыла глаза тыльной стороной ладони.

Его сожаление улетучилось, как только он понял, как она его любила. Он приподнялся на локте. Вы... ты в порядке? – спросил он неуверенно.

– Да, – нежно выдохнула она. – Господи. Мне хорошо, – снова со стоном произнесла она, – я никогда не думала, что ты на это способен. Ты просто уничтожил меня.

Изумившись, он попытался вспомнить, как все произошло, и подивился, можно ли было,

назвать это соблазнением девушки. – Дорогая, я не смог сдержаться, – сказал он, извиняясь уже слабее.

Неожиданно она села и, сильно прижимая его голову к траве, обхватила его лицо и поцеловала. Затем она легла щекой ему на грудь и восторженно прошептала: – Боже.

Он смотрел сквозь дерево вверх. Через минуту он расправил грудь и, не меняя положения, стал дышать животом. Он снова начал ощущать свое тело. Конечности как будто удлинились и стали толще. На миг он почувствовал себя выше ростом.

– Гертруда, – сказал он. Они должны были идти. Он продолжать всматриваться в темноту, готовый к миганию электрического фонаря.

Она подняла голову и посмотрела вниз на него. – Сейчас ты похож на Клода Рейнса.

– Это потому, что ты не видишь моего лица, – улыбнулся он.

– Я все равно могу представить, как ты выглядишь. У тебя такие же маленькие мешочки под глазами. А еще ты приблизительно его размера. Ты, правда, похож. Я видела его в Голливуде. Вы очень похожи.

– Ну, давай, давай.

– Я не шучу. Ты можешь сделать состояние в кино.

– А вот теперь хватит. – Эти слова смутили и вывели его из себя.

– Ты зря тратишь время, действительно, зря.

– Я не актер. И никогда не смогу им стать.

– Совсем необязательно быть актером. Ты можешь быть руководителем. Ты мужчина руководящего типа.

– Ты действительно так думаешь?

– Да. Знаешь, большинство руководителей занимают свои должности после сорока лет. Я как-то прочитала это в одной газете, когда мне делали прическу.

– Я слышал об этом, но...

– Ты должен внимательнее осмотреться по сторонам. В тебе, по-видимому, много скрытого потенциала. Дома я смотрела твой месяц по зодиаку.

– Правда? Я собирался спросить у тебя.

– Ты действительно принадлежишь к руководящему типу.

– Ну, я не слишком серьезно отношусь к...

– Не обманывай себя. Некоторые крупнейшие голливудские звезды и шагу не ступят, пока не проверят, что им предвещает гороскоп.

– Я читал об этом.

– Это так. Потому что с твоими знаниями у тебя перспективы большого человека. Я серьезно. Иногда в конторе насмотрюсь на всех этих начальников, а потом гляну на тебя...

– Ну, я могу только попробовать. Я выполняю свою работу и...

– Никто ничего не достигает, просто выполняю свою работу. Тебе нужно установить связи. Ты чересчур скромничаешь и твоего ума и таланта не видно. Я все время хотела тебе это сказать. Правда, – сказала она. – Тебе всего лишь нужно выбрать, каким заняться делом. Что-нибудь такое, что даст тебе возможность расправить плечи и продемонстрировать свои способности.

Он прислушивался, чтобы не пропустить шум шагов. Если бы он только смог сделать так, чтобы они продолжили этот разговор, снова прогуливаясь и не произвести впечатление ханжи...

– Какое дело ты имеешь в виду? – спросил он.

– О, существуют сотни разных занятий. Я же вижу что ты ответственный человек.

– Я привык быть ответственным, – частично согласился он. – Но, чтобы начать свое дело, нужны деньги.

– Но не в том случае если есть богатые связи. Знаешь того мистера Гелвея в отделе продаж?

– Ну?

– Ты думаешь, после войны этот парень будет работать за зарплату?

– Я плохо его знаю.

– Ну а я время от времени с ним разговариваю. Еще будут звучать Трубы Мира, а этот парень уже уйдет из компании, чтобы начать свое собственное дело. Тебе обязательно нужно познакомиться с ним поближе. Или возьми мистера Макинтая. Хотя Мак скорее напьется, когда закончится эта война, и будет пить пока не начнется следующая. Но у него есть идеи, да, у Мака есть идеи. Лоренс, все дело в том, что тебе нужно познакомиться с кем-нибудь из таких ребят. Это я знаю. Точно. Покрутись немного среди них. Там и сориентируешься.

– Гертруда, я не знаю, выйдет ли у меня это...

– Я не имею в виду, что ты...

– Нет, я имею в виду, что я не такой. В бизнесе приходится жульничать. Я...

– Но есть дела, где ты можешь оставаться порядочным.

– Это так. Но...

– Именно о таком деле я и говорю, – сказала она. Она опиралась на локоть, ее лицо было рядом с его лицом. Он продолжал смотреть мимо нее на дерево, пытаясь найти в ее словах истину. – Гелвей собирается открыть завод по производству пластмасс. Ты получишь место, если начнешь работать вместе с хозяином. Ты даже можешь стать компаньоном через какое-то время.

Она снова легла в траву, и он посмотрел на ее лицо. – Тебе нужно иногда выбираться на Побережье, – сказала она, – посмотреть дома, в которых там живут! Господи... снова восторженно вздохнула она. – Это то о чем я мечтаю, – сказала она тихо, – только об этом я всегда и мечтала.

– Но ведь не могут же все быть богатыми.

– Ты бы мог, – сказала она, потрепав его за щеку. – В тебе это есть. У меня чутье на людей. Я в этом разбираюсь.

– Не знаю. Сомневаюсь, что когда-нибудь разбогатею.

– Может, ты никогда и не хотел быть богатым? – весело спросила она.

– Хотел, конечно. Никто не скажет, что я когда-нибудь отказывался от денег.

– Но ты об этом не думаешь, – спросила она.

– Ну да, задумывался... ну, я не знаю, что человек начинает делать, чтобы стать богатым. – Он засмеялся над тем, как механически он изобразил процесс. Левой рукой он водил по траве, потом подумал о собаках и положил руку на живот.

– То, о чем я говорила. Связи. Контакты. Вот почему я советую тебе поближе познакомиться с некоторыми людьми в компании.

Он долго смотрел на нее. Никто прежде не замечал в нем качеств руководителя. Он знал, что никогда не станет начальником, но очевидная возможность увлекла его. Она увидела в нем то, чего никто никогда в нем не видел, и он хотел узнать ее и таким образом раскрыть себя. Он долго лежал возле нее, обдумывая эту волнующую мысль. А потом он впервые полностью осознал что делает. Он лежал на спине рядом с женщиной ночью в центре парка. В этом не было ничего ужасного. Это было как в молодости. Он подумал, что она уже ведет его на новые пути. Кто знает, к какой волнующей жизни она может привести его?

Он рассматривал ее профиль. Она была, как никогда сосредоточена. – О чем ты думаешь? – спросил он.

Она тихо засмеялась. Над ними, от слабого дуновения тут же затихшего ветерка, качнулись деревья. – Просто думала о всякой ерунде. Как всегда. – Она сильно прижалась губами к его губам, и мгновение он не мог дышать.

– О какой же ерунде ты думала?

Какое-то мгновение она колебалась. – Что бы я сказала, если бы ты предложил мне выйти за себя замуж.

– Что бы я...

– Нет, что бы я сказала, если бы ты предложил мне, – пронзительно и весело засмеялась она.

Он присоединился к ее смеху. И она, улыбаясь, лежала. Ему потребовалась минута,

чтобы понять, что она ждет.

– Что бы ты сказала? – спросил он, пытаясь перевести все в шутку.

– Наверное, я бы сказала, нет, – ответила она.

Он лежал ошарашенный с прилипшим к гортани языком. Это казалось невероятным. Он снова ничего в ней не понимал. Если он потеряет ее...

– Почему... почему бы ты сказала, нет? – взволнованно спросил он.

– Потому что я, скорее всего, разрушила бы твою жизнь. – Она перестала улыбаться.

– О, нет... – Он снова будет бредить ею...

– Наверное, да. Тебе бы пришлось ходить со мной на танцы. Время от времени мне нужно ходить танцевать.

– Я бы с удовольствием танцевал с тобой. Я не говорил, что не пойду с тобой танцевать. – А в конце той мечты-сна ее не было.

– Правда, танцевал бы?

– Конечно, – засмеялся он, как будто она была ребенком, – я бы делал все, что тебе нравится. Я не выходил в общество просто потому, что у меня не было такой женщины, которая бы мне нравилась. Гертруда, правда, я все время думал о тебе. Мне даже иногда кажется, что я думал о тебе много лет до того как тебя встретил.

Он немного пугал ее теперь, совсем немного. И он схватил ее руку, которая лежала у него на груди.

– У меня всегда было представление об определенной женщине. Не смогу вспомнить, когда оно появилось, но знаю, что весьма давно. И она вела себя так, как ты. Потому ты меня так и потрясла, когда я увидел тебя впервые.

Он видел, как в сумерках блестели ее глаза. Она ожидала от него неожиданного поступка, почувствовал он, но не знал, что сделать. Так что он пододвинул лицо к ее лицу, и она легко поцеловала его, а потом снова посмотрела на него. И оба начали дышать глубже.

– Гертруда, выходи за меня, – взмолился он. Для него это прозвучало как нечто невероятное.

– Хорошо, – ответила она.

Он уже больше не мог находиться в таком неудобном положении и, отпустив ее руку, снова лег.

Немного погодя она сказала: – Когда мы поженимся?

– Когда ты хочешь? – спросил он, поворачиваясь к ней. Он не мог преодолеть ощущения, что все это происходит не с ним. Неожиданно это перестало казаться неизбежным.

– Первого числа?

– Хорошо. Я хочу пригласить тебя домой, и познакомить со своей матерью, – сказал он, раздумывая, не потеряет ли он ее до первого числа.

– Хорошо. Как ты думаешь, я ей понравлюсь?

– Да, я уверен. Она уже давно хотела, чтобы я женился.

– Она очень религиозна?

– Нет, не фанатично. С тех пор как она не может ходить, я время от времени вожу ее на такси в церковь. Приблизительно раз в месяц. Нам придется венчаться в церкви, – сказал он, полувопросительно.

– Только там, – успокоила его она.

– Ты религиозна?

– Я хожу каждое воскресенье, – сказала она.

– Правда? В какую церковь?

– Я хожу в разные. Ты имеешь в виду, какой конфессии?

– Ну да.

– Ты не помнишь, что было написано в анкете, когда я поступала на работу?

– Англиканской?

– Именно так. – Она показалось немного уязвленной, и несколько воинственной.

– Тогда все в порядке, – сказал он, как будто это было для него очень важно, – я рад

этому. – Она успокоилась, подумал он. – Потому что я тоже принадлежу к этой же конфессии, и с матушкой все будет проще.

– Тогда поцелуй меня, – сказала она, – по настоящему.

Он поцеловал ее, и она долго его не отпускала. – Пора идти, – прошептал он.

Они поднялись, и он провел ее в меблированные комнаты, где она жила, размышляя о пятнах от травы. Часом позже он подходил к собственному неосвященному кварталу и ощутил страстное желание, неясную нужду в чем-то; это было сравнимо с тем, как если бы он что-то потерял в траве, возможно... монету или часы. Его сознание охватывало ощущение, что все это ему приснилось. Кто она такая? Он действительно совсем ее не знал. Он знал, что она имела склонность фантазировать. Ему даже пришло в голову, что она вообще никогда не была в Голливуде. И теперь он придет домой и будет рассказывать матери о ней, а он не совсем знает, что говорить о ее характере. Во всяком случае, она была религиозной и это хорошо. Может он просто скажет, что встретил хорошую девушку, англичанку, и остановится на этом. Опять же, может быть об этом вообще пока не нужно говорить. Может быть, завтра ему придется все отменить. Однако... она была так удивительно похожа на женщину из его снов. Такие же округлые бедра.

Поднимаясь на свою высокую веранду, он решил, что, возможно, это всегда происходит так нечаянно, почти случайно. Возможно, завтра он будет просто влюблен и совсем не испуган. Возможно, думал он, тихо открывая дверь, с завтрашнего дня он начнет быть счастливым.

Глава 13

– Ты очень эффектно в этом выглядишь, – сказал он. Прикрывающая волосы голубая шелковая косынка, завязанная под подбородком, делала ее похожей на мадонну, подумал он.

– Это чтобы волосы не спутались, – польщенно ответила она.

Он вел автомобиль, крепко держа руль двумя руками, его голова была поднята так, чтобы лучше видеть верх капота. Теплый летний воздух приносил запахи лесов обступающих шоссе с обеих сторон, и он расстегнул вторую пуговицу на спортивной рубашке, чтобы свежий воздух обдувал грудь.

– Правда, замечательно? – сказал он.

– Я хочу нарвать цветов, – сказала она, рассматривая пестрый растительный ковер вдоль обочины.

– Лучше не надо. Я видел знак запрещающий рвать цветы.

Она глубоко вдохнула и выдохнула, а затем покачала головой под впечатлением от тянувшихся вдоль дороги исключительно совершенных сосен, запах которых наполнил ее легкие: – И все это создано Богом, – сказала она.

– Действительно великолепно, – согласился он, и, нежно улыбаясь, быстро вернул взгляд на дорогу.

Глядя вперед, она сказала: – Ты уверен, что там будет номер для нас?

– О, конечно. Особенно теперь, при ограничениях на продажу бензина.

– На дороге все равно попадают машины.

– Но их недостаточно, чтобы занять все. Как бы то ни было, здесь не обслуживают всех подряд.

– Надеюсь, что вода в озере будет чистой.

– Как серебро. Конечно, я уже пять лет там не был, но тогда вода была чистой.

– И там танцуют? – спросила она как бы для подтверждения.

Он засмеялся и похлопал ее по колену. – Я везу тебя не в какое-то старомодное место. На самом деле я ездил туда из романтических соображений.

– Что ты говоришь? – поинтересовалась она подсмеиваясь.

– Правда. – Он посмотрел на нее, и оба засмеялись.

– И ты кого-нибудь нашел?

– Ну, – он немного покраснел, наклонив голову так, будто чего-то недоговаривал, – у меня были очень интересные разговоры.

– У тебя?

– Ты думаешь, я закоренелый чудак, да? – Он громко рассмеялся.

– Ты такой и есть.

– При том, что я рассказал, что полжизни думаю о тебе.

– Никогда в это не поверю.

– Но это так. А перед тем как пришла ты, я думал о женщинах в общем.

– Да ну.

– У меня всегда было представление об определенном типе женщины. Правда. И это ты. – Он серьезно глянул на нее, потом снова перевел глаза на дорогу. – Я серьезно.

– Я верю тебе, Лалли, – тихо призналась она.

Некоторое время они ехали молча. – Это то о чем я всегда мечтал, – сказал он, – я имею в виду жениться и поехать на уик-энд. Я всегда ездил один.

– Сколько раз ты бывал в этом месте?

– Здесь только раз. Но я ездил в другие места.

– И ни разу никого не нашел?

– Никого. – Его поразила эта мысль. – Никто не был похож на тебя.

Она наклонилась к нему, поцеловала в щеку и ждала, чтобы он повернулся к ней лицом.

– Пока я за рулем, лучше не надо, – сказал он, потому что когда она целовала его, они проехали мимо человека, который собирался перейти дорогу.

– Пусть видит, – поддразнила она.

– Мне все равно, что кто-нибудь видит, просто я...

– Ты беспокоишься о нем.

– Нет, – шутливо пожаловался он, – просто, когда я веду машину, я веду машину и это все чем я могу заниматься. – Мимо них промчался автомобиль, потом перестроился в их ряд и скрылся за поворотом впереди.

– Вот, дурак, – сказал он. – Люди не беспокоятся за свою жизнь.

Неожиданно она нервно подскочила на сидении, схватила его за руку и прижалась ногой к его ноге. Он вспыхнул и, скорчив шутливую сердитую гримасу, опустил руку и сжал ее бедро. Они продолжали ехать. Боковым зрением он смотрел на леса и холмы и запоминал укромные закоулки. Она не отодвинула свое бедро. Он подумал, затем осмелился сказать вслух.

– Хорошо будет, если нам дадут тот же номер, в котором я тогда жил.

– Отдельно от всех? – спросила она.

– Именно это я и имел в виду.

Бывали моменты, когда он отваживался говорить подобные вещи и касаться ее бедра при полном дневном свете. Как ночью – только по ночам он оживал – в такие моменты, он был готов умереть за нее. Сейчас он взглянул на солнце и прикинул его высоту над горизонтом.

– Пойдем в лес сегодня вечером, – сказала она, – хорошо? Я люблю лес.

– Мы сможем подойти близко к озеру, – сказал он, вспоминая то самое местечко, что присмотрел для девушки, которая так и не приехала. Теперь девушка приедет, это была его жена, она не может сбежать или быть жеманной и создавать дополнительные трудности, и все было честно и благородно и все равно, была в этом поразительная острота ощущений которая, как он надеялся, никогда не исчезнет.

Они ехали, и он подумал о мусорном баке и со страстной решимостью рыцаря поклялся, что она никогда не должна узнать об этом, потому что это сделает ее несчастной. Он снова положил руку на руль.

– Как чудесно было бы иметь собственный дом за городом, – задумчиво пробормотала она.

– Чтобы он тебе понравился в нем должно быть сорок шесть комнат.

– Ничего нет плохого в том, чтобы иметь дорогой вкус. Знаешь, что ты так и не сделал? –

сказала она в том же полурасслабленном тоне.

– Что же я так и не сделал? – спросил он.

– Ты так и не поговорил с Маком.

– Послушай, – сказал он решительно. – Мак – это человек, который очень много пьет и имеет огромное количество очень хороших деловых идей. И чтобы приступить к осуществлению любой из них нужно не меньше миллиона долларов.

– Значит, ты говорил с ним? – оживившись, с интересом спросила она.

– Я всегда разговариваю с ним.

– Я имею в виду о возможной совместной работе.

– Даже если бы у меня было что ему предложить, я бы этого не сделал. Дорогая, он ужасный пьяница. Ты это знаешь.

– Это правда, – задумчиво сказала она.

– Давай попробуем обойтись тем, что у нас есть.

– Конечно, но разве тебе не хочется, чтобы я занималась твоим домом?

Он понял, что это был один из способов спросить о том, когда она сможет оставить работу. Это его тревожило. Каждый день она казалась все прекраснее, и он не мог понять, почему она отдалась ему так откровенно и после такого короткого ухаживания.

– Дорогая, я же говорил, – сказал он мягко, – ты можешь уйти с работы, когда захочешь.

– Но при твоей теперешней зарплате я не могу это сделать. Я действительно тебя не понимаю.

– Герта, у меня есть две тысячи долларов. Ну какое же дело можно начать с двумя тысячами долларов?

– Так подумай об этом. Давай подумаем, – попросила она как будто для начала.

Она повернулась и задумчиво посмотрела из окна со своей стороны. Он аккуратно вписался в крутой поворот, снова лег на прямой курс и посмотрел на нее. О чем она сейчас думает? Как в прошлое воскресенье, когда они объезжали бухту Шипсхед, чтобы посмотреть на яхты. Посередине обычного разговора она неожиданно сообщила, что она не из Рочестера. Она родилась и выросла на острове Статен. Рассказ о Рочестере был придуман для работодателей, которые могли принять ее за еврейку, если бы они знали, что она из Нью-Йорка. С этим все было в порядке. Это он мог понять. Но сейчас, находясь вместе с ней в машине, он ощутил то же, что и всегда, когда она умолкала надолго, – его охватил страх, что она думала о тех местах и людях, о тех событиях, в которых участвовала и о которых никогда ему не рассказывала. Снова он перевел свой взгляд с дороги на нее. Теперь она курила, задумчиво щурясь и медленно затягиваясь сигаретой. Она подвинулась, и он обратил внимание на полный изгиб ее бедра.

– Чудесно было бы, – сказал он, владея своим голосом, – иметь свой дом за городом. Ты права. Было бы очень хорошо...

Одним движением она скользнула через сиденье и, схватив обеими руками его за руку, прижала губы к его уху. – Лалли, ты не сердись на меня? – прошептала она.

Его спина похолодела от прикосновения ее рта, и он засмеялся: – Нет.

– Ты сердись из-за покупок у Ванемейкера?

– Почему ты так думаешь? – спросил он.

– Ты выглядел рассерженным.

– Просто я считал, что ты не должна присылать из магазинов платья по сто долларов за штуку, если знаешь, что нам все равно придется отправить их назад.

– Но так все делают. Я всего лишь хочу примерить их дома.

– С этим все в порядке, – неубедительно заверил он ее. – Это просто кажется немного нелепым. Хотя в том красном платье ты действительно выглядишь хорошо.

– Оно было розовым, – польщенно сказала она. – Боже мой, – она почти кричала, – ты даже не представляешь, как я могу выглядеть!

Он засмеялся от неожиданной радости и испуга, потому что она выписала домой покупок почти на тысячу долларов. А двумя днями позже ему пришлось встретиться с тем же

водителем, который привозил эти вещи. Она великолепно выглядела, щеголяя по дому в сто долларовых платьях, а потом он помог ей упаковать их все назад в коробки, и когда они закрывали крышки коробок, это было похоже на похороны чего-то.

Они продолжали ехать. – Герта, у тебя замечательный вкус. Я никогда не думал, что ты можешь так выглядеть. Действительно, как актриса. Исключительный вкус.

– Я сама этим горжусь, – напомнила она ему.

Дорога продолжала подниматься, и теперь деревья справа от дороги опустились, и далеко внизу перед ними предстал Гудзон; от беспокойной поверхности реки отражались ослепительные вспышки солнечного света.

– Похоже, это здесь, – сказал он. Он снизил скорость, и оба наклонились вперед, чтобы прочитать приближающееся по левой стороне дороги рекламное объявление.

– А реку из гостиницы видно? – возбужденно спросила она.

– Нет, но там совсем недалеко пешком. Сюда, – сказал он, остановив машину на повороте. В то время как он наблюдал за дорогой в зеркале, она сделала то, чему он научил ее еще раньше, – повернулась в кресле и посмотрела через заднее окно на дорогу сзади. Затем автомобиль взревел и рывком пересек шоссе, резко затормозив на узкой грунтовой дороге.

Он не смог прочесть объявление из машины, поэтому сказал: – Посмотри, есть ли там схема проезда. Я как будто помню.

Она высунулась из окна и громко прочитала объявление: – Деревня Ривервью. Ему она сказала: – Здесь план расположения домов.

– Я знаю, но там была схема, как доехать до гостиницы...

– О, точно. «Гостиница Ривервью. Ехать по грунтовой дороге, держась правой стороны». – Она вернулась в машину. – Мне кажется, нужно просто ехать направо.

Он вел машину по проходящей через лес грунтовой дороге. Она занялась своей прической. Теперь волосы были расчесаны вниз из пробора посередине, и ее лоб выдавался вперед меньше, чем когда волосы были зачесаны назад. Ему казалось, что так она имеет более свежий деревенский вид, больше похожа на уроженку Рочестера и одобрял ее. Она подвела губы и подтянула чулки.

– Знаешь, кого бы я хотела взять сюда с нами? – сказала она. Она была возбуждена посещением незнакомого места и стала говорить резко и быстро, и он улыбался, сдерживая внутренний смех.

– Кого? – спросил он.

– Фреда из соседнего дома.

Они налетели на кочку и подскочили на сидениях. Дорога резко пошла вверх, и он переключился на более низкую передачу. Впереди них, в конце сосновой аллеи голубой тряпкой висело небо.

– Почему Фреда.

– Он приятный. Нам нужно познакомиться с ними поближе.

Завывая, автомобиль медленно поднимался вверх. Он размышлял, стоит ли рассказать ей о мусорном баке. После этого он почти не разговаривал с Фредом и никогда больше с бывлой доверительностью. Он увидел как голубое небо перед ним, на какой-то миг, зависнув на его фоне, пересек мусорный бак...

Капот автомобиля наклонился вперед и перед ними, посередине довольно большой лужайки, оказалась гостиница.

– О, как красиво! – сжимая его руку, сказала она.

Он почувствовал гордость. Дом, несомненно, покрасили, потому что сейчас он выглядел более ухоженным, чем пять лет назад, и был похож на деревенский клуб. Напротив веранды у входа было размечено место для стоянки. Там было не больше десятка автомобилей. Он остановился рядом с ними.

Застегивая доверху рубашку, он дал ей минуту, чтобы она еще раз, только еще тщательнее, подтянула чулки и поправила прическу. Она аккуратно сложила шелковый платок, который был повязан поверх головы, и небрежно забросила его на заднее сиденье.

Потом вышла, он за ней.

Выйдя из машины, он достал с заднего сиденья свою широкополую шляпу. Он вынул булавки, удерживающие тонкую красивую бумагу, в которую он ее завернул, затем тщательно сложил бумагу и засунул ее в карман пиджака, а обе булавки воткнул в обивку двери.

– Быстрее, быстрее, – шептала она пока он надевал шляпу.

Тихонько посмеиваясь, он ворчал: – никуда гостиница не денется. Потом он снова наклонился в салон автомобиля и вытащил два чемодана, поставил их на землю возле подножки и начал запирать машину.

– Там все нас рассматривают, – ликующе шептала она из-за его спины.

Он поднял чемоданы и, повернувшись к гостинице, увидел несколько мужчин, сидевших в креслах-качалках на веранде у входа. Она взяла его под руку, они пошли через дорогу и поднялись по широким ступеням гостиницы. Он продолжал стеснительно улыбаться – соответствующая моменту улыбка, – в то время как постояльцы смотрели на них без особых эмоций. Один старик вырезал что-то из куска дерева, возле его колена стоял маленький мальчик, который внимательно за ним наблюдал, и он поднял голову и приязненно кивнул им пока они поднимались по ступенькам и входили в холл.

– Очень приятная здесь публика, – тихо сказал Ньюмен, когда она прошла к нему через пустой холл.

Они стояли возле бюро регистрации, он поставил чемоданы и потер руки, чтобы вытереть пот. Его спина была мокрой.

– Некоторые из них выглядят очень молодо, – с надеждой сказал он.

Через прикрытые белыми занавесками окна виднелись затылки сидящих на веранде.

Он осмотрел тихий пахнущий сосной холл. Слева от них были три открытые застекленные створчатые двери, за которыми слышалось звяканье серебряных столовых приборов. Время от времени за дверьми официант проносил чистые блюда или скатерти. Как часто он тогда сидел здесь, дожидаясь, безнадежно дожидаясь...

– Накрывают к обеду, – знающе сказал он. Она перестала держать его под руку и стояла, опершись на стойку, выглядя так выше чем обычно, подумал он, потому что, осматривая холл и оценивая по достоинству уют, вытянулась и стала на цыпочки, слегка прогнувшись при этом в спине.

– А ну-ка я дам им знать, что мы пришли, – сказал он и прикоснулся к небольшому колокольчику на стойке.

Они подождали некоторое время, поглядывая на веранду. Низкие голоса беседующих стали громче и сразу же затихли. Он почувствовал смущение из-за того, что на них не обращают внимания, и повернулся к ней.

– Здесь всегда можно встретить интересного собеседника. Приятная жизнерадостная публика.

– Ты узнал кого-нибудь из них? – Она показала на веранду.

– Нет, здесь всегда новые люди. Но они не терпят никаких безобразий, которые творятся в этих летних гостиницах. – Он говорил с наслаждением, получая удовольствие от редкой возможности открыть ей немного мира.

– Я бы искупалась перед обедом, – сказала она, рассматривая чемоданы и, пытаясь вспомнить, в каком из них лежит ее купальник.

– Ты можешь купаться весь день, если захочешь...

Они услышали громкий треск кресла-качалки на веранде и посмотрели на дверь, через которую в холл вошел мужчина. Это был тот маленький старичок, который вырезал по дереву. Мистер Ньюмен не помнил его со своего прошлого приезда. Старик пересек холл, направляясь к ним, устало улыбаясь и склонив голову набок. По пути он вытер длинное лезвие и закрыв нож, пошлепывал им по ладони как будто трубкой.

Совершенно не обращая внимания на Гертруду, он остановился перед мистером Ньюменом. Его голова была наклонена немного вперед. У него была густая седая шевелюра, которую он теперь, после того, как положил нож в карман, поглаживал пальцами.

– Да, сэр, – сказал он тихо с вежливой улыбкой.

– Я Лоренс Ньюмен, а это миссис Ньюмен...

Старик кивнул ей, говоря «Как поживаете», и, прикрывая глаза, которые открыл снова только секундой позже, когда посмотрел в лицо мистера Ньюмена. Слова представления не произвели на него никакого впечатления, и он продолжал стоять, вежливо улыбаясь мистеру Ньюмену, как будто они не продвинулись дальше его первоначального «Да, сэр».

Мистер Ньюмен снова начал. – Пять лет назад я жил здесь в очень хорошей комнате. Можем ли мы снять ее снова.

– Вам ничего не удастся здесь снять. Все занято, – закрывая свои голубые глаза, сказал старик, потом открыл их и уставился в лицо Ньюмену.

– О, – сказал мистер Ньюмен. Он никак не мог поймать взгляд старика. Посмотрев вниз, он перевел глаза на него и сказал: – А мистер Салливан здесь? Он должен пом...

– Он сейчас купается в озере, – сказал старик, не двигая головой, – но он ничем вам не поможет. Он мой сын. Владелец гостиницы – я.

Мистер Ньюмен встретил непреклонный доброжелательный взгляд старика. – Я понимаю, – тихо сказал он и вздохнул. – Я думал, может он вспомнит меня. Я провел здесь две недели...

Глаза старика закрылись, в то время как он, все еще мягко улыбаясь, качал головой. – Все занято, мистер. Даже если бы захотел, не смог бы вам помочь.

– Тогда мы поедem в другую гостиницу, Лоренс, – сказала Гертруда подходя к ним от стойки. Ньюмен быстро повернулся к ней. Она смотрела на старика. Ее опущенные веки отяжелели, а на лице начали проступать маленькие красные пятнышки. – Мы хотели сэкономить бензин, поэтому и захали к вам.

Старик перестал улыбаться. – Я был бы рад помочь вам, если бы гостиница не была так переполнена, – сказал он более низким баритоном.

– Да, я понимаю. Десяток машин, которые там стоят, забили гостиницу до отказа. Как же добрались все остальные постояльцы, на яхтах?

– Мадам, я сказал то, что должен был сказать.

– Давайте, прыгните в воду и утоните там с вашим сыном, – теперь она повернулась к Ньюмену, который стоял между чемоданами и изумленно смотрел на нее. – Идем, Лоренс, – хрипло сказала она.

Ньюмен не мог согнуть спину. Он как будто одеревенел. – Идем, – гневно сказала она, – пока эта толпа не затоптала меня насмерть. – С этими словами она повернулась, широкими шагами пересекла пустой холл и вышла через веранду. Ньюмен подхватил чемоданы и поспешил за ней, даже не оглянувшись на старика.

Они тряслись через лес по ухабистой грунтовой дороге. Он не смотрел на нее, и все внимание направил на управление автомобилем. Он поднимал окно со своей стороны, когда с дороги поднималась пыль, потом открывал на сантиметр, потом еще на пять, крепко держал руль двумя руками, выезжая на самую обочину чтобы объехать малейшую ямку, вытирал пальцами от пыли приборный щиток, подтягивал штанины брюк чтобы они не измялись. И ехал так медленно, что казалось, что машина стоит на месте. Она сидела, отодвинувшись от него, возле двери и он знал, что ее тело оцепенело.

На шоссе, остановившись чтобы посмотреть налево, нет ли там автомобиля, он заметил рекламный щит. Он не забыл его за все эти пять лет с тех пор как был здесь в прошлый раз, помнил, как и умывальник, который был у него в комнате, и то дерево возле озера, к которому он привязывал свою лодку. Щит в его памяти был ясно связан с гостиницей – прописные буквы с завитками в бело-красной рамке. А теперь его удивили и заставили остановиться слова, написанные под «Гостиница Ривервью» мелкими буквами. Там было написано – «Определенный круг отдыхающих». За те десять секунд, что ему потребовалось, чтобы поднять голову и бросить взгляд на дорогу и на щит он подумал, была ли эта надпись на нем в его прошлый приезд. Размышляя об этом, он выехал на шоссе. Эта надпись не могла быть там раньше... и, тем не менее, он почему-то знал, что надпись там была. Но тогда это означало

лишь то, что здесь были рады всем приятным и не крикливым людям. Это означало лишь то, что здесь вы встретите людей подобных вам, но не то, что здесь категорически откажут в комнате человеку, который выглядит несколько... Он продолжал медленно ехать и к своему удивлению представил себя стоящим перед мистером Стивенсоном в корпорации Экрон. И через мгновение он вскипел от гнева из-за того, что они должны были так врать ему прямо в лицо, как будто с одного взгляда могли определить, что он крикливый, невоспитанный и нечестный человек и его руки вцепились в руль, и он шепотом произнес вслух, – Так вот оно что!

– Хотя бы оправдание придумал получше. Битком забито! Я хотела удавить его, я хотела удавить его, клянусь, я бы удавила его! – стискивая зубы, ругалась она.

– Не надо... дорогая, не надо так близко принимать это к сердцу, – умолял он, чувствуя, что сам виноват в том, что не смог выйти достойно из положения. – Пожалуйста, давай забудем об этом.

– Почему с этим ничего не делают? – Она была на пределе, и он разогнал, как будто чтобы предотвратить надвигающийся взрыв слез. – Пусть соберут всех, разберутся, кто есть кто, предоставят проклятых жидов самим себе и установят все раз и навсегда! – Она всхлипнула.

– Послушай, дорогая... – сказал он беспомощно.

– Я не вынесу этого, я не могу больше это выносить. Уже нельзя выйти из дома, чтобы чего-нибудь не случилось. Лу, поехали в другое место. Куда мы едем? Поехали в другое место, – потребовала она таким тоном, как будто была готова тут же сама сесть за руль.

– Мы едем домой, – сказал он.

– Я хочу поехать в другое место. Ты слышишь меня? Я хочу поехать в другое место! – закричала она.

– Прекрати!

– Нет, выпусти меня, я не поеду домой! Останови машину!

– Отпусти мою руку! Отпусти же! – Он толкнул ее рукой, и она отпустила его.

– Я хочу, чтобы ты остановил машину. Я не поеду домой.

Он съехал на обочину и остановился. Она сидела, выпрямившись и неотрывно глядя вперед. Кивнув назад, она сказала, – Развернись и найди другое место. – Она быстро повернулась и посмотрела через заднее стекло. – Давай, там нет машин.

– Гертруда...

– Я хочу, чтобы ты развернулся, – сказала она, непримиримо наблюдая за дорогой через заднее стекло.

– Давай-ка, успокойся, – сказал он с суровыми нотками в голосе и повернул ее за плечи, пока она не оказалась лицом вперед. Но она не отказалась от своего требования и просто сидела, дожидаясь чтобы повторить его. – Я не собираюсь сегодня снова пройти через это же, – сказал он. – Я не хочу, чтобы нас с тобой оскорбляли.

– Поворачивай, – сказала она.

– Здесь дальше все остальные гостиницы такие же. Я забыл, но объявление напомнило мне об этом. Здесь везде все будет одинаково.

Она оценивающе посмотрела на него. Он чувствовал, что она исследует его. – Послушай, – внезапно сказала она, – почему ты всегда даешь им делать из себя еврея?

– Я ничего всегда не даю, – ответил он.

– Почему ты не объяснил ему кто ты такой? *Объясни* ему.

– Что? Что я должен ему объяснять? Ты же знаешь, если он к этому так относится, ему ничего не объяснишь.

– Как это ты не можешь ничего объяснить? Когда мне это приписывают, я даю понять кто я на самом деле. Я никому не дам сделать из меня еврейку и уйти с этим.

Он начал было говорить, и сам себя оборвал. Этот мусорный бак...

Повернувшись к рулю, он положил руку на рычаг переключения скоростей и нажал ногой на педаль сцепления.

– Куда ты едешь? – спросила она.

Он замер. Он ощущал волны ее гнева. Не поворачиваясь, он сказал: – Дальше по дороге есть небольшой парк. Мы можем там пообедать и посидеть возле реки.

– Но я не хочу *сидеть* возле реки! Я хочу...

Он резко дернул головой вокруг и отрывисто сказал: – Я не хочу снова проходить через это. Перестань же, в конце концов! – сердито приказал он.

Двигаясь по шоссе, они молчаливо сидели порознь. Какие-то слова все время приходили ему на ум и снова исчезали. Он не мог заставить себя рассказать о том, что происходило с ним в квартале. Это осквернило бы всю их жизнь. Это заползло бы между ними по ночам. С ней он хотел начать новую жизнь, и теперь это происшествие снова все испортило. Все же он хотел рассказать ей даже об этом. Сейчас, в этой тишине его смущало то, как она, несмотря на свой гнев, стала на сторону владельца гостиницы. Для нее вся проблема состояла в том, чтобы разъяснить их происхождение и тогда они смогут поселиться в гостинице и провести там выходные дни. Он не знал, как объяснить ей, что теперь в этой гостинице ему никогда не будет уютно. Он не знал, как объяснить ей, что они никогда не должны доказывать в гостинице или еще где-нибудь, что они не евреи. Он не мог понять это свое ощущение. Но это было бы похоже на нищенство, как будто согласиться на расследование, и если после чьего-то жеста или слова, отношение к ним ухудшилось бы, ему пришлось бы все выходные доказывать, какой он замечательный парень.

Он свернул с шоссе там, где стояли бревенчатые домики небольшого общественного парка, и остановился возле самой реки. В нескольких метрах от передних колес возле каменистого берега плескалась река. Он заглушил мотор, и они сидели, прислушиваясь, как среди камней журчит вода. Он повернулся к ней, зная, что она все еще сердита. Она сидела с серьезным видом, обхватив руками колено. Может, он должен был рассказать ей о квартале и о своем ощущении.

– Герта, – сказал он.

Она повернулась, и в ее глазах он увидел боль и обиду.

Нет, он не может ей рассказать. Она просто раскритикует его за то, что сразу, как только он увидел, что его мусорный бак перевернут, он не пошел к Фреду и не устроил тому скандал. Она никогда не сможет понять, почему он тогда пошел к Финкельштейну и говорил с ним о происшедшем. И он не сможет объяснить, потому что знал, что сам больше не понимает, что именно удерживает его от откровенной просьбы к Фреду о дружеском отношении. Но это было сродни тому, чтобы умолять хозяина гостиницы пустить его, а на это он пойти не мог; он не был тем, кого видели за его лицом, просто не был.

– Давай узнаем, есть ли здесь устрицы. Идем, – сказал он. Он знал, как она любила устриц.

– Ты не переносишь устриц, – сказала она.

– Я посмотрю, как ты будешь есть.

Она выдавила улыбку прощения, и когда они выходили из автомобиля, коснулась его руки. Они прогулялись под солнцем вдоль реки и сели за круглый стол с отверстием посередине, из которого торчал большой зонт. Она пристально смотрела на подернутую рябью реку. Он протянул руку и раскрыл зонт.

Подошел официант с блокнотом.

– Она будет есть устрицы, – сказал Ньюмен.

Официант спросил, что будет есть он сам.

Он открыл рот, чтобы сказать, что ничего не будет есть, а потом увидел лицо официанта. Неясное воспоминание мелькнуло в его сознании, и он понял, что евреи не едят устриц.

– Я закажу... Давайте, принесите и мне несколько, – сказал он.

Официант ушел. Она смотрела на него, и он снова протянул руку и ковырнул деревянный стержень зонта, впиваясь ногтями в мягкую древесину.

– Мы вернемся назад и попробуем еще раз в нескольких милях дальше по дороге. Там должно быть одно место, – сказал он тихо.

Полностью соглашаясь, она кивнула.

Глава 14

Бывают времена, когда что-нибудь хорошо знакомое как будто изменяет свои очертания, становясь чужим и неизведанным. Он внимательно осматривал давно знакомые заводские улицы Лонг-Айленд Сити, которые они проезжали в конце следующего дня по пути домой. Никогда прежде он не замечал как много домов, будто предназначенные на слом, были заколочены досками, сколько дыма висело в воздухе, и как лучи садящегося солнца переливались в нем, будто в росе на ветровом стекле. Кузницы и сохнувший возле них на пешеходных дорожках серый шлам, фабричные здания длиной в квартал с окнами серого цвета, негры, сидящие на разбитых ступеньках своих деревянных домов – мертвенное спокойствие воскресного предвечерья и ощущение передышки увлекло его и создало ощущение островка далекой от реальности жизни.

По обеим сторонам улицы, которой они ехали начали появляться дома на две семьи, потом деревья, а потом несколько незастроенных земельных участков и они все ближе подъезжали к своему кварталу. Остановившись у светофора на красный свет, он вытянул свои загорелые ноги, и только теперь заметил, что небо темнеет. Появилось ощущение, что глаза запорошены и устали.

– Похоже, день закончился, – спокойно сказал он.

Она молча посмотрела в окно на небо. Загорелся зеленый и он поехал дальше.

Темнота опускалась очень быстро. Острое желание оказаться дома прижало его ногу к педали акселератора... домой, и включить свет, подумал он, туда, где все вокруг знакомое и безопасное. Он ощутил беспокойство, когда обратил внимание на происходящее вне автомобиля. Двое разодетых парней спешащих через дорогу, небольшая группа пожилых людей ковыляющих домой из церкви, высокий мужчина, толкающий перед собой детскую коляску и тянущий щенка, который против желания скользит на четвереньках, два мороженщика позвякивающие колокольчиками над своими белыми холодильными ящиками...

Он нахмурился, вспоминая карусель, белых и разноцветных лебедей, желтых лебедей дергающихся взад и вперед, это ужасное гроыхание в земле под ними...

Вспыхнули уличные фонари. Вечер. Уже наступил вечер. Он включил фары.

Он свернул направо в боковую улицу. До дома оставалось три квартала по прямой. Фары освещали безлюдные тротуары с обеих сторон.

Она пошевелилась. Он услышал, как зашуршали чулки, когда она снимала ногу с ноги. – Когда Фред едет на охоту, он отвозит Элси куда-то в Джерси. Почему ты не узнаешь где это? Может, мы сможем туда поехать. Хотя эта гостиница была ничего.

Он кивнул: – Хорошо.

– Ты не спросишь.

– Спрошу, – солгал он.

Он уже въезжал в квартал, когда увидел миссис Дипо, которая в накрахмаленном белом платье стояла перед магазинчиком, окна которого не были освещены. По воскресным вечерам магазин всегда был открыт. Пожилая дама разговаривала с каким-то человеком, который, слушая, не мог устоять на месте, в то время как она, наклонившись вперед, взволнованно говорила ему прямо в лицо. Проезжая, мистер Ньюмен глянул на магазин за ней, удивляясь, почему тот закрыт, а когда свет фар упал на витрину, увидел длинные полосы клейкой ленты протянувшиеся через все стекло витрины.

Гертруда казалось, проснулась и повернулась вокруг себя, чтобы посмотреть на ленту. Подъезжая к своему дому, он сделал широкий поворот, въехал на дорожку, ведущую вниз, в расположенный под верандой гараж и остановил автомобиль перед открытыми воротами.

Он заглушил двигатель. Она повернулась к нему. – Что-то произошло, – сказала она встревожено.

Он выбрался из автомобиля, открыл заднюю дверь и достал чемоданы. Она поднялась на веранду и стояла, смотря на угол. Он прошел мимо нее и, даже не оглядываясь, занес чемоданы в дом. Его мать сидела на задней веранде, он поздоровался с ней и понес чемоданы наверх. Он открыл их и в точной последовательности выложил вещи, затем аккуратно засунул пустые чемоданы на полку в чулане. Он стал под душ прежде, чем открыл кран, чтобы сэкономить горячую воду и газ для ее подогрева. Прошло полчаса, прежде чем он спустился вниз, его лицо блестело, а волосы были тщательно зачесаны набок. Когда он вошел в гостиную, он увидел идущую на веранду Гертруду. Он вышел и обнаружил, что она стоит возле поручней и смотрит на угол. Когда он подошел ближе, она повернулась.

– Он подрался с тем человеком, который по воскресеньям приходит сюда торговать газетами.

– Его ранили?

– Нет. Они навалились на окно, и оно треснуло. Твоя мать видела все отсюда. Весь квартал это видел, – сказала она.

Вокруг него все померкло; за спиной как будто раздался глухой рокот.

Когда он заговорил, то услышал собственный голос как будто откуда-то издалека. – Прими душ, – сказал он. – Я загоню автомобиль.

На улице уже совсем стемнело. Миссис Дипо на углу не было. В домах засветились огни. Где-то в квартале громко заговорило радио, потом его сделали тише. Гертруда снова вышла, чтобы посмотреть на угол. Он чувствовал, что она приняла какое-то решение, потому что она едва дышала, когда напряженно думала. – Давай, иди в дом, – сказал он и хотел идти по лестнице вниз, к автомобилю.

Направившись к нему, она остановила его. Он ждал, и она подошла к нему возле лестницы и тихо заговорила. В темноте белки ее глаз казалось, увеличились и как будто светились.

– Что будем делать? – спросила она.

– Не глупи.

– Твоя мать сказала, что Фред состоит в Христианском фронте, – объяснила она.

– Я это знаю, – невозмутимо ответил он.

– Допустим он...

– Не глупи...

– Но допустим...

– Ну не говори же глупости.

– Но тот человек вчера в гостинице...

Он сердито выпалил: – Перестань, наконец-то, говорить глупости. Это нас не касается.

Он повернулся и направился вниз, когда она схватила его за руку. Он быстро взглянул на нее.

Какое то время она так и стояла, удерживая его. Потом сказала: – Иди сюда, я хочу тебе что-то сказать.

Она не отпускала его руки, и они вернулись на веранду и там, в темноте сели на шезлонги. Она взглянула на веранду Фреда, затем повернулась к нему.

Спокойным голосом она сказала: – Твоя мать только что рассказала мне о мусорном баке.

Он продолжал молчать. Внутри все начало неметь.

– Почему ты не рассказал мне об этом? – требовательно спросила она. Она говорила отчетливо, как будто проводила собеседование.

– Я хотел забыть об этом. Хотел, чтобы тебе здесь было хорошо.

– Ты не должен был так со мной поступать, – сказала она.

Теперь он почувствовал, что она боится. – Что ты имеешь в виду, когда говоришь «так с тобой поступать»?

– Фред состоит в Христианском фронте. Ты должен был сказать мне об этом.

– А что в этом такого?

– Это очень важно.

– Почему, – спросил он, пытаюсь лучше ее рассмотреть. Свет из гостиной слегка освещал ее щеку. Он напрягся от выражения тревоги и возмущения на ее лице. – Гертруда, о чем ты? Я не понимаю о чем ты говоришь.

Она начала наклоняться к нему через подлокотник, когда он увидел. Перед его домом останавливался закрытый автомобиль... нет, он проехал немного дальше. Он остановился перед домом Фреда. Из него вышло трое мужчин, молча подошли к веранде Фреда, поднялись по ступенькам и вошли в дом.

Гертруда прислушивалась к звукам из дома Фреда. Через минуту она спросила: – Кто это был?

– Не знаю, никогда не видел их раньше.

– Что у него, вечеринка?

– Герта, я не знаю, – раздраженно повторил он.

– А ведь на самом деле ты с ним не разговариваешь, – обвинила она.

– Мы здороваемся.

– Но ведь когда-то ты с ним больше общался, правда?

– Нет, не намного больше, – сказал он, пытаюсь успокоить ее.

– Твоя мать говорит, что ты часто ходил к нему в подвал.

– Это правда.

– Почему же ты больше не ходишь?

– Герта, я не понимаю, зачем тебе это.

– Я хочу знать. Что он говорил, когда ты рассказал, что у тебя опрокинули мусорный бак?

– Он сказал, что ничего не знает об этом.

– Это смешно. Ты ведь понимаешь что это смешно?

– Я не думал об этом именно так, но, похоже, ты права.

– Сначала мусорный бак, потом они выбьют окно или еще что-нибудь сделают.

– Нет, не в моем доме.

– А что ты собираешься делать, что, наблюдать всю ночь напролет, чтобы никто этого не сделал.

– Моему дому они ничего не сделают.

Он увидел, как из-за угла выехал второй автомобиль, увидел, как он поехал по улице и молил, чтобы он не замедлял ход. Но тот притормозил и, виляя, остановился перед домом Фреда сразу за тем, первым. Это был тоже закрытый автомобиль с двумя дверями, но побольше. Одна дверь открылась, изнутри на тротуар вывалился очень толстый человек, который принялся рассматривать дома. Из другой двери вышел еще один человек и остановился рядом с толстяком. Они пытались рассмотреть номер дома Ньюмена. Ньюмен не шевелился. Толстяк что-то сказал своему спутнику и через лужайку Ньюмена подошел к веранде. Ньюмен обернулся только когда почувствовал, что Гертруда вжалась в кресло. Потом он посмотрел на толстяка, который обращался к нему снизу.

– Извините. Где здесь дом номер 41 дробь 39?

– Это следующий дом, – сказал Ньюмен, указывая на дом Фреда.

– Большое спасибо, – сказал толстяк. Вместе со своим спутником он пересек лужайку, неловко поднялся на веранду, и оба вошли в дом к Фреду.

Ньюмен почувствовал, что если он прикоснется к Гертруде, она закричит. Он посмотрел на нее, освещенную неверным светом из гостиной.

– Что...

– Тс-с-с!

Шли минуты. Из дома Фреда ничего не было слышно. По-видимому, они спустились в подвал. Она пошевелила ногой по каменному полу.

– Это не вечеринка, – прошептала она тоном обвинителя. – Там нет ни одной женщины. Это собрание.

– Похоже. – У него сильно колотилось сердце, и он пошевелился в кресле, чтобы

успокоиться. – Ну и что? – сказал он беззаботно.

Она не ответила. Он прислушивался вместе с ней. Из дома Фреда не доносилось ни звука.

– Ну и что, Гертруда? – настаивал он.

Через мгновение она посмотрела на угол, затем глянула на другой и перевела взгляд вниз на автомобили. Она поднялась и, не дожидаясь его согласия, пошла к дверям дома.

– Поднимись наверх, – спокойно сказала она и вошла в дом.

Он встал и хмуро поплелся за ней.

Он сидел в маленьком обитом сатином кресле в метре от кровати, наблюдая за тем, как она болтала одной ногой присев на краешек в изголовье. Был включен лишь маленький ночник возле ее лица. Она сидела так довольно долго, ее грудь вздымалась и опадала в соответствии с мучительным ритмом ее мыслей. Он глядел на ее прищуренные глаза и видел ее отстраненно, как через окно.

– Лалли, спокойно начала она, – вот что я должна сказать. Может, мне нужно было рассказать это с самого начала, а может, и нет. Но ты тоже мне кой чего не рассказал, так что может это просто отплата.

– Что я тебе не рассказал?

– Про мусорный бак. То, что вокруг действует Фронт.

– Это не показалось важным. Я не понимаю, почему это важно сейчас.

– Хорошо, давай я продолжу. Перво-наперво. – Она остановилась, посмотрела на него как будто чтобы проверить, сердит ли он, а потом продолжила, смотря перед собой задумчивыми прищуренными глазами. – Перво-наперво ты должен прекратить валять дурака. Или ты идешь к Фреду и вступаешь во Фронт, или мы выезжаем отсюда и делаем это как можно быстрее.

Он почувствовал, как земля уходит у него из-под ног. – Что... Что? – запнулся он.

– То, что я сказала, а ты услышал. – Она не смотрела на него. – В следующий четверг вечером они проводят большое собрание. Ты пойдешь туда.

– Откуда ты узнала, что у них в следующий четверг собрание?

– Я хожу за покупками в здешние магазины. Там полно их объявлений. Ты и сам видел.

Своим молчанием он подтвердил это.

– Ты пойдешь?

– Не знаю.

– Почему не знаешь?

– Когда-то давно Фред говорил мне о таком митинге.

– Ну? – помогла она.

– Но он никогда не заговаривал о нем снова. Я хочу сказать, что не знаю, как меня там примут.

– Так ты пойдешь, и тебе там будут рады.

– Не уверен.

– Лалли, ты пойдешь туда. Они затягивают вокруг нас петлю. Ты должен вырваться сейчас или у тебя это никогда не получится.

Он долго смотрел на нее. – Откуда ты так много знаешь о Фронте? – спросил он, не желая этого спрашивать.

Она подумала. – Неважно, – встряхнув головой, сказала она. – Ты пойдешь.

– Почему ты испугалась того толстяка?

– Я никого не испугалась.

– Ведь ты же знаешь его?

– Нет.

Он встал. – Ты знаешь. Герта, пожалуйста, скажи мне правду. – Он подошел к кровати и сел на край лицом к ней.

Она смотрела мимо него. Он не смог бы сказать наверняка была ли она готова расплакаться сию же минуту или разразиться гневом, но внутри нее явно что-то клокотало, и

она сдерживала себя.

– Герта, нет смысла утаивать от меня правду. – Он поднял ее руку и погладил. – Прошу тебя. Расскажи мне, пожалуйста.

У нее вырвался легкий вздох. Она посмотрела в его глаза как будто чтобы оценить его. – Я расскажу, – сказала она.

Он подождал, а она облизнула губы и посмотрела на платье. – До войны я жила с одним человеком.

– Жила с ним?

– Да. Ты ведь предполагал о чем-то подобном?

– Да.

– Ну вот, так это и было. В Калифорнии.

– В Голливуде?

– В окрестностях.

– Он был актером?

– Нет, у меня никогда не было никаких актеров. Я все придумала про актера.

– Зачем?

– Не знаю. Я всегда что-нибудь сочиняю.

– Не плачь. Продолжай. Герта, не плачь, пожалуйста.

– Я не плачу.

– Что произошло? Кем он был?

– Он был хозяином того маникюрного салона для собак, о котором я тебе рассказывала.

– Это тот, который так хорошо к тебе относился?

– Да.

– Сколько вы прожили вместе?

– Около трех лет. Немного меньше.

– После того как ты пыталась петь в кино?

– Я никогда не была певицей. Не была настоящей.

– Кем же ты тогда была?

– Я была машинисткой в студии. Секретарь-машинистка. Я брала уроки вокала, но у меня ничего не вышло.

– Я удивлялся, почему ты никогда мне не пела.

– Я не умею. Не могу хорошо. Всю жизнь я хотела стать певицей. Это было единственной возможностью попасть в кино. Я имею в виду, что у меня не сногшибательная внешность.

– Да ты рассказывала мне о прослушивании.

– Я никогда не была на прослушивании.

– Ох.

– Однажды я пробовала, но я была машинисткой, и тамошние евреи решили, что я должна оставаться машинисткой.

– Ох.

– Ну вот, больше я уже не могла это выносить. Потом я встретила этого человека, и мы подружились, и я бросила работу и мы жили вместе.

– Что же случилось?

– Какое-то время все было нормально.

Он взял ее руку по-другому. – Что же случилось? – спросил он.

Она снова оценивающе глянула на него, и снова перевела взгляд на свое платье. – Он был в порядке. Я имею в виду, что он знал толк в развлечениях. Знаешь, парень для вечеринки. Я не делаю из этого тайны, он был очень мил и у него было хорошее дело. Потом он связался с этой организацией. Там она называлась по-другому, но смысл тот же. Там существует миллион таких организаций. Против евреев. Ты же знаешь.

– Да. Как здешний Фронт.

– Правильно. Естественно, сначала я не обращала на это особенного внимания, хотя это была хорошая организация. У них было много хороших идей, которые любой поддержит.

– Что ты имеешь в виду.

– Ну, знаешь, как у Фронта. Они хотели, чтобы в Голливуде снова не было евреев. Выгнать оттуда евреев.

– Ох, – тихо сказал он.

– Но через некоторое время он дошел до того, что не мог говорить ни о чем другом, так что мне самой пришлось во всем разобраться. Он начал приводить домой разных людей, и они проводили ночи за разговорами.

– О чем же они говорили?

– О путях и средствах. Соберутся вместе после радиопередачи Кафлина и обсуждают его выступление. О таких вещах.

– Что же случилось потом?

– Ну, когда он только начал заниматься этим серьезно я не придавала этому значение, но через несколько месяцев я поняла, что они берутся за дело по настоящему. Он стал у них очень большой шишкой. Когда мы бывали в тех местах, куда ходят все эти люди, они все поворачивались, когда мы входили. Я начала ходить на эти собрания вместе с ним, печатала для него письма и превратилась в его секретаря, что-то вроде этого. Он иногда получал до полутора сотен писем в неделю, на которые нужно было отвечать. У нас появился еще один новый автомобиль...

– Ему платили за это?

– Да, конечно, там крутились настоящие деньги. Я наняла прислугу. Но не кухарку. Я всегда люблю есть то, что готовлю сама. Какое-то время мы жили хорошо. Но затем в наши дела начали вмешиваться другие. Я имею в виду другие партии. Он делал все что мог, но остальные не могли собраться вместе и объединиться. Некоторые из них совсем рехнулись. Могут только твердить – еврей, еврей, еврей и никакого дела. Понимаешь?

– Угу.

– Естественно, рядовые члены начали путаться в том, какая партия лучше и вскоре было так, что на одно собрание к нам приходило две тысячи человек, на другое едва пятьдесят, на следующее три тысячи. Что-то вроде этого. Мы больше никогда не знали нашей настоящей силы. Естественно сборы уменьшились, потому что рядовые члены не знали, будем ли мы существовать на следующей неделе. Как бы то ни было, кончилось это тем, что он решил, что его партия должна измениться. Он взялся за новое дело – боевые отряды. Как раз для молодых ребят, которые подходили для таких дел. Они патрулировали округу, выслеживали какого-нибудь еврея и избивали его. Они подражали Фронту. В этом они тоже добились результатов. Некоторое время я думала, что они запугали всех евреев Лос-Анджелеса. Хотя, конечно, из-за жалоб начали появляться легавые. Так что все дошло до того, что нам приходилось задерживаться в гостях допоздна только, чтобы быть уверенными, что они к нам не заявятся. Я стала очень нервной и чувствовала отвращение ко всей затее, потому что реально она ни к чему не привела. Все было очень хорошо на протяжении месяца, но как только он отменил драки, отряды начали распадаться. Они рвались в бой, а он едва ли мог позволить им это каждый вечер. Понимаешь. И все это время он боролся с другими партиями и спорил и строил планы, как опозорить их и все такое прочее. А в итоге я заработала от всего этого сильную головную боль и, в конце концов, все ему высказала.

– О, ты хотела, чтобы он прекратил это.

– Правильно. Я сказала, или бросай все или я ухожу. Понимаешь, с ним больше не было интересно. Я понимала, к чему это все ведет. Прямо в тюрьму. А это не для меня. Ну, а он не захотел бросать, мы сильно поссорились, и я ушла.

Она протянула руку к туалетному столику, взяла сигарету и прикурила ее. Он встал, взял на комод пепельницу и подал ей.

– Вот так я снова оказалась в Нью-Йорке, – продолжила она.

– Почему же ты не осталась там?

– Ну. Из-за этого. – Она размышляла, медленно вертя сигаретой. – Я решила начать жить по-новому. Я просто хотела жить в хорошем доме, иметь хорошие вещи и жить, как другие

люди. Понимаешь, он так много времени отдавал своей партии, что его дело начало вылетать в трубу. И шло уже к тому, что мне пришлось бы снова идти работать, чтобы его содержать, я видела, что это время приближается.

– О.

– Ну а я не собиралась этого делать. Ты ведь меня не упрекаешь, нет?

– Нет, я просто размышляю, почему ты пришла сюда?

– Ну, это действительно было то, что надо. Я просто хотела жить в хорошем доме, и чтобы все было хорошо. Потом я попала сюда.

Теперь она смотрела на него. По выражению ее глаз, он понимал, что она собиралась просить его. – Лалли, теперь я здесь, и рассказываю тебе об этом. Я никогда не видела такой ненависти к евреям как здесь. Нью-Йорк просто переполнен ею. Везде, куда ни пойдешь. Ты это знаешь. Мне не нужно тебе об этом рассказывать.

– Да, я знаю.

– Ну, я и сказала себе, забудь об этом. Живи своей собственной жизнью. Понимаешь, в Калифорнии, даже в то время, когда я была в организации, я старалась иметь свое собственное мнение. Я думала, может быть, это и так, что все готовы подняться на евреев, но не забывала, что общаюсь только с такими людьми, и что, может быть, большинство никогда и не думало о чем-то подобном и на самом деле мы никогда ничего не добьемся. Понимаешь? Но когда я приехала сюда я была ошарашена. Я ошиблась. Лалли, приближается время и оно не за горами. Как только все эти организации соберутся вместе и объединятся в одну партию, у них будет достаточно людей, чтобы перевернуть страну вверх тормашками. Подожди, не наклоняй так голову, послушай меня. Ты знаешь не хуже меня, что все, почти все, не переносят евреев. Это так, правда, ведь? Дальше. Надвигается депрессия, а ты не хуже меня знаешь, что она надвигается. Дальше. Наступает депрессия, много людей остается без работы, появляется организация, которая сможет собрать их вместе и тогда иудеям конец. Подожди минуту, не говори... Ты видел этого толстяка.

– Да.

– Его зовут Мел. Он из Калифорнии. Я не знаю его настоящего имени, но он называет себя Мел. Как-то я узнала, что в Детройте его зовут Хенесси.

– Ты знала его раньше.

– Однажды познакомилась с ним у нас дома. Он привез деньги, чтобы поддержать организацию, когда ее положение начало ухудшаться. Я не знаю, кто дал ему эти деньги, но он приехал с деньгами. У него с самого начала была идея собрать все организации в одну партию. Он говорил, что через год существования в стране большой объединенной организации, в Америке не останется ни одного еврея. Он прав. Я знаю, что он прав. И вот он здесь. А это значит только одно. Они объединяются. После войны они собираются действовать заодно, и ты увидишь фейерверк. В Калифорнии я не думала, что из этого что-нибудь выйдет, но после того, как я увидела, что делается здесь, я обещаю тебе, что это произойдет, и когда все начнется я собираюсь быть вместе с победителями, так же, как и ты. Так что послушай меня, ты пойдешь на это собрание.

Он установил пепельницу у нее на колене и встал. – Все-таки давай не будем... не будем торопить события, – сказал он, поворачиваясь к окну.

– Я знаю, о чем говорю. Ты не знаешь, на что они способны. Лалли, смотри на меня!

Возле окна он обернулся.

– Перед войной некоторых из них арестовали за хранение ружей и взрывчатки, об этом ты знаешь? У Фреда есть ружья, правда?

– Он охотник, он с ними охотится.

– Когда ты, наконец, очнешься? У него есть два револьвера, или нет? Кто же охотится с револьверами?

– Просто иногда он стреляет из них в мишень.

– Не иногда, все время. Я не удивлюсь, если узнаю, что все они собираются в Джерси и там тренируются.

– Но он привозил домой лис. Дорогая, он охотится, охотится.

– Лалли, я говорю тебе то, что знаю, и ты будешь слушать меня! Она быстро встала. – У тебя не будет возможности спорить с ними, когда они решат, что ты им не нравишься. Если кому-нибудь из тех горячих голов, что шатаются здесь по округе, покажется, что мы с тобой парочка иудеев...

– Но ведь в Калифорнии они о тебе так не думали?

– Нет, потому что я была там с самого начала. Я высказывалась о евреях. Не то, что ты. Ты никогда ничего не сказал.

– О чем говорить? Ты хочешь, чтобы я выступал с речами?

– Тебе не нужно выступать с речами. Но вспомни, например вчерашний день. Ты должен был сказать тому старику в гостинице все, что ты думаешь. Ты должен был говорить, а не стоять, как ты стоял. Никогда в жизни меня так не унижали. Наверно именно поэтому Фред не терпит тебя. Ты никогда ничего не говоришь. Я сама это заметила.

– Я говорил раньше, но я... Он озадаченно замолчал и опустил глаза вниз. – Я не знаю, что со мной происходит.

– То есть, что с тобой происходит?

– Я не знаю, – честно сказал он. Потом он пошел к креслу возле туалетного столика и сел; его побагровевшее лицо приняло озабоченное выражение. – Я просто никак не могу заставить себя сказать что-нибудь о них. Я это чувствую. Иногда мне кажется, что я почти готов убить кого-нибудь из них. Но я ничего не могу сказать.

Заинтригованная, она тихо подошла к нему поближе и, глядя на него сверху вниз, спросила: – Почему?

Он неподвижно сидел и молча обдумывал ответ. То, что раньше казалось одним, обернулось совсем иным. Всю свою жизнь он прожил с этим чувством отвращения к евреям и никогда не обращал на него никакого внимания. Это чувство было сродни отвращению к какой-нибудь пище. А потом ему довелось увидеть, сколько других людей разделяет его чувства, и он нашел поддержку на опорах в подземке и все это время он не ощущал никакого личного страха к тому, что неясно вырисовывалось впереди. В тех ранних представлениях о будущем насилии, нападающие были... ну, если не джентльменами, то, конечно способными исправиться под руководством таких джентльменов как он. За ночь они бы очистили город, который бы потом принадлежал исключительно подобным ему людям, а все подонки общества, которые произвели это изменение, как-то исчезли бы в безликой массе, из которой возникли. Но из того, что она рассказала, прежде всего, эти люди не были безликими, и едва ли можно было надеяться, что они исчезнут после того, как им удастся захватить город.

Она стояла над ним и уже сама эта поза навязывала ему необходимость принимать решение, и он поднялся, пошел к кровати и сел там. Она подошла и села рядом с ним, дожидаясь, когда он заговорит. Он взглянул на нее, потом на свои руки.

– Думаю, все дело в том, что я хочу, чтобы это все прекратилось.

– Они перевернули твой мусорный бак, кто-то отметил тебя как еврея.

Теперь он это понимал. Он лишь хотел вернуться в те времена, когда его отвращение не несло никаких последствий. Это было очень удобно, и никакие ружья и толстяки тогда в это не вмешивались.

– Я не из тех, кто ходит по улицам и избивает людей, – сказал он, хотя это она понимала.

– Ты же не видел, чтобы Фред избивал кого-нибудь. У него просто есть положение в партии. Это то, что нужно тебе. Лалли, ты человек руководящего типа.

Его тело казалось, замерло. *Лалли, ты человек руководящего типа*. Он посмотрел вверх в ее взволнованные глаза.

Он знал, что его лицо выражало обиду. Но он не ощущал обиды, разыскивая в памяти то, что подсказал этот момент. Он сидел, так как сейчас, а она...

Ее кабинет. Тот день, когда он снова нашел ее. То, как изменилось ее лицо, весь смысл.

Теперь он рассматривал ее, не понимая, что он хочет осознать. Она продолжала говорить. Он не мог сфокусировать внимание на ее словах. Это была та же женщина, которую он

презирал в стеклянной кабине. Какой потрясающей была она, какой таинственной. Он продолжал наблюдать за ее подвижным лицом, за движущимися губами и, играя в воображении с чертами ее лица, менял их на те, какими они ему показались, когда он был в стеклянной кабине. Она продолжала говорить... продолжала... ее лицо менялось. Вот она была в стеклянной кабине... тяжелая сумочка... булавка... мех... безвкусно одетая, слишком ярко окрашенная, как еврейка. Теперь он возвращал ее назад, начал разбирать ее слова. Теперь это была Гертруда, его жена, не-еврейка, такая же понятная, как его мать.

– ...лучше всего, – говорила она. – Так что Лалли, ты идешь на это собрание.

На его лице появился непривычный румянец. Он продолжал смотреть на нее и сквозь нее. Он почувствовал, что его рука обнимает ее вокруг спины и сжимает талию. Его голова пододвинулась ближе к ее...

Она положила руку ему на плечо: – Теперь, до того, как закончилась война, – продолжала говорить она. – Когда придет депрессия, все будут туда поступать и тогда это тебе абсолютно ничего не даст. Они могут решить, что ты просто перепуганный еврей, и жмешься к ним в поисках защиты. Вот почему я говорю...

Продолжая говорить, она позволила, чтобы он прижал ее спиной к кровати. Ее руки упирались ему в плечи, и, пока она говорила, он налегал на них все сильнее, пока она не уступила, и он не прорвался к ее губам. Он целовал ее, а его охватывала глубокая печаль и даже когда она смеялась, как будто это все было глупо, она пыталась освободить свои губы и удержать его подальше от себя, чтобы посмотреть на него, потому что понимала, что происходит что-то неладное. Но он прижимал ее и держал так, что она едва могла вздохнуть. А потом она перестала сопротивляться, и он положил свою голову на кровать рядом с ней. Если бы она снова заговорила, он бы снова начал ее целовать. Хватит, Бога ради, хватит говорить! Почему все кроме него знают, что нужно делать? Фред, она, даже Финкельштейн... все, кроме него. Дело было не в опасности, – он всегда знал, что грязную работу будут делать только бандиты. Почему вдруг он стал таким правильным? Он всегда знал об этом. Каждое утро в подzemке, каждый вечер по пути домой. Почему вдруг это стало вызывать у него такой ужас? Что ему такое Финкельштейн? И вообще, по какому праву этот человек здесь? В чем же дело, почему он вел себя как будто этот человек...

Услышав, что она делает глотательное движение, как будто снова хочет начать говорить, он открыл глаза. И в этот момент она была такой, как в первый раз в стеклянной кабине, он буквально чувствовал запах своего кабинета и увидел ее там такой безвкусно одетой, такой... Немой крик зародился у него в груди. Нет, она не была безвкусно одетой, она была прекрасна. Он любил ее такой, ему всегда нравились такие женщины. Крик пробирался к его горлу и он знал, что женился бы на ней, кем бы она ни была. В конторе Арделла, тогда, во второй раз, он женился бы на ней независимо от того, еврейка она или нет. Вот в чем было дело. Он знал это, он знал, что именно поэтому она больше не должна говорить о собраниях и этом убийстве которое готовит себя само...

– Послушай, Лалли, это...

С коротким смешком, который прозвучал по-мальчишески, хотя и напряженно, он прижал свои губы к ее и в наступившей тишине понял, что это будет его жизнью.

Он проснулся, вздрогнув и напряженно подняв голову. Прислушался. Потом опустил голову на подушку, его глаза были широко открыты. Снаружи было темно, и через окно он увидел звезды. Он попытался вспомнить, снилось ли ему что-то, ему стало мучительно больно от пуганицы. Он знал, что что-то разбудило его. Но если это сделал сон, то он уже закончился. Делая паузы между вдохом и выдохом, он, прислушиваясь, повертел головой во всех направлениях. Тишина была абсолютной. И все же существовал какой-то звук, которому не было места в ночи. Он посмотрел на лицо спящей Гертруды. Возможно, она произнесла что-то во сне. Нет, это был какой-то другой звук. Мелькнула мысль, – он взглянул на распятие, которое Гертруда повесила на стене, подумав, что, возможно, оно упало и издало этот звук, но оно висело на месте в тени. Видение карусели... – *Алиция* ...! Нет, это было очень давно...

Неожиданно, вспоминая, он повернул голову к двери из спальни – в сторону улицы. И он сразу же понял, что этот звук донесся с улицы. Он неподвижно лежал, мучительно пытаясь вспомнить, на что это было похоже, его сознание сбрасывало пелену сна. Может они пришли к Финкельштейну... – *Али-и-ция! Полиция!* .. может быть сейчас позже, чем он думал, и Финкельштейн вышел, чтобы открыть магазин и на него набросились, и он сейчас лежит там, на улице или все еще сражается с ними на углу... Он дотянулся до часов. Десять минут пятого. Он успокоился, потому что знал, что Финкельштейн не может в это время быть на улице, а они, конечно, не забрались к нему в дом. Успокоился, потому что не знал, что бы предпринял, если бы увидел, что его там бьют... или, скорее потому что он знал, что ничего бы не делал, но что это долго раздражало бы его. Нет, он бы позвонил в полицию. Именно так. Просто позвонить в полицию и не нужно выходить из дома...

Просто позвонить в полицию...

Звук был отчетливый и тихий и он понял, что проснулся именно от него. Опустив ноги с кровати, он, нащупал тапочки, потом нашел очки и на цыпочках вышел из комнаты, по коридору и вниз по лестнице. Вот... снова. Осторожно, широко ступая, он на цыпочках миновал мать, которая похрапывала в гостиной, остановился возле окна и вгляделся через отверстия между пластинками жалюзи.

Они заканчивали. Двое мужчин... они двигались по-спортивному, как молодые парни. Один из них вытряхивал бумажный пакет на лужайку, другой ногами спокойно разбрасывал вокруг мусор. Посередине улицы с выключенными фарами стоял большой закрытый автомобиль с двумя дверями. Его мусорный бак лежал на боку прямо посреди тротуара.

Проклиная уличный фонарь, за то, что тот находится на другой стороне улицы, он вглядывался в их лица. Оба были в свитерах. Он хорошенько запомнил их свитера и, не дыша, пытался разглядеть их лица. Парень повыше выбросил на землю пустой пакет, вытер руки и вприпрыжку побежал к автомобилю. Другой, в последний раз пнул что-то на земле и последовал за первым. Проходя мимо дерева Ньюмена, он протянул руку, отломал кусок от нижней ветки и как камень швырнул ее в сторону дома.

Ньюмен обнаружил, что держится за дверную ручку. Что нужно было делать? Нельзя было предположить, что он справится с этими двумя, – возможно за рулем автомобиля их дожидался третий. И все же они плевали ему в лицо. Они плевали на него. Как же тогда быть с чувством собственного достоинства, Господи, как же быть с чувством собственного достоинства!

На улице, заскрежетав стартером, завелся двигатель. Он нажал на ручку, и вышел на веранду выдержав время так, чтобы его появление совпало с быстрым отъездом автомобиля.

Он стоял, наблюдая, как автомобиль с ревом промчался по улице, потом увидел, как загорелся задний габаритный фонарь, когда он поворачивал за угол и исчез, оставив после себя глухой шум ночной тишины. Он стоял на веранде в пижаме, белый и чистый, и смотрел вниз на разбросанные по траве поблескивающие мокрые остатки пищи. Спускаясь по ступенькам, он подкатал рукава, наклонился к горке обглоданных косточек, прикоснулся к ним и отдернул руку, потому что кости были холодными и вызывали у него отвращение.

Он выпрямился. На мгновение он представил, как стоит в пижаме на улице посреди мусора. Это походило на продолжение сна, и он оцепенел, как человек, который видит себя во сне. Его внимание привлекла отломанная веточка с тремя листиками, и он подошел к ней, взял с лужайки, вышел к бордюру и бросил ее там. Потом, не наклоняясь, он посмотрел по улице направо и налево и замер, не отводя глаз от чего-то белого возле угла. Там, под уличным фонарем, стоял и смотрел на него Финкельштейн. В его руке мистер Ньюмен рассмотрел крышку от мусорного бака. Обжигающее смущение погнало его к дому, и все же он не мог заставить себя пошевелиться. Как будто его уход подтвердил бы выказанную им трусость. Мистер Финкельштейн положил крышку и пошел по направлению к нему точно по середине улицы. Ньюмен стоял неподвижно. Я не боюсь его, сказал он себе. На минуту было так, будто мусор разбросал этот еврей, потому что сейчас приближался именно еврей и Ньюмену нужно было справиться лишь с ним. Он стоял неподвижно, наблюдая, как тот направляется к нему

вдоль середины выпуклой мостовой, слыша, как шуршат его шлепанцы, видя, как вырисовывается под пижамой его живот и чувствовал, как будто мир замер и оставил его в пижаме ночью на открытом воздухе наедине с этим евреем.

Он повернулся к своему дому, быстро поднялся на веранду, не задумываясь, поспешил на веранду и вошел в дом. Шагая по ступенькам в спальню, он видел презрение на лице Финкельштейна, и изгнал его из сознания.

Он скользнул между простынями. Гертруда пошевелилась, и он понял, что все это время она не спала.

– Что случилось? – прошептала она.

– Они снова его перевернули.

– Ты вышел и поговорил с ними?

Он понял, что она бы вышла и поговорила с ними. И он принял решение найти с ними общий язык, так чтобы он смог выйти и сказать – Ну что ж, ребята,.. и сделать это так, будто он очень жестокий и совсем такой как они.

– Они уехали раньше, чем я вышел, – сказал он.

– Тебе лучше сходить завтра на это собрание, – окончательно решила она. – Пойдешь?

– Да... конечно, – сказал он, повернулся на бок и закрыл глаза как будто никогда в этом не сомневался.

Глава 15

В более спокойные времена, иногда возникало желание порыбачить. Когда он уставал от жены, двоих детей и пожилого тестя, он говорил жене собрать обед, оставлял ее в магазине и подземкой ехал в бухту Шипсхед. Там он обходил стороной большие рыболовные суда, которые брали на борт десятки людей, и брал напрокат гребную шлюпку. Океан велик и ему достаточно было выйти лишь на полмили из бухты, закинуть удочку и наслаждаться «уединением, этой чашей Грааля городского жителя».

Однако в последнее время ему не хотелось проводить весь день вдали от семьи. Хотя они не смогли бы связаться с ним, когда он уезжал в город, он все же находился на суше, – на той же суше, где они жили, – и это давало ему ощущение что так они находятся в большей безопасности. И вот этим утром, в среду, он оставил жену в магазине и поехал на подземке в Бушвик, где находилась большая фабрика по производству игрушек. Там он сделал несколько покупок, которые уложил в длинную картонную коробку и забрал с собой.

На поездку и покупки ушла большая часть утра, и он уже был готов спускаться в подземку и ехать домой, когда он кое-что вспомнил. Сегодня была годовщина похорон его отца.

Мистер Финкельштейн не был набожным человеком. Более того, он похоронил своего отца около семнадцати лет назад и был не особенно привязан к его памяти. Несмотря на заповеди, которые предписывали сыну посещать могилу родителей, по крайней мере, раз в год, мистер Финкельштейн не был на могиле три, а может быть и четыре года – он не помнил точно. Это невнимание объяснялось, прежде всего, недостатком почтения к покойному, что было редким среди евреев, и его глубокой поглощенностью событиями окружающего мира и ежедневными заботами. Покойнику он желал всего хорошего, но не видел смысла в том, чтобы стоять на кладбище перед надгробной плитой и делать вид, что переживаешь. Он презирал любое лицемерие и это оплакивание людей, которые умерли годы назад, он воспринимал, как пародию и отказывался принимать в этом участие.

Так что для него было необычным, чтобы воспоминание о том, что в этот день был похоронен его отец и раздумье, не следует ли ему, наконец, навестить старика, остановили его перед турникетом в подземке. Но раздумье, это неверное слово для описания его душевного состояния в тот момент. Он понимал только то, что его что-то влекло на кладбище. Его душу неожиданно охватила настоящая торжественность, и он подчинился этому ощущению и вернулся на улицу, прошел семь кварталов до троллейбуса и отправился на густонаселенное

кладбище на северной окраине Бруклина.

Евреи-покойники лежали в земле совсем так, как они жили на земле – столпившись, так что надгробные плиты касались друг друга. Мистер Финкельштейн зашел на кладбище и пошел по извилистой цементной дороге, которая большими петлями соединяла все участки. Для человека со склонностью к созерцанию, каким был мистер Финкельштейн, этот окольный путь к могиле представлял любопытные возможности. По пути он заметил, что большинство дорогих склепов было расположено в прямой видимости от ворот кладбища, придавая месту степенность и создавая атмосферу высшего класса. Но, раскинувшиеся за ними гектары надгробий, рассказывали уму мистера Финкельштейна истинную историю. Здесь лежали люди, много людей. И на каждую широкую и хорошо ухоженную надгробную плиту приходились сотни, тысячи покосившихся в подветренную сторону дешевых табличек, могилы под которыми осели или сравнялись с землей как переставшие дышать грудные клетки. Справа от него продвигалась небольшая похоронная процессия, и он немного послушал едва слышные причитания. Еще один ушел к Моисею задумчиво пробормотал он и пошел дальше по петляющей дороге.

Найти могилу отца было нелегко, но его безошибочно вела туда цепкая память. Он свернул с главной дороги на усыпанную гравием дорожку, потом сошел с нее, осторожно пошел среди могил участка и пробрался к месту упокоения, которое он разыскивал.

Он оцепенел, разглядывая надпись на плите. Несмотря на его безразличие к смерти, так бывало всегда. Но сегодня это было хуже, почему-то хуже, чем всегда. Он смотрел на грубую каменную плиту, на комковатую траву на могиле и в нем начали формироваться слова. Это встревожило его, потому что он не любил поддаваться подобному воздействию. Вопреки себе он поставил коробку с игрушками одним краем на землю, прислонил ее к ноге и положил руки на бедра.

Что я здесь делаю? размышлял он. Там внизу наверно и костей-то не осталось. Может какая-нибудь одна кость. Что я могу сказать кости? Что я здесь делаю?

Однако он все же не мог уйти, как будто знал, что пришел по определенным соображениям, и ничего еще не произошло.

И тогда он понял. Стоя здесь перед старым камнем он смог вспомнить то, что должен был вспомнить, то, что ему сейчас было нужно. Старую историю. Он пришел, чтобы вспомнить ту историю, которую его отец время от времени рассказывал от начала до конца без изменений. Мистер Финкельштейн всегда верил этой истории, так же как он не верил другим, которые тот рассказывал, потому что эту, отец всегда рассказывал одинаково. И он стоял, уставившись на камень и вспоминая ее.

В стране отцов, откуда приехали их предки, в той части Польши, которая тогда принадлежала Австрии, жил-был великий магнат, владения которого не знали пределов. Ни один человек из близлежащей деревни не смог когда-либо полностью их обойти и никто толком не знал, где находятся их границы. Но одна часть поместья была окружена высоким железным забором, который строили очень много лет. За этим забором росли высокие деревья и густые кусты, и никто в деревне не мог сказать, что находится за ними. Но считалось, что где-то там находится дом магната. Где же строить такой великолепный забор, если не вокруг великолепного дома.

Однако за этим забором всегда стояла тишина; не было слышно, чтобы за ним говорили люди, и ни шум телег, ни звон кос никогда не доносились оттуда. А потом, однажды, из-за забора донеслись громкие крики и вопли. Деревенские побежали к забору и некоторые из них подсадили друг друга на него, а некоторые забрались на деревья и заглянули внутрь. Они увидели крестьян, которые бежали к увязшей в грязи телеге и они увидели мужчин с пиками и кнутами, которые сражались с ними. Они увидели что-то вроде битвы, и битва закончилась лишь тогда, когда вооруженные мужчины оказались на земле. Потом крестьяне отобрали у них пики и всех убили.

Вся история стала известной позже. Произошло следующее. Внутри этого забора магнат держал несколько сотен крепостных. Освобождение крепостных было провозглашено

поколения назад, но во многих имениях об этом не знали. Крепостных никогда не выпускали из имения, и они жили и умирали там, ничего не зная о происходящем в мире. И вот, однажды когда они тащили эту телегу, ее колеса увязли в грязи, и они не могли ее вытащить. Надсмотрщик приказал им тянуть сильнее и, в конце концов, поднял на них плеть. В то время как они тянули за ремни, он хлестнул плетью по спинам некоторых из них. В этом не было ничего необычного, но на этот раз он переусердствовал, потому что крестьяне бросили ремни, повернулись и посмотрели на надсмотрщика. Потом они окружили его, и поскольку он продолжал бить их плетью, они схватили его за горло и на месте свернули ему шею. Они отпустили его, когда он перестал размахивать плетью и когда они отошли от него, он упал на землю и они увидели что он мертв.

Так он и лежал, мертвый, все еще с плетью в руке. Они не знали, что делать, поэтому стояли и ждали. Потому что теперь их гнев выветрился, и они ждали, чтобы кто-нибудь пришел и занял место надсмотрщика, и они смогли бы вернуться к своим обычным занятиям. После нескольких часов ожидания они увидели другого начальника и позвали его, чтобы сказать, что им нужен новый надсмотрщик, потому что этот упал и сломал себе шею. Начальник посмотрел на мертвеца, увидел и вернулся в усадьбу. После этого на крестьян, с очевидным намерением их убить, набросилась банда надсмотрщиков.

Но они не хотели, чтобы их убили, и они позвали на помощь и послали гонцов, и пока они сражались с напавшими, те прибежали к другим крестьянам, которые работали на других полях и очень скоро против надсмотрщиков сражалось около двухсот крестьян. И, в конце концов, они убили их всех. Потом они пошли и пришли в дом магната. В это время он был в отъезде, и они знали об этом. Так что они вошли в дом и все разгромили. Они сломали мебель и порвали струны рояля, – они никогда не видели такого раньше – они вспороли обивку диванов и вырвали висящие на стенах картины из рам. Они пришли на кухню и засыпали солью все, что там было съестного, и они избежали наверх по большой каменной лестнице и разграбили спальни. И тогда они нашли сейф.

В спальне своего господина они нашли этот сейф и поскольку он был заперт на большой замок, они сорвали этот замок и открыли сейф. А внутри они обнаружили много великолепных портретов короля. Они знали, что это король, потому что в их лачугах магнат приказал повесить рядом с распятием портрет короля. Но их портреты не были так прекрасны, как эти, в сейфе. Эти были окружены причудливыми золотыми завитушками и вдоль краев были написаны слова. Они любили своего короля, так что набрали портретов из сейфа охапками и разделили между собой. Было очень странно, что все картины были абсолютно одинаковыми, и они не могли не обратить на это внимание. После этого они ушли из дома, вернулись на поля и продолжили свою работу, у каждого в кармане было аккуратно сложено, по крайней мере, десять или двенадцать портретов. Они собирались заменить старые портреты короля этими, новыми. У некоторых из них их было достаточно, чтобы покрыть все стены лачуги, и они никак не могли дождаться, когда сядет солнце, и они смогут пойти домой, и сделать это.

Но этим вечером вернулся магнат. Когда он увидел, что произошло в его доме, и что все надсмотрщики убиты, он отправил конного гонца в город, который находился в нескольких милях к востоку и где в казармах жили королевские солдаты. Потом он прогулялся среди домов своих крестьян и увидел на стенах эти портреты. Тем не менее, он ничего не сказал и вернулся в свой дом.

Но он не оставался там долго. Он сел на коня и поехал из своего имения в маленькую деревеньку неподалеку. В этой деревне жило много еврейских семей и там жил мелкий торговец Ицик, который приехал домой после поездки по округе с кастрюлями и сковородками, которые он продавал деревенскому люду. Магнат вызвал этого Ицика из дома и сказал: – Я изменил свои правила. Сегодня вечером ворота в имение будут для тебя открыты. Приходи туда со своим товаром и если кто-нибудь из моих крепостных захочет что-нибудь купить, продай им все, за что они смогут тебе заплатить. Я больше не хочу их обеспечивать.

Ицик обдумал его слова и внимательно посмотрел магнату в лицо. Покосившись на садящееся солнце, Ицик сказал: – Ваше превосходительство, я был бы очень счастлив это

сделать и для меня это большая честь, но, знаете, за кастрюли и сковороды я должен платить деньгами, а у ваших крепостных совсем нет денег.

– Иди, и они заплатят тебе.

– Но, ваше превосходительство, мой дом уже полон сметаны и шкур, которые мне пришлось взять в обмен на мои товары. Даже у живущих вне имения людей очень мало денег. Ваше превосходительство, мне некуда девать эти вещи. Я не могу покупать кастрюли за сметану, мне нужно иметь деньги, чтобы купить их.

Магнат посмотрел на него и сказал: – Иди в мое имение и делай свое дело. Иди сейчас же.

Ицик понял, что это приказ, низко поклонился и магнат уехал. Он впряг свою лошадь в телегу и поехал за магнатом, а когда доехал до ворот имения обнаружил, что они открыты и въехал. Он миновал несколько рожиц, потом подъехал к лачугам крестьян. К ним, в ограду, впервые приехал незнакомец, и они все вышли посмотреть на него. Ицик печально слез со своего сиденья, и они окружили его и его блестящие кастрюли и сковородки. Он сказал им по-польски, что они могут купить все что угодно из того, что есть на телеге. Затем он замолчал. Это была самая худшая рекламная речь, что он когда-либо произносил. Еще, он надеялся, что они не поймут как это, купить, потому что он знал, что никогда в жизни они ничего не покупали. Но какой-то инстинкт дал им понять, что он пробует менять свои кастрюли и сковородки, и некоторые из них робко указали на разные предметы на телеге и спросили Ицика как они могут их получить.

– Ну что ж, – сказал он, – покажите мне, что в ваших лачугах есть ценного, и я скажу, как вы сможете получить эти кастрюли и сковородки.

Некоторые из них сходили в свои лачуги и вынесли то, что, по их мнению, могло иметь ценность. Одна женщина принесла ему туфель, который, по ее словам, носил священник, но Ицик отрицательно покачал головой. Другая, показала ему маленький мешочек со сломанными пуговицами, и он покачал головой. Потом пришел мужчина и сказал:

– У меня есть портрет короля. У меня их двадцать.

– Какой величины этот портрет? – спросил Ицик.

– Вот он, у меня в кармане есть несколько, – сказал мужчина. С этими словами, он вынул из кармана горсть тщательно сложенных портретов.

Ицик посмотрел на портреты и хорошо заметил напечатанные в их углах цифры. Там было напечатано «1000 крон». Он затаил дыхание.

– У кого-нибудь из вас есть еще такие портреты? – спросил Ицик.

В ответ он услышал одобрительный гул. Прежде чем он что-либо понял, его привели в одну лачугу, и там он увидел, что ее стены обклеены сотнями купюр по 1000 крон. Он пошел в соседнюю лачугу, потом в следующую и, в конце концов, остановился посередине изрытой глубокими колеями дороги и понял, что он попал на золотую жилу.

Что ему оставалось делать? Теперь он понял, почему магнат приказал ему продавать крестьянам... они действительно имели деньги. Он был одним из тех, кто забрался на забор и видел, как крестьяне убивали своих надсмотрщиков. Он сопоставил известные ему факты и понял, что эти огромные деньги были украдены из дома магната. Он еще подумал и пришел к выводу, что магнат хотел лишь, чтобы он, еврей Ицик, выманил у этих невежественных людей их добычу и после этого в его собственном доме найдут пачки денег. Одним словом, он увидел, как организовывается погром.

Первое желание было бежать. Оставить свою телегу, кастрюли и все остальное, мчаться к забору и бежать прочь. Но у него была семья, и он не мог позволить себе покинуть ее в такое время. И была еще одна причина, почему он сразу не убежал. Этот Ицик, он не был глупцом. Он знал, что происходит в Европе, потому что в своих странствиях на телеге он бывал в разных частях страны, что в те дни было недоступно большинству людей. И в своих странствиях он часто был унижен и оскорблен за то, что был евреем, и он дождал до того времени, когда устал от всего этого. И ему казалось, что эта теперешняя передряга будет последним унижением в жизни, состоящей из унижений.

Итак, сильно огорчившись, как бывает, когда человек должен показать неповиновение, он прошел много лачуг и брал портреты короля везде, где их находил, а взамен давал крестьянам свои товары до тех пор, пока его телега не опустела, а в кошельке лежало больше миллиона крон. Затем он забрался на телегу, уселся и поехал из имения. По пути он никого не встретил и приехал домой целым и невредимым.

Наступила ночь. Он поужинал, прочитал особенные длинные молитвы и улегся спать. Вокруг него спали его дети, а рядом с ним спала его жена. Он ждал стука копыт и запаха огня.

И когда уже было очень темно, он услышал, как приближается шум копыт. Он выбежал из дома и предупредил соседей, которые заперли двери и закрыли ставни на окнах. Затем он вернулся в свой дом и сделал то же самое. Через несколько минут в местечко ворвалась конница, которая начала крушить дома евреев. Сначала один дом, затем другой, раздался крик женщин, и двое из них были изнасилованы на ступеньках веранды.

Потом они пришли к дому Ицика и выбили дверь. Крыша его дома загорелась. Он попытался закрыть семью своим телом, но солдаты вырвали у него детей и закололи их, как поросят и трижды изнасиловали его жену, а его сильно ударили штыком по голове и решили что он мертв.

Когда пришло утро, Ицик очнулся от сильной боли. Он посмотрел вокруг на свою мертвую семью и поднялся на ноги. К его удивлению посередине комнаты лежал его кошелек. Он открыл его. Сотни аккуратно сложенных купюр лежали нетронутыми.

Как Иов, он сел на пол, глядя, как снаружи восходит солнце. Позже, после полудня, приехал магнат с двумя солдатами, зашел в его дом, наклонился и поднял кошелек. Даже не взглянув на Ицика, он вышел, сел на лошадь и уехал прочь.

С того дня торговец Ицик стал душевнобольным. Людям пришлось похоронить его семью, и много лет после этого он никому и слова не сказал. А однажды он вышел из деревни в том направлении, куда много лет назад уезжал в свои странствия. И до сих пор в тех краях рассказывают, что он прошел весь путь, который составлял сотни миль и когда он прошел весь путь, он вернулся в деревню и через несколько дней умер.

Мистер Финкельштейн стоял, глядя не на надгробную плиту перед собой, а на лицо своего отца, которое колыхалось перед его глазами. И внутри себя, он сформулировал тот старый вопрос, который всегда задавал отцу после того, как история заканчивалась.

– Ну и что? Что все это означает?

– Что это означает? Это ничего не означает. Что мог сделать этот Ицик? Только то, что он должен был делать. И то, что он должен был делать, должно было закончиться так, как он знал это закончится, и не было ничего иного, что он мог бы сделать и здесь не был возможен никакой другой конец. Вот что это означает.

Мистер Финкельштейн отвернулся от могилы и начал выбираться на гравиевую дорожку, когда к нему направился старик с курчавой седой бородой. Он узнал в нем одного из тех, кто зарабатывает на жизнь, читая на могилах молитвы за посетителей. Он не любил таких типов так же, как не любил ничего формального и неискренного. Одетый во все черное старик приблизился к мистеру Финкельштейну, когда тот ступил на гравий дорожки. Он поинтересовался, почему бы ему не прочесть молитву для того, кого мистер Финкельштейн навестил сегодня, кем бы он ему ни приходился.

– Нет, спасибо, у меня все в порядке, – сказал мистер Финкельштейн.

Очевидно, старик давно наблюдал за мистером Финкельштейном, потому что показал на надгробье его отца и сказал: – Вы там ничего не оставили.

Мистер Финкельштейн посмотрел на надгробье и вспомнил, что он должен был положить на него маленький камешек, чтобы отметить, что он задержался там и засвидетельствовал свое почтение. Там и сям на других надгробьях лежали камни всех размеров, как визитные карточки, которые не боятся дождя. Он повернулся к старику и сказал на идиш: – Если он видел меня, то знает, что я здесь был. Если он не видел меня, значит, он не увидит и камня. Пусть будет так.

Он начал поворачиваться, чтобы уходить, когда старик сказал: – Вы видели

разрушенную могилу?

Мистер Финкельштейн повернулся и посмотрел в его маленькие глаза. Теперь, покончив с делами, можно было потратить немного времени на старика. Показывая за спину мистера Финкельштейна, тот сказал: – Они пришли сюда и разрушили ее, эти *momseirem Momseirem*².

Обернувшись, мистер Финкельштейн увидел лежащую лицевой стороной вниз надгробную плиту. Он подошел к ней вместе со стариком и посмотрел вниз. На повернутой теперь к небу гладкой задней стороне плиты желтой краской была нарисована свастика.

Внутри него что-то перевернулось. Потому что, падая, плита провалила дыру в мягкой земле могилы. В глазах начали собираться слезы, и он отвернулся и посмотрел на старика.

– Их поймали?

– Это сделали ночью. Никто не знал об этом до утра.

– Этот знак не должен здесь так оставаться.

– Ищут чем его смыть. Что же будет, мистер? *Noch Noch*³, в Америке.

Мистер Финкельштейн посмотрел в водянистые голубые глаза старика. Эта мистификация, которую он здесь увидел, печаль и смерть надежды из-за того, что это произошло «*noch*, в Америке» – лицо и внезапно поникшая фигура старика чем-то напомнили ему отца. Он пожал плечами, и, подхватив коробку с игрушками, пошел по извилистой дороге к воротам.

Сидя в троллейбусе на пути домой, он был спокоен спокойствием человека, жизнь которого движется к какому-то пределу, к нежеланной кульминации, к моменту, в приходе которого никогда нет необходимости, и который, тем не менее, несмотря на все планы и иллюзорные надежды, приближается все ближе и скоро настанет. Он был погружен в эти особенные философские раздумья, которыми кладбище одаривает своих посетителей на память. И он снова понял, как много раз в жизни до этого, как ужасно не прав был его отец и так много других, лежащих рядом с ним отцов. Тот Ицик, тот торговец – в его истории был смысл. И он состоял не в том, что евреи осуждены на кровавую смерть. (Мистер Финкельштейн сам не намеревался умирать подобным образом, и не собирался позволить умереть подобным образом ни своим детям, ни своей рослой жене.) Смысл истории, который он обнаружил, когда ехал в троллейбусе через Бушвик, состоял в том, что этот Ицик не должен был соглашаться на не свойственную ему роль, – роль которую создал для него магнат. Когда он понял, что магнат задумал отвести крестьянский гнев от себя, он должен был позволить своему возмущению увести его оттуда и, забравшись в телегу, поехать прямо домой. А потом, после начала погрома, который произошел бы независимо от его поступка, он смог бы найти силы, чтобы сражаться. Это погром был неизбежен, но не его последствия. Такие последствия лишь казались неизбежными, потому что когда топот лошадиных копыт врывается в деревню, в его доме были те деньги. Те деньги в доме лишили его сил, это была повязка, которой ему завязали глаза, а он не имел права позволить этого. Без этой повязки он был бы готов к бою, – с ней он был готов лишь к смерти.

Для трясущегося на троллейбусе домой мистера Финкельштейна мораль была очевиднее, чем когда-либо. Я абсолютно невиновен, сказал он себе. Мне нечего скрывать и нечего стыдиться. Пусть те, у кого есть что-нибудь, чего они стыдятся, прячутся и ждут, когда происходящее коснется их, пусть они играют ту роль, которую им определили и пусть ждут, будто они на самом деле в чем-то виновны. Мне нечего стыдиться и я не буду прятаться, как будто в моем доме есть краденое. Я гражданин этой страны. Я честный человек, думал он, выходя из троллейбуса и направляясь в подземку, которая доставит его домой, я не Ицик. Черт задери, сказал он сам себе, проходя через турникет, им не удастся сделать из меня Ицика.

² *идши*. ублюдки

³ *идши*. зд. теперь, снова

Стук по полу платформы вернул его к окружающей действительности. Когда он проходил через турникет, его картонная коробка разорвалась. Около его ног лежали две бейсбольные биты. Третья уже начала выскальзывать через дыру в коробке. Он поставил коробку на пол, подобрал обе биты и через дыру засунул их назад. Потом он пошел к передней части платформы и остановился там в ожидании поезда. На следующий раз он проследит, чтобы бейсбольные биты упаковали в коробку покрепче. Сегодня он купил их впервые, только в последние несколько дней решив, что в магазине биты не помешают.

Глава 16

Почти сорок дней в городе не было дождя. Дождь, это незаметное успокоительное средство – люди не выходят из дома и журналы регистрации приводов в полицейских участках заполняются медленнее. Но когда, как этим летом, на небе ни облачка один знойный день за другим, и люди просыпаются, задыхаясь во сне влажным воздухом, население перебирается на городские улицы и веранды, и авторитет семьи на это время падает. Кафе-мороженое и бары переполнены; пляжи раздавлены таким количеством людей, на которое они не рассчитаны – город пустеет, перебираясь в свои распухающие водные артерии. Этим летом в городе не было дождя и какой-либо значительной прохлады около сорока дней, и люди раздраженно терлись друг о друга в поисках сквозняка или легкого дуновения ветерка. Некоторые брали с собой будильник и проводили ночь в Центральном парке, другие, бросая вызов комарам, растягивались на пляже острова Кони Айленд. И многих из них там ограбили, а других обокрали на плоских крышах многоквартирных домов, где они закрыли глаза, чтобы отдохнуть. Люди устраивались на пожарных лестницах, которые складывались в предрассветные часы. Другие, которые поздно приходили домой, обнаруживали, что их квартиры ограблены, потому что окна не закрывались, чтобы помещение проветривалось. Происшествия случались самые разные, одни трагические, а другие только дорогостоящие. Там и сям, прямо на кухне взрывался переутомившийся холодильник. Двое парней, желая освежиться ветерком, высунули головы из окна вагона скоростного поезда и были обезглавлены столбом. Несколько беременных женщин преждевременно родили в полных угарного газа автобусах. Какой-то человек на Шестой авеню был так раздражен жарой, что дважды выстрелил из пистолета в толпу ожидавших на переходе зеленый свет светофора пешеходов. Позже он сказал, что не мог перенести зрелище такого большого скопления людей. Какая-то женщина, лет около семидесяти, была задержана, при попытке перелезть через окружающий водохранилище Центрального парка забор. В полицейском участке ей позволили принять душ и отпустили домой с мокрым носовым платком. В Бронксе по улицам бегало много больных бешенством собак. Сотни людей заболели полиомиелитом и ходили слухи, что вода вокруг острова Кони Айленд заражена. Но люди продолжали приезжать на Кони Айленд и многие из них взбалтывали воду вокруг себя, чтобы она выглядела пенистой и свежей и защищала от полиомиелита – это заметили спасатели. В столовых запах скисающего молока превратил все, что ели посетители в кислятину. Люди не получали удовольствия от еды и не могли спать. В Бруклине наблюдалось исключительное нашествие кусающих мух, а из-за войны сетку от насекомых купить было трудно. Два огромных луна-парка сгорели дотла, и загорелось несколько пирсов. После этого люди боялись ходить в парки с аттракционами и боялись идти на Кони Айленд, но им приходилось там бывать, и они шли и никогда не были спокойны. Даже подземка стала работать странно. В течение только одной недели были обнаружены три состава, которые неслись по совершенно неправильным маршрутам. Почти сорок дней в городе не было дождя.

А в Квинзе было все то же, как и везде в городе, кроме того, что здесь было больше комаров. В Квинзе очень мало деревьев, а земля плоская как доска, а на плоском, жара всегда кажется еще более невыносимой, особенно в районах, которые построены на засыпанных болотах. На незастроенных же участках, земля превратилась в мельчайшую золу, для которой достаточно было движения солнечных лучей, чтобы подняться в воздух пыльной мглой.

Именно через один из таких незастроенных участков мистер Ньюмен шел этим летним вечером в четверть восьмого, после того, как в городе так долго не было дождя. Он шел, его туфли с хрустом погружались в черную золу и каждый раз, когда он ставил ногу, маленькие облачка сухого дыма вздымались под его штанины. Он пересекал этот участок, чтобы срезать угол и меньше идти, но теперь, сожалея, что пошел сюда. Он был очень чистоплотным человеком и чувствовал сажу на своих липких икрах. Чистая рубашка, которую он только что надел дома, уже прилипла к спине. Несмотря на жару, он был по-прежнему одет в пиджак и галстук, – в конце концов, собрание требует соблюдения определенных формальностей, думал он и возможно сегодня вечером он будет знакомиться с каким-нибудь важным для него человеком. Он верил в силу первого впечатления.

Когда он снова выбрался на тротуар, твердый цемент взбудрил его, и он вспомнил приятную новость, которую сегодня узнал. Фирма планировала оставить его после окончания войны. Он обдумывал, как это будет, зарабатывать во время предстоящей депрессии шестьдесят два доллара в неделю и с удовольствием вспоминал, как много всего можно будет купить на шестьдесят два доллара, когда цены снова опустятся до нормального уровня. В целом, он предвкушал приближение довольно приятного периода в своей жизни.

Повернув за угол, он увидел толпу людей, заходящих в здание в конце квартала. Он замедлил шаг. Он подождет, а потом зайдет и найдет отдельное место. Подходя к залу, он увидел на противоположной стороне улицы припаркованный полицейский автомобиль. Шесть или восемь полицейских празднично стояли возле автомобиля. На удивление много молодых ребят охраняли движущуюся толпу по краям. В стороне от толпы, молча наблюдая, стояло несколько матросов. Потом они повернулись и, разговаривая друг с другом, ушли. Мистер Ньюмен подошел к входу и стал сбоку, наблюдая за входящими людьми и, пытаясь увидеть Фреда.

Солнце уже зашло, но на горизонте все еще немного светило оранжевым, и он вполне отчетливо видел лица идущих, по мере того, как они проходили между многочисленными колоннами фасада. Большинство из них, похоже, были среднего возраста. У мистера Ньюмена начало складываться впечатление, что, по крайней мере, один из троих был пожилым. Но совсем немного солдат. Буквально несколько. Один ковылял на костылях, какой-то старик с матросом прокладывали ему дорогу. Чья-то рука коснулась руки Ньюмена, он повернулся и увидел лицо торгующего газетами горбуна в широкополой шляпе. Горбун поднес к его глазам одну из них. Газета называлась «Гэльский американец». Он покачал головой, никогда не читал эту газету. Человек в шляпе ушел, выписывая небольшие круги, по мере того как он охватывал толпу.

Толпа на улице уже редела. Мистер Ньюмен вошел в остатки потока, поджидая появления Фреда, и пробрался через двери старого каменного здания, в котором когда-то располагался банк. Он знал внутреннее расположение, потому что был здесь на собрании до войны. Тогда он не задержался здесь надолго, потому что люди вокруг него были чересчур оборваны и раздражены. Но в этот вечер, когда он нашел место и сел, он удивился. Публика в освещенном зале, как показалось, принадлежала в основном к среднему классу. Некоторые пришли целыми семьями. Два священника сидели вместе... справа еще пара. Публика, выражение лиц производили какое-то странное впечатление. Ни в каком другом скоплении людей мистер Ньюмен не наблюдал такой напряженной сосредоточенности на происходящем перед ними. Как только кто-то выходил на невысокую сцену, шеи всех присутствующих вытягивались, и вокруг него раздавался неразборчивый шепот. Он рассматривал сцену, пытаясь найти Фреда.

Высоко над сценой висела пятиметровая фотография картины изображающей Джорджа Вашингтона. Мистер Ньюмен всмотрелся в лицо президента и почувствовал, что его охватывает траурное настроение. Щеки на портрете были такими ярко-розовыми, что пристально смотрящее поверх публики лицо, выглядело забальзамированным. Портрет был задрапирован не менее чем пятьюдесятью американскими флагами разных размеров, которые ниспадали складками к ряду высоких, полных живых цветов ваз в форме урн. Сидящая на

раскладном стуле посреди урн женщина заставила его улыбнуться. Женщина была дородной, с полной грудью, у нее был очень ровный нос, а грудь пересекала широкая красная сатиновая лента, на которой золотыми буквами было написано слово «МАТЕРЬ». Вместе с ней на сцене было еще человек пять, которые сидели в полуметре от нее и не разговаривали друг с другом так упорно, как будто поклялись хранить молчание. Возможно официальные лица или что-то в этом роде. Его озадачило то, что с ними не было ни Фреда, ни мистера Карлсона. Он провел взглядом по рядам вокруг себя. Знакомых не было. Он почувствовал себя разочарованным и одуроченным...

Исходящая от людей ужасная жара начала обволакивать его как вата. Багровое лицо сидящего слева от него человека было покрыто глубокими, как складки морщинами и пот ручьями стекал по ним вниз к подбородку. Справа от него спокойно сидел очень высокий блондин, который смотрел вперед и время от времени сворачивал и разворачивал лежащий у него на коленях пиджак. Люди приподнимались и, отлепив от ягодиц прилипшую одежду, снова садились. Со всех сторон доносились вздохи, как будто люди предпринимали одну попытку за другой, чтобы начать дышать нормально. Внезапно одним мощным движением вверх зал поднялся... *Отец!*

Мистер Ньюмен повернулся в кресле вместе со своими соседями и увидел священника. Он был сложен как атлет и широкими шагами шел по проходу между рядами по направлению к сцене. По бокам шло двое похожих на братьев мужчин без пиджаков. На их лицах было одинаковое выражение хмурой настороженности. За ними маршировало полдюжину других мужчин, стремительно, как будто они доставляли в собрание что-то вроде депеши. Толпа наклонялась, волновалась, каждый говорил своему соседу то же, что сосед пытался сказать ему, – что это был священник из Бостона, что это был важный священник из Бостона. «*Отец!*» Он продолжал улыбаться и приветствовать людей по всему залу. У него была очень толстая шея, которую было трудно поворачивать. Дойдя до ведущих на сцену ступенек, он поднялся наверх, перепрыгивая по две ступеньки зараз, и начал энергично пожимать руки сидящим там позади очень маленькой кафедры людям. Те двое, что вошли вместе с ним стали, как это, по-видимому, было предусмотрено заранее, по самым краям сцены и, хотя, для них были приготовлены стулья, они предпочли остаться на своем месте, стоя лицом к присутствующим. Мистер Ньюмен на минуту забыл о священнике и разглядел этих мужчин. Он не мог пройти мимо того, что они внимательно рассматривали публику и хмурились. Кого они выискивали? Он не мог подавить свое возрастающее беспокойство. У него была работа и сейчас и в будущем, что же он здесь делает? Но, посмотрев в энергичные возбужденные глаза вокруг себя, он вспомнил тех крепких парней, которые разбрасывали мусор по лужайке перед его домом и, в конце концов, решил, что поступил мудро придя сюда. Но эта жара...

Тишина. Аудитория затаила дыхание и на зал опустилась тишина. Священник неожиданно отошел от человека, с которым только что разговаривал и шагнул к кафедре. Он больше не улыбался. До блеска выбритая широкая челюсть была прочно посажена на его крупной голове. Перед ним не было никаких записей, он просто положил руки на кафедру и медленно, даже слишком медленно провел глазами по лицам перед ним. Шло время, а тишина не нарушалась. Как будто должна была сформироваться определенная обстановка. Что-то уже произошло, и этот человек в черном вышел вперед, чтобы разрушить это положение дел. Толпа мысленно потянулась к нему, как к дорожному происшествию. Мистер Ньюмен позабыл все свои размышления. Его рот немного приоткрылся. Он забыл мигать. Он едва дышал.

– Мне не нужно представляться, – внезапно сказал священник. Было так, будто он продолжал речь, а не начинал новую, его потрясающий голос ошеломлял. Казалось, он уже был разгневан и мистер Ньюмен удивился почему.

После этого заявления, священник, как показалось, заглянул в глаза лично каждому слушателю. Он провел взглядом по самым отдаленным окраинам зала и как будто привлек всех ближе к себе. Затем он сдержанно, доверительно улыбнулся и поковырял деревянную кафедру.

– Нет, мне не нужно представляться, – довольно тихо сказал он.

Заинтригованная толпа с некоторым обожанием прыснула со смеху. Мистер Ньюмен тоже посмеялся, правда, немного. Это была странная речь. Он совсем не понимал, что заставило его засмеяться, но был полон решимости разобраться в этом, и продолжал слушать вместе с толпой.

Священник неожиданно громко, на сильном выдохе, ответил залу. – Мне не нужно представляться, потому что вы знаете меня. Я ношу эту одежду и по ней вы узнаете меня!

Зазвучали аплодисменты. Священник поднял руку.

– Люди добрые, я был обязан прийти сюда сегодня вечером в такую чудовищную жару, чтобы принести вам весть из одного города. Города, которым восхищаются мои глаза, но который поносится и распинается теми, кто взращивает ненависть и питается этой ненавистью. Города, который тверд в своих убеждениях о своей независимости, так же как он был тверд в своих убеждениях в другие времена, когда Америка отвергала чай худшей,⁴ – я бы сказал самой отвратительной тирании всех времен, тирании, которой не было равных!

Публика взорвалась аплодисментами, как будто в один и тот же миг взлетели тысячи стрел, и одновременно усилился рев голосов.

– Эту весть я принес вам из *Бостона!*

Прежде чем рев успел затихнуть, зал захлестнула следующая волна.

– Дамы и господа, Бостон очищает себя, Бостон тверд в своих убеждениях!

Теперь волна рева набирала силу над головой мистера Ньюмена. Теперь он понял. Он читал об избиениях евреев в Бостоне. Неожиданное движение сбоку от него... человека слева стоял и, с силой поднимая кулак в воздух и, опуская его, выкрикивал «Это евреи! Евреи!». Мистер Ньюмен посмотрел вверх на его сморщенное и истекающее потом лицо, увидел его глаза и отвел взгляд в сторону. Через мгновение человек сел и мистер Ньюмен ощутил на себе его взгляд. Он слегка повернулся к нему и кивнул. Но тот уже смотрел на священника.

Священник снова стоял у кафедры, ковыряя планку. Он казалось совсем забыл о толпе, которая снова начала успокаиваться. Неожиданно он гневно посмотрел прямо на присутствующих и некоторое время не отводил взгляда. Мистер Ньюмен понял, что он говорил то, что приходило ему в голову и его интересовало, что же произойдет дальше, потому что он опасался, что произойти может все что угодно.

– Но прежде, чем я продолжу свою весть, мои дорогие братья и сограждане, прежде чем я продолжу, я обязан сообщить, даже более того, предостеречь вас о том, что сегодня вечером среди нас есть представители определенной прессы – как бы мне лучше выразиться? – интернационалистской прессы.

Везде вокруг мистера Ньюмена люди начали поворачиваться, чтобы посмотреть на своих соседей. Мистер Ньюмен посмотрел на человека со складками на лице как раз вовремя, чтобы встретить его прямой взгляд. Он улыбнулся ему, но тот не ответил. Он изучал лица вокруг себя и не заметил ни одного, которое можно было бы назвать еврейским. Чтобы помочь тем, кто мог не совсем понять его, священник продолжал: – Думаю, все знают, как отличить интернационалиста от националиста.

Послышался грубый хохот и еще немного позаглядывали друг другу в лица. Снова мистер Ньюмен повернулся, чтобы посмотреть на человека со складками на лице рядом с ним и снова обнаружил, что тот смотрит на него. Он почувствовал, что начинает сердиться, и повернулся лицом вперед, но пристальный взгляд соседа горячим светом освещал его щеки.

– Причина, почему я сообщил вам об этом таким образом, – сказал священник, который теперь опустил руки на бедра, – состоит в том, что мы должны ожидать, что как прежде, эти господа уделят нам должное внимание в своих газетах, а поскольку их симпатии неизбежно влияют на их репортерскую работу, мы должны быть готовы к воплям протеста с их стороны. Если же случится что-либо подобное, я верю, что вы будете сдержанными и поступите с этими

⁴ «Бостонское чаепитие» – эпизод борьбы английских колоний в Северной Америке за независимость (1773).

господами в соответствии со здравым смыслом и вашими организаторскими способностями...

В голове у мистера Ньюмена от волнения все смешалось. Что они собираются с ними делать? Если предположить, что вот этот человек справа от него, этот спокойный мужчина с пиджаком на коленях вдруг неожиданно выступит против оратора? Должен ли он помогать вышвырнуть того из зала? Что имел в виду священник, говоря об организаторских способностях? Или ему нужно просто проигнорировать его? Он не хотел, чтобы его застигли врасплох без плана действий, потому что знал, что где-то в зале сидит Фред, и те, кто перевернул его мусорный бак тоже здесь, и он предпочел бы, чтобы все видели, как он решительно делает именно то, что нужно. Он хотел иметь репутацию одного из таких людей, кем он фактически и был, и он не доверял своей реакции в непредвиденных ситуациях. Голос священника пробился через его мысли.

– ...в конце самой жестокой войны в истории. Многие из нас, присутствующих на этом собрании, потеряли родных братьев, мужей и друзей...

Глаза Ньюмена блуждали поверх голов вокруг него. На стуле в проходе между рядами справа от него сидел солдат без головного убора, стальная скоба поддерживала его шею и подбородок. Его рот немного приоткрылся, когда он слушал и, казалось, что он краснеет. Мистер Ньюмен взволнованно размышлял, было ли это смущение, гнев или... О чем они думают, эти солдаты? Он размышлял, обвиняют ли они евреев в начале этой войны. Ему на глаза попался другой солдат, который сидел позади раненого. Он писал в блокноте. Был ли он за или против? Он пристально осмотрел публику, в поисках других солдат. Неожиданно он понял, что зал разразился аплодисментами. Он быстро перевел взгляд на священника и поднял руки с колен, но аплодисменты прекратились. Когда он опускал руки, человек со складками на лице глянул на него. Его лицо было безжизненным, без выражения, как будто на нем была косметическая маска. Мистер Ньюмен опустил руки и посмотрел вперед.

– Как можем мы, при всей нашей порядочности... приносить в жертву... деньги... братья...

Ледяной холод начал подниматься по затылку мистера Ньюмена. Чтобы расслабиться, он приподнялся на сантиметр от сиденья и дальше по ряду заметил пожилую даму в ботинках до лодыжек, которые были зашнурованы белыми шнурками. Она прижимала к своей костлявой груди несколько газет. Резкий запах достиг ноздрей мистера Ньюмена, запах ног и старости. Он потер шею. Она застывала. Под подбородком кожа была горячей. Слева от него снова оживление... человек со складками на лице крикнул. Он сидел, уставившись на сцену, крикая и дергая себя за колено, его брови шевелились вверх и вниз, в то время как он вел молчаливую дискуссию со священником. Ньюмен отодвинулся от него, и его плечо коснулось блондина справа, который машинально оттолкнул его своей длинной рукой и снова сложил на коленях пиджак. Ньюмен увидел на его руке толстое золотое кольцо и задержал на минуту свой взгляд на нем...

– ...война! Почему! Почему же, Господи, почему!

Рев хриплых голосов сзади... – Евреи! Е...!

Ньюмен вскочил в испуге... человек слева от него резко взметнул вверх левый кулак, оглушительно выкрикнул: – О-о-о! – и, ловя ртом воздух, сел. Ритм его криканья совпадал теперь с обвинительными пассажами священника, и он продолжал ритмично раскачиваться взад и вперед, дергая себя за колено и комкая брюки в мокрых складках. Мистер Ньюмен прижал локти к телу, сжал колени и попытался заслониться от этих людей и тогда он почувствовал, что снова поднимается волна.

– ...долго, о, Господи, как долго!

Это прокатилось над его головой как живой зверь – нечто такое, что было почти осязаемо и имело вес, разгоняя вонючий воздух над головой и мчась по всей длине зала до самой кафедры. Люди встали, они кричали и аплодировали. Он попытался вспомнить, что сказал священник. Пожилая дама в высоких ботинках уронила свои газеты на пол и стояла, прижав свои желтые руки к груди и благоговейно глядя на священника. Где Фред? Что-то упало на пол позади него, что-то тяжелое. Кто-то упал в обморок, подумал он? Где же Фред, взмолился

он, где найти кого-нибудь знакомого?

– ...любимое слово с сегодняшнего дня. К бою! К бою! К бою!

Пол дрожал от топота ног. Лицо священника покраснело, а он продолжал кричать поверх голов, его вытянутые вперед руки напряглись, кулаки сжались. Человек со складками на лице слева от него стоял, его руки взлетали вверх и вниз в воздухе, и он кричал: – О-о-о! Теперь все вокруг него встали, он стал задыхаться от запаха их тел и начал подниматься, когда что-то тяжелое опустилось ему на плечо, и он повернулся в ужасе и увидел человека со складками, который, обливаясь потом, дико уставился ему в лицо. И он понял, что тот вцепился в его воротник. – Послушайте! – возмутился он и вежливо похлопал мужчину по запястью, опасаясь, чтобы не разорвался его костюм. Двигая желваками на скулах и, вытянув губы вперед, человек встряхнул мистера Ньюмена и крикнул на него. Мистер Ньюмен вцепился в его руку обеими руками и попытался разжать хватку, но он побаивался за свой пиджак. Он повертел головой в поисках помощи и увидел, что на него смотрят люди, в то время как на сцене священник поднимался на цыпочки, пытаясь заглянуть в круг, который образовывался вокруг него. Заметив священника, мистер Ньюмен начал звать его, но тут очень близко возле него появилось новое лицо. Этот новый человек был одним из тех, кто стоял по краям сцены.

– Пусть он отпустит меня, – сказал ему мистер Ньюмен.

Человек со сцены посмотрел на человека со складками и сказал: – Что случилось?

– Он ни разу не хлопал!

Мистер Ньюмен почувствовал, что в его горле клокочет идиотский смех, но лица вокруг него не смеялись. – О, господи, – сказал он окружающим его лицам, – я никогда не хлопаю в ладоши, не хлопаю, вот и все. Даже на концертах...

– Господи, да ведь он же еврей!

Голос донесся из-за окружающих его лиц. Мистер Ньюмен тут же поднялся на цыпочки так высоко, как только мог, – потому что его до сих пор держали за шиворот. – Эй, прекратите молоть чепуху! – потребовал он.

– Боже Всемогущий, неужели не видно, что это Мойша? – Голос ворвался сквозь кольцо вокруг мистера Ньюмена и говоривший схватил его за лацканы и толкнул на стул. Ужас иглой пронзил его и он закричал: – Неправда! Картина, изображающая его младенцем во время крещения почему-то промелькнула в его сознании в тот момент, когда он почувствовал удар по шее и услышал, как рвется его пиджак. Он быстро сорвал очки и повернулся лицом, чтобы все увидели. Его встретила пощечина – женской рукой – и его толкали сзади. Мимо него проносились лица, а он вырывался, чтобы коснуться ногами земли, но только размахивал ими в воздухе. Со времен службы в армии к нему никто не прикасался, умышленно не толкал, не дергал – он никогда не играл в футбол и не выполнял тяжелой работы, и это распалило его страх и чувство собственного достоинства, и он продолжал кричать, хотя не понимал, что кричит, пока что-то твердое не ударило его в плечо, и он завертелся вокруг себя и чуть не упал, но, расставив руки, удержал равновесие. И в этот момент он увидел под ногами тротуар и понял, что находится на улице. Какое-то мгновение он стоял, слыша, но все еще ничего не видя, а потом услышал свой крик и почувствовал, как саднит горло. – Я не такой, вы, придурки, я не такой! – и осознал, что в одной руке он поднял свои очки, а другой, показывает на них. Вокруг него толпились лица, но он не знал, те ли это, что так дурно обошлись с ним или это просто любопытные прохожие. Но его больше не волновало то, какой он устроил скандал, ему и в голову не приходило, что он устраивает скандал – и в ярости, смешанной с распирающим его нарастающим негодованием, он начал пробираться через лица к освещенному входу в зал и снова руки на его плечах и запястьях остановили его. – Не будьте придурками! – кричал он в глаза лицам, а назад возвращалось эхом: – Проклятый Мойша! Ну, ты, Мойша, Мойша!

– Да нет же, вы, придурки...!

– Они все так говорят, когда припрешь к стенке!

Эти слова он услышал. Эти слова он услышал нормально и громко, и они остановили его. Он посмотрел направо и увидел лицо и посмотрел налево. Он обернулся вокруг себя и

увидел еще одно лицо, иступленно вспоминая крах попытки спорить с Гарганом о своем зрении... Теперь возле него осталось лишь трое. Остальные, понял он, вернулись назад. Теперь и эти трое повернулись и пошли мимо него к входу в зал. Он не хотел, чтобы они оставляли его в одиночестве. Он вообще не хотел быть одиноким. Они должны были понять, что он, Лоренс Ньюмен из семьи с фамилией Ньюмен, которая прибыла из Олдвича, в Англии в 1861 году и что у него дома есть фотографии, на которых запечатлены его крестины и если бы они сейчас хоть на минуту задержались на ступеньках, он смог бы рассказать, как более двадцати лет он работал в одной из самых антисемитских корпораций Америки, и что он...

Он ощутил толчок в грудь, как будто в него попал камень и сел на тротуар. Подняв глаза, он увидел, как те трое входили в зал. Решительная, но, по-видимому, безобидная рука поставила его на ноги и, подняв глаза, он увидел полицейского.

– Я не такой, – сказал он хрипло и перестал говорить.

– Мистер, вам лучше пойти домой, – сказал полицейский.

– Но я...

– Как вы себя чувствуете? Вы ранены?

– Нет, я не ранен. Но они сошли с ума, они обезумели. Как они не поймут, что я...?

– Сейчас вам лучше пойти домой, – сказал полицейский. – Не связывайтесь с этими чокнутыми. У него был очень низкий голос и по его уговаривающему тону, мистер Ньюмен понял, что ему не поверили. Он заплакал, его грудь сотрясалась от начавшихся рыданий, и он пошел мимо полицейского. Он пошел дальше по улице, с открытым ртом, руки повисли по бокам. Тротуар уводил его в сторону от верного направления и когда он снова ощутил себя в своем теле, он сидел посреди высокой травы. Он встал и понял, что находился в середине незастроенного пустыря и что в шею его жалит комар. Он прищепнул комара и продолжил осматриваться. Долгое время он не мог сориентироваться на местности, а потом увидел надземную железную дорогу и определил куда идти. Он уже прошел половину пути домой.

Только пройдя несколько метров, он понял, почему ему потребовалось так много времени, чтобы понять, где он находится. Его очки свисали с одного уха. Когда он надел их? Или же кто-то в насмешку ткнул их ему в лицо? Он остановился и осмотрел очки. Линзы были невредимы, но правая дужка была изогнута. Он стоял, пытаясь выгнуть ее назад, но потом отказался от этой затеи, потому что на его лицо снова налетели комары. И он надел очки и пошел дальше через пустырь. Носу было неудобно, потому что очки были слегка искривлены и впивались в переносицу, и очень скоро ему пришлось придерживать их на ходу, чтобы они не так давили. И тут он вдруг не смог сдвинуться с места и разрыдался. Он стоял в темноте, посреди высокой травы, прикрываясь одной рукой, придерживая на носу очки другой. Он услышал собственное тяжелое дыхание и частое покашливание, что было похоже на звуки, издаваемые простуженным ребенком, и в то же время что-то безумное визгливо смеялось внутри него, а он был способен только трясти головой и продолжать рыдать.

Когда все прошло, он нашел свой носовой платок, высморкался и вытер лицо. Он выбросил платок, потому что тот насквозь промок, а потом вышел на угол и направился к дому. Выйдя на тротуар, он немного успокоился, потому что его перестала раздражать мельчайшая зола пустыря, и ускорил шаг. Как только он пошел немного быстрее, он услышал позади шаги другой пары ног – они вышли из золы и подходили к тротуару. Если они идут за мной, подумал он, я их прибью. Он остановился и повернулся. В темноте к нему приближался мужчина его роста. Перед ним остановился человек без пиджака и подтянул на животе брюки.

– Добрый вечер, мистер Ньюмен, – сказал мужчина.

Напряженное тело мистера Ньюмена расслабилось. Это был мистер Финкельштейн.

– Могу ли я вам как-то помочь? – спросил он.

– Со мной все в порядке.

Они постояли.

– Думаю, вы хотите снять пиджак. Он выглядит не совсем хорошо, – через минуту сказал мистер Финкельштейн.

Мистер Ньюмен начал возражать, и увидел, что половина его пиджака свисает с плеча.

Он потянул вниз за край рукава, и половина пиджака соскользнула и повисла у него на руке. Он снял вторую половину и свернул их вместе.

– Вы идете домой? Я бы хотел пройти с вами, если вы не против, – сказал мистер Финкельштейн, подстраиваясь к его медленным шагам. Целый квартал они прошли молча. Наконец мистер Финкельштейн заговорил. – Я видел, что там произошло. Мистер Ньюмен, глядя прямо перед собой, не отвечал. На пустыре позади них в ночи громко засвиристели сверчки. Подождав некоторое время, Финкельштейн снова заговорил.

– Я понял, – сказал он, – что они все равно придут ко мне, и решил сперва сам сходить к ним. Я стоял на улице. Я видел, что они с вами сделали.

Мистер Ньюмен ничем не показал, что слышал хоть что-нибудь из сказанного. Они молча шли по кварталу.

При дневном свете он попытался бы ускользнуть от Финкельштейна – даже сейчас, в ночной темноте, он покрывался пятнами от негодования от того, как тот пытался навязаться ему, в то время как было совершенно ясно, что он хотел остаться незамеченным.

И все же пока они шли по темной улице, мистер Ньюмен ощутил острое любопытство. Что же теперь хотел сказать ему мистер Финкельштейн? Против желания он потянулся к нему. Не то, чтобы он думал о себе, что попал в такое же положение, что и этот, неторопливо шагающий рядом с ним еврей, потому что сознательно он о себе такого не думал. Дело было только в том, что он видел, что тот обладает тайной, которая позволяла ему владеть собой и защищаться, в то время как он сам метался в смятении в поисках рецепта, при помощи которого мог бы снова вернуть себе чувство собственного достоинства.

Он глянул на выдающуюся вперед челюсть мистера Финкельштейна и на его нос картошкой. Мистер Финкельштейн повернулся к нему и, несколько смущаясь, заговорил.

– Причина, почему я сейчас остановил вас, состоит в следующем, – сказал он. Затем он посмотрел вниз на тротуар и подумал. – Прежде всего, я прошу понять меня, – вас я не собираюсь ни о чем просить. Я вышел, чтобы добыть информацию. Что должно произойти, то и произойдет, и я не могу это остановить. Каждый день я читаю по несколько газет. Самые разные, от коммунистических, до самых реакционных. Такой я человек, что не успокоюсь, пока сам не пойму что происходит. Этого я понять не могу.

Мистер Ньюмен понял, что он слушает. Потому что за низким голосом мистера Финкельштейна предательски выдавала свое присутствие дрожь. Это привлекло его. Интуиция подсказала ему, что он может это понять. Человек рядом с ним переживал сильное душевное волнение. Они продолжали идти. Этой ночью он хотел встретиться с чем-нибудь понятным. Он слушал низкий, нервный голос.

– На днях, – осторожно начал мистер Финкельштейн, – в магазин зашел незнакомый мне негр и спросил сигареты «Кэмэл». У меня не было «Кэмэла» и я сказал ему, что у меня их нет. – Для кого ты их бережешь, – сказал он, – для Гольдберга? Если бы мы были на улице, я бы ударил его ящиком. В подобные моменты, у меня возникают определенные чувства к таким людям. Они не часто ко мне заходят. Но я стараюсь о них не думать. Я говорю себе, – в конце концов, скольких негров я знаю? Лучше будет, если я скажу, что мне не нравится этот негр и тот. Но у меня нет никаких прав обвинять весь народ, потому что всего народа я не знаю, вы понимаете, о чем я? Если я никогда не видел калифорнийское мамонтовое дерево, какое право я имею говорить, что оно не так велико, как о нем говорят? Вы понимаете, о чем я? – Я не имею права.

Они пересекли улицу, и мистер Финкельштейн продолжил. – А не понимаю я вот что, – имейте в виду, я прошу у вас не об одолжении, а информацию. Понимаете?

– Да, – сказал мистер Ньюмен. Он понял, что тот все еще говорил с ним, как с членом Фронта. Это успокоило его, потому что он все еще опасался, что мистер Финкельштейн намеревался заключить его в объятия как брата. А теперь он обнаружил, что чувствовал себя с этим евреем вполне свободно, потому что тот вообще оказался ненавязчивым. – Я понимаю, о чем вы говорите, – сказал он.

– Чего я не понимаю, так это того, как так много людей могут так завестись по

отношению к евреям, если во всем том зале не было хоть одного, кто знает – сам, лично – больше трех евреев, с которыми он мог бы разговаривать. Прежде чем вы ответите мне, я понимаю, как человек может ненавидеть целый народ, потому что сам бываю в подобной ситуации, когда забываюсь. Но я не понимаю, как они могут так завестись, чтобы в такую жару идти вечером на собрание для того, чтобы избавиться от евреев. Чувствовать, э-э... неприязнь это одно. Но доводить себя до такого состояния и вести себя таким образом... Этого я не понимаю. Как это можно объяснить?

Мистер Ньюмен переложил свернутый пиджак в другую руку. – Большинство из них не очень образованы, – рассудительно поднимая вверх брови, сказал он.

– Да, но там я видел и таких, которые выглядели более образованными, чем я. Если вы не обидитесь на мои слова, я думаю, что вы тоже человек образованный... – Он запнулся, а затем быстро сказал: – Мистер Ньюмен, я хочу обсудить все открыто. Не то, чтобы я просил у вас одолжения, просто как мужчина мужчине, я хочу понять. Если вы не возражаете, обсудите это со мной. Почему вы хотите, чтобы я убрался отсюда?

Он стал дышать тяжелее и начал сопеть.

– Ну, речь не идет именно о вас... – Теперь Ньюмен почувствовал смущение, потому что на прямой искренний вопрос Финкельштейна он почему-то не мог произнести честный ответ.

– Но речь идет именно обо мне, – сказал мистер Финкельштейн. – Если вы хотите чтобы отсюда убрался еврей, значит, вы хотите чтобы убрался я. Я что, делаю что-нибудь такое, что вам не нравится?

– Это не вопрос того, делаете ли вы что-нибудь такое, что мне не нравится.

– Да? Тогда чего же?

– На самом деле вы ведь не хотите этого знать?

– Почему же, разве вы не хотите мне это рассказать?

Теперь его ожесточенное упрямство сильно задело мистера Ньюмена за живое и, появившаяся было снисходительная улыбка, исчезла – выражение превосходства на его лице ушло перед возможностью унижить себя, оставив мистера Финкельштейна с представлением, что он так же глуп и нелогичен, как та толпа, которая только что выбросила его из зала.

– Я скажу вам, если вы хотите, чтобы я это сделал, – сказал он. – Существует много причин, почему люди не любят евреев. Например, у них нет принципов.

– Нет принципов.

– Да. В торговле можно обнаружить что они, например, мошенничают и обманывают. Это то, что люди...

– Дайте мне разобраться. Сейчас вы говорите обо мне?

– Ну, нет, не о вас, но... – его правая рука начала дрожать.

– Мистер Ньюмен, меня не интересуют другие люди. Я живу в этом квартале, – они уже приближались к его магазинчику, – и в этом квартале больше нет евреев, кроме меня и моей семьи. Я когда-нибудь обманул вас в торговле?

– Дело не в этом. Вы...

– Сэр, я прошу прощения. Вам не нужно объяснять мне, что некоторые евреи мошенничают в торговле. Об этом нет разговора. Лично я знаю совершенно точно, что телефонная компания взимает пять центов за звонок по городу, хотя может получить хорошую прибыль, взимая один цент. Это факт из официального обследования коммунальных услуг. Телефонная компания управляется и является собственностью не-евреев. Но когда я опускаю пятак, чтобы позвонить, я не злюсь на вас только потому, что вы не-еврей. И не-евреи по-прежнему обманывают меня. Мистер Ньюмен, я спрашиваю вас, почему вы хотите, чтобы я убрался отсюда.

Они остановились возле освещенного окна магазина мистера Финкельштейна. Квартал был безлюден.

– Вы не понимаете, – кратко сказал Ньюмен, прижимая свою дрожащую руку к животу. – Дело не в том, что сделали *вы*, а в том, что делают другие люди вашей национальности.

Мистер Финкельштейн долго и пристально смотрел на него. – Иначе говоря, когда вы

смотрите на меня, вы меня не видите.

– Что вы имеете в виду?

– То, что я сказал. Вы смотрите на меня и меня не видите. Вы видите что-то другое. Что вы видите? Вот этого я и не понимаю. Вы сказали, что против меня вы ничего не имеете. Тогда почему же вы пытаетесь избавиться от меня? Что вы видите такого, что раздражает вас, когда вы на меня смотрите?

Голос Финкельштейна исходил глубоко из его груди и Ньюмен неожиданно понял, что эта дрожь в голосе показывала, что он в ярости. Он был разъярен от самого пустыря. И у Ньюмена изменилось представление о нем, когда он стоял так и смотрел на его разгневанное лицо. Там, где раньше он видел довольно смешное, неприятное и подобострастное лицо, теперь он обнаружил человека, мужчину трепещущего от гнева. И почему-то его гнев сделал его понятным для мистера Ньюмена. Его не вызывающий сомнений гнев, его упорство и сдерживаемая ярость открыли широкий канал в сущность Ньюмена, так же, как в свое время это сделала Гертруда, когда сидела напротив него за столом в его стеклянной кабине. И на какое-то мгновение ему стало очень стыдно, что Финкельштейн, этот взрослый и совсем не смешной человек, отождествлял его с тем слабоумным сборищем в зале. Потому что он не знал, как должен ответить Финкельштейну член Фронта, человек охваченный ненавистью. Трудность состояла в том, что у него не было никаких претензий лично к Финкельштейну, и он не мог стоять так лицом к этому человеку, как сейчас, – а теперь он был человеком – и говорить ему, что он не любит его, потому что не любит его. Он также не мог сказать ему, что его умение зарабатывать деньги было предосудительным, потому что Финкельштейн, безусловно, не обладал таким качеством. Точно так же невозможно было сказать ему, что лично он, неопрятен, потому что Финкельштейн таким не был. Это правда, что Финкельштейн часто не брился по два дня кряду, но казалось ребячеством предлагать ему убраться из квартала, потому что он недостаточно часто бреется. И, смотря теперь на Финкельштейна, Ньюмен понял, что на самом деле он не ощущал *к нему* ненависти, он всегда лишь собирался начать его ненавидеть – каждое утро, он проходил мимо этого человека зная, что в нем заложена склонность вести так, как, считается, ведут себя евреи – мошенничать, или быть грязным, или крикливым. То, что Финкельштейн не жил в соответствии с ожиданиями, не изменило отношение к нему Ньюмена. А при нормальном течении событий, его чувства никогда бы не изменились, как бы правильно Финкельштейн не вел себя в квартале.

Но теперь это чувство изменилось. Потому что теперь мистер Ньюмен понял, что этому человеку он мог ответить лишь то, что он не нравится ему, потому что у него лицо человека, который может сделать что-нибудь отвратительное.

– Мистер Ньюмен, что вы видите, когда смотрите на меня? – повторил мистер Финкельштейн. Ньюмен тревожно смотрел на него.

Приступ боли начал сводить живот мистера Ньюмена. Как будто все знаки известного ему мира поменялись, как будто во сне изменились номера его собственного дома, название его улицы, расположение надземной железной дороги по отношению к углу, как будто все то, что было истинным, теперь стало трагически ложным. Он почувствовал, как будто сейчас его вырвет и он расплачется. Не говоря ни слова, он широкими шагами пошел прочь и перед собой он видел лицо Гертруды и то, как ее чужеродная порочность рассеялась тогда, в конторе Арделла... чудо после которого она стала привычной частью его жизни...

Улица вне освещенного возле магазина пространства была темной. Мистер Ньюмен нырнул в темноту, как в закрытую комнату, где можно укрыться. Взгляд мистера Финкельштейна был на его спине, причиняя все больше боли. Если бы этот человек мог просто исчезнуть, просто уйти... ради Бога, просто уйти и дать всем стать такими же, как прежде! Как прежде, как прежде, дать нам всем стать как прежде! Он тихонько открыл входную дверь.

На кухне горел свет. Мистер Ньюмен, со свернутыми под мышкой обрывками пиджака, на цыпочках прошел через гостиную и, не привлекая внимание матери, добрался до лестницы в столовой и молча поднялся. На верхней площадке лестницы он увидел, что в спальне горит свет. Он на минуту замешкался, прошел по коридору над лестницей и вошел в спальню.

Гертруда посмотрела на него с кровати, где она развалилась с журналом *Киносценарий* в руках. Он положил свернутый пиджак на стул. Она не отводила от него взгляда.

Он сел рядом с кроватью на небольшой обитый сатином табурет. Ее рот был приоткрыт, глаза не моргали, в то время как она пыталась понять, что с ним произошло.

– Ты порезался, – сказала она и села на краю кровати. – Где это ты порезался?

– Через минуту я приму душ, – сказал он.

– Что с тобой случилось? Как ты порезался? Ты весь грязный.

– Я сидел там рядом с одним психом. Он начал на меня кричать.

– Почему, что ты сделал?

– Я ничего не сделал. Он увидел, что я не аплодирую. Ты же знаешь, я никогда не аплодирую.

– Так нужно было объяснить ему, – проявила недовольство она.

– Как ему вообще можно хоть что-то объяснить, такому как он? Они все были разгорячены. Ты знаешь, как это происходит.

– Там еще не закончили, да?

– Не знаю. – Он не мог поверить в это, – она сердилась на *него*.

– Ты не остался там до конца? Ты должен был быть там до...

– Они вытолкали меня оттуда.

Она моргнула. Появившееся на ее лице выражение он видел впервые. Лицо стало сварливым и жестоким, а губы набухли, как надутые пузыри. Он был так раздражен, что она на него сердится, что резко встал и начал раздеваться. Выражение ее лица не изменилось, когда он сбрасывал с себя брюки и туфли. Все его внутренности подступили ему к горлу.

– Не смотри на меня, – предостерег он, – просто я никогда не аплодирую.

Оставшись в одних трусах, он подошел к двери.

– Ты должен был аплодировать, – крикнула она.

– Не кричи, Гертруда, – повышая голос, ответил он.

– Боже праведный, ты ведешь себя как...

– Это свора психов! – разъяренно завизжал он... ругаясь, она выглядела так вульгарно.

Его гнев заставил ее отвернуться, и она легла на кровать спиной к нему. Через минуту он вышел в ванную комнату и стал под душ. Мыльная пена обожгла щеку и, посмотрев в зеркало, он увидел ранку. Она была не больше пореза при бритье, но этого было достаточно, чтобы что-то сжалось внутри него, и он снова ощутил унижение. Он был не из тех, кто привык к подобному обращению с собой.

Когда он вернулся в спальню, она продолжала лежать, не изменив положения. Он нашел чистое белье и носки и надел их, надел серую спортивную рубашку, которую она ему купила, а потом полосатые холщовые брюки. Она лежала на кровати не двигаясь, пока он не надел туфли, а потом перевернулась на спину и посмотрела на него.

– Зачем ты одеваешься? – из чистого любопытства спросила она.

– Мне же нужно одеться, чтобы выйти, правда?

– Куда ты собрался?

– Я скоро вернусь.

Он вышел из спальни, замедлил шаги на верхней площадке и прислушался к первому этажу. Он осторожно спустился по ступенькам, повернул в столовой и вышел из дома.

На небе была потрясающая луна. Он заметил это только сейчас. Было новолуние, и ужасно громко стрекотали сверчки.

Он быстро пересек свою лужайку и подошел к веранде Фреда. Наверху, в спальне у Фреда горел свет, но в остальном доме было темно. Поднявшись по кирпичным ступеням, он на цыпочках прошел по веранде и сел в низкое кресло-качалку рядом с входной дверью. Он находился в полной темноте. Он ни разу не качнулся.

Фред был на собрании. Он это знал. И он ничего не предпринял, чтобы помочь. Но он не был в ярости. Его сознание спокойно выпустило свои щупальца в улицу перед ним, в ее жестокую тишину, которая сейчас казалось, поднялась против него. Ему нужно было кое-что

сделать, и он знал, что сделает это.

Из-за угла слева повернул автомобиль, и мистер Ньюмен взглядом проводил его приближающиеся фары. Он остановился перед домом, из него вышел Фред, но не уходил, а разговаривал, наклонившись к окну задней двери. В конце концов, он отошел, и автомобиль уехал и тогда он пошел по дорожке и поднялся на веранду. Он немного отпрянул в сторону, когда мистер Ньюмен сказал из темноты: – Фред, я хочу поговорить с тобой.

– Кто там? – сказал Фред, глядя в сторону сидящего в кресле мистера Ньюмена. Было ясно, что ему просто нужно время, чтобы собраться с мыслями, и он хотел сказать что-нибудь такое, что передаст его раздражение мистеру Ньюмену.

– Фред, это я. Присядь-ка на минутку. Сюда. – Он пододвинул ему другое кресло-качалку и Фред обошел его и сел.

Мистер Ньюмен был доволен, что додумался устроиться в темноте. Оба будут говорить откровеннее.

– Думаю, ты видел то, что произошло сегодня вечером, – начал мистер Ньюмен.

Фред наклонился и завязал шнурок на туфле. Он казалось, был абсолютно неповинен в коварстве. – Я слышал что произошло, но именно в этот момент меня не было в зале.

– Это произошло после начала собрания, – напомнил ему мистер Ньюмен.

Фред выпрямился и наклонился в кресле так, будто собирался встать и уйти. – Ну, ведь они не поранили тебя, правда?

– Меня немного порезали, – сказал Ньюмен. – И им удалось погнуть мои очки. – Его голос слегка дрогнул.

Фред, похоже, понял, что все будет не так просто, как он думал. – Хорошо, Ларри, ну что же ты хочешь? Это не моя вина, правда?

– Не будем об этом. Я не говорю о том, виноват ты или нет. Не будем об этом. Фред, я просто хочу, чтобы от меня отвязались.

– Случаются ошибки. Ларри, они были возбуждены.

– Это я как раз и понял. Но они не были возбуждены, когда разбрасывали мусор из моего мусорного бака.

– Это что они сделали? – неискренне изумившись, сказал тот высоким голосом.

– Фред, не валяй дурака. Я рассказывал тебе об этом.

– Да, Ларри, но ты же не будешь обвинять в этом ребят, я ничего не знал о...

– Да ты не мог не знать, Фред. Оба раза мусор был рассыпан по траве.

– Хорошо, чего же ты хочешь от меня.

– Фред, я хочу, чтобы меня оставили в покое. Я хочу, чтобы ты сказал им оставить меня в покое.

Фред не ответил. В темноте мистер Ньюмен не мог увидеть выражение его лица, так что он ждал и почувствовал, что произойти может все что угодно. Теперь ему было ясно, что он ужасно ненавидел Фреда. Он был мерзким лгуном, он был подлецом.

– Ну. Фред, что ты скажешь? – настаивал мистер Ньюмен. Он очень напряженно сидел в кресле.

– Ларри, ты говоришь так, будто я руковожу партией.

– У тебя достаточно высокое положение, чтобы заставить их вычеркнуть мое имя из списка.

– Какого списка?

– Списка евреев.

– Кто тебе сказал, что у нас есть какой-то список?

– Я знаю, что у вас есть список, и я хочу, чтобы ты вычеркнул меня из него.

– Ларри, как я смогу это сделать?

– Это уже ты знаешь, а не я. – Это было слишком неприятно, но он должен был сказать это, должен был. Ничего не будет сделано, пока он не скажет этого. – Фред, придумал бы чего-нибудь получше, чем делать из меня еврея.

– Ларри, никто не делает из тебя еврея.

– Никогда дважды не нападут на человека, если не убеждены, что он еврей. Не два раза.
– Сегодня вечером они просто были возбуждены.
– Фред, там не все были возбуждены. Этот скандал можно было так же легко остановить, как и начать.

– Я же сказал, что не был там, когда это произошло.

– Фред, а я говорю, что ты был.

– Хорошо, замечательно, значит я лгун.

– Фред, никто не называет тебя лгуном. Давай, садись, я хочу поговорить с тобой.

– Хорошо, но меня там не было.

Некоторое время они сидели молча. И тишина угрожала остановить ослабевающий поток красноречия Ньюмена, поэтому он заговорил несколько раньше, чем хотел бы.

– Я хочу, чтобы ты честно сказал мне кое-что. Они что, думают, что я и правда, еврей.

Фред помолчал. Мистер Ньюмен снова подумал, что хорошо, что все происходит именно так, в темноте.

– Ладно, Ларри, я скажу тебе. – Фред говорил, как будто сам не имел к этому никакого отношения. Его коварство вызывало у Ньюмена отвращение и ему захотелось ударить его.

– Как и во всякой большой организации, в нашей, есть определенная группа горячих голов. Без этого не обойдешься. Без таких людей не обойдешься, понимаешь?

– Да.

– Да, кое-кто обратил на тебя внимание. Я это признаю. Ты должен признать, что стал немного похож на иудея с тех пор, как начал носить очки.

Мистер Ньюмен промолчал.

– Вы что, сказал я им, это мой давний сосед. Но они настаивают, что отвечают за свои слова. Я хочу сказать, что когда ты один против десяти, тебе приходится с ними считаться, понимаешь?

– Но ты хорошо знаешь, что я...

– Ларри, это я знаю. Но один против десяти, это слишком неравное соотношение.

Снова тишина. Так что его действительно обсуждали. И Фред не особенно его защищал.

– Значит, я остаюсь в списке, да?

– Ну, Ларри, я говорю тебе правду. Я понемногу продвигался в этом вперед. Но ты привел к себе эту дамочку, и она все испортила.

– Почему это она все испортила? – сердито спросил мистер Ньюмен.

– Ну, ведь она же еврейка, правда?

– Боже милостивый, Фред, ты что сошел с ума?

– Ты хочешь сказать она...

– Конечно же, нет. Откуда, черт побери, взялась эта мысль?

На мгновение Фред замолчал. Потом он сказал: – Вот это да! Ларри, мне очень жаль, что так вышло. Я не знал.

Это было все, и мистер Ньюмен поднялся из кресла. Густое зловоние фальшивого раскаяния Фреда коснулось ноздрей мистера Ньюмена. Он больше был не в состоянии приводить доводы. Фред не поверил ему, возможно, не мог позволить себе поверить. Фред начал подниматься...

– Ларри, я действительно очень сожалею. Но я и сам думал, что ты сошел с ума и привел к себе еврейку.

Особое внимание, с которым он произнес – «еврейку», выдало то, что он продолжает в это верить. И от этого что-то стиснулось в груди мистера Ньюмена. Он подошел к верхней ступеньке веранды и остановился, глядя на аккуратные и темные дома на другой стороне улицы.

– Фред, я не собираюсь выезжать из своего дома...

– Откуда у тебя эта мысль, – неубедительно хохотнул Фред.

– Послушай, Фред, теперь я скажу тебе, что собираюсь делать. – Ньюмен говорил тихо, потому что если бы он повысил голос, его тело начало бы быстро двигаться к Фреду, и он знал

это. – Я купил себе этот дом, и я заплатил за него и никто меня из него не выселит. Мне наплевать, кто попробует это сделать и сколько их будет, я с места не сдвинусь. А что касается тебя... – Он повернулся и посмотрел на Фреда, чье лицо он теперь мог видеть лучше, потому что тот вышел из тени от дома. – А что касается тебя, относительно меня не обманывайся. – Он не знал, как выразить словами свою ненависть и свой вызов и сказал следующее: – Только не обманывайся относительно меня. Я могу за себя постоять. Ты понимаешь, что я имею в виду? Я очень хорошо могу за себя постоять. Так что не обманывай себя.

Он повернулся на верхней ступеньке и пошел вниз, его мышцы подрагивали, как маленькие потревоженные змейки и, уходя с веранды Фреда, он думал, что сердце разорвется у него в груди. Медленным, размеренным шагом, рассчитанным на то, чтобы продемонстрировать вызов, он прошел по дорожке Фреда до тротуара, потом, в конце, свернул налево и когда он дошел до своей дорожки, он услышал, как у Фреда яростно захлопнулась дверь с сеткой от насекомых. С этим звуком он остановился перед своей верандой.

Перед ним стоял его дом. – *Гертруда, дорогая, здесь мы должны выстоять и победить*

Отвернувшись от дома, он начал неторопливо прогуливаться дальше. И минув одинаковые, уставившиеся на него молчаливыми квадратными окнами дома, он по-новому осознал, что оттого, что ветви деревьев низко наклоняются к тротуару, между двумя уличными фонарями существует длинная полоса крошечного мрака. Здесь невозможно было разглядеть даже бордюр. Он шел по длинному чулану. *Алиция! Алиция!* Он продолжал идти, а вокруг его головы метался высокий стонущий крик. *Полиция!*

Если представить, что кто-нибудь вооруженный набросится на него спереди. *Помогите, помогите!* Кто выйдет к нему из-за этих жалюзи. Кто?

Прогуливаясь, он внимательно осматривался. Все в квартале обязательно либо сами видели, либо им рассказали о его мусорном баке. Никто из них даже не заикнулся об этом, даже те, с кем он встречался по пути на работу в подземке.

Алиция! Той ночью здесь ее могли убить, изуродовать до смерти. Никто не рискнул выйти из дома, чтобы помочь, хотя бы сказать, что она человек. Потому что все они наблюдали из окон, зная, что она не белая...

Но он белый. Белый человек, сосед. Он *здесьний*. А может, нет? Несомненно, что этот слух теперь обошел всех. Ньюмен – еврей. Нападение на него будет для них доказательством. Обратите внимание на фамилию – Ньюмен. Разумеется – Ньюмен! Кто выйдет в ночную темноту, чтобы спасти его от бандитов? Кто выйдет, чтобы помочь, например, Финкельштейну? Финкельштейн. Они соединили его с Финкельштейном. Он знал, что никогда бы не вышел, чтобы ввязаться в драку, защищая Финкельштейна. Он знал, что остался бы за жалюзи, говоря себе, что Финкельштейн должен был выехать отсюда, когда узнал, что его преследуют, что побои для еврея не так страшны потому что он готов к ним с рождения. И для той женщины, которая привыкла к нападениям, это не было так страшно, потому что никогда в жизни она не была в безопасности. Для них это было не так страшно, для них это было вполне нормально... *«Иначе говоря, когда вы смотрите на меня, вы меня не видите. Что же вы видите?»*

Он перешел на другую сторону улицы. И он представил себе за жалюзи семью Блай, которые обсуждают новость о том, что избili Ньюмена. Оказалось что он еврей. Завтра, когда он выедет отсюда, все пройдет. И тогда все снова будет в порядке. Как бы сильно еврей ни казался похожим на обыкновенного человека, в ослепляющий миг насилия, он все же не обладает такой неприкосновенностью, как они сами. Они бы не вышли, потому что в их глазах он бы был евреем, следовательно, виновным. По какой-то причине, которую невозможно выразить словами, но, виновным. У них нет никаких свидетельств, что он когда-либо устраивал против них заговор, или принес им вред, и все же, он знал, что если бы хоть раз они заподозрили, что он еврей, они бы решили, что в душе он их проклиняет, и если бы он лежал здесь на дороге, истекая кровью, они бы успокаивали свою совесть, думая об этих проклятиях. И если бы он тысячу раз кричал, что у него нет к ним ненависти, и что им было бы так же

больно от ударов, как и ему, что он абсолютно во всем подобен им, они бы пялились ему в лицо и те, кто бы ему поверил, не поверили бы до конца, а те, кто не поверил бы ему совсем, презирали бы его еще больше. *«Иначе говоря, когда вы смотрите на меня ...»*

Все еще пребывая под воздействием старого кошмара, он направился к светящемуся желтым окну магазинчика. Так вот что производилось в глубине под безобидной каруселью. За фасадами этих уютных домов с плоскими крышами, еженощно возникает пронизательное кровожадное чудовище, и его взгляд остановился на нем – он был незаметно отмечен рыкающим воплощением этого гнева, которое вырвется из стен этих домов и безошибочно найдет его.

И не было такой правды, чтобы противопоставить ему. Не существовало таких слов, чтобы его умиротворить. В темноте таилось безумие, и его нельзя было встретить лицом к лицу и успокоить.

Не задерживаясь возле газетной стойки, он зашел в магазин. Мистер Финкельштейн сидел на деревянном табурете перед висевшим рядом с кассовым аппаратом высоким журнальным стендом. Магазинчик был таким узким, что, опершись спиной на витрину в стене, он смог положить ноги на полку на противоположной стене. Когда он увидел мистера Ньюмена, он опустил ноги на пол и пока его черные глаза осматривали его, рот улыбался.

– Добрый вечер, – сказал он, подтягивая брюки.

Какое-то время мистер Ньюмен казалось, не замечал его. Затем, мигнув, он прогнал свои видения и кивнул. Опершись на витрину, он, как будто для того чтобы чувствовать себя увереннее, держал руки в карманах. Он делал вид, что с того места, где стоял, осматривает товар на полках по всей длине узкого магазина.

– Как вы себя чувствуете? – отважился мистер Финкельштейн.

Мистер Ньюмен с отсутствующим видом сказал, что чувствует себя хорошо. Потом он посмотрел на доски пола и сказал: – Я хотел спросить вас кое о чем.

Мистер Финкельштейн с готовностью кивнул и пухлыми губами подвигал во рту недокуренной сигарой.

Ньюмен поднял глаза на него. – А вы думали, что будете делать, если что-то... если они что-то предпримут против вас?

Финкельштейн стал выглядеть обеспокоенным. Он вынул сигару и осмотрел ее. – У вас есть какая-то конкретная информация, что они собираются за меня взяться?

Теперь его глаза заблестели. И Ньюмен понял, что тот испугался и пытался не показать своего страха.

– Они собираются, это точно. Я не знаю когда, но они собираются.

– Ну, – сказал Финкельштейн, и когда его сигара задрожала, он пошел к пепельнице на кассовом аппарате и, затушив ее, успокоился. Ньюмен понял, что обычно он продолжал курить дальше. – Конечно, я не могу сделать очень много. Что я могу сделать, я сделаю, – сказал он. Потом, посмотрев Ньюмену прямо в лицо, он признал: – Если их придет не слишком много, возможно, смогу с ними справиться. Если их будет слишком много, мне придется туго.

– Это странно, я думал у вас есть какой-нибудь план.

– Ну, у меня есть кое-что, я... – После непродолжительного колебания, смущенно улыбаясь, Финкельштейн пошел к выходу из магазина, выдвинул там внизу длинный ящик и, вынув из него блестящую бейсбольную биту, подошел с ней к мистру Ньюмену. – Это называется «Луизвильский удар». Цельное дерево, – сказал он, протягивая биту, чтобы показать Ньюмену. Ньюмен потрогал гладкую поверхность и снова сунул руку в карман. Финкельштейн вернулся к шкафу и аккуратно положил биту назад. Он остался стоять там, смотря в глаза Ньюмену.

Ньюмен сказал: – Я думал, что если бы вы рассказали обо всем в полиции...

– Мистер Ньюмен, – сказал тот, медленно покачивая головой, – вы говорите так, будто это происходит впервые.

Теперь Ньюмен смотрел на него и знал, что помогало ему удерживать душевное

равновесие.

– Это собрание, – продолжал Финкельштейн, – проходило не в секретном бункере. Полиция знала, о чем идет речь. Просто не существует закона против людей, которые ненавидят друг друга. Это не... в этом нет ничего плохого. Это их право организовывать такие собрания, чтобы убивать людей, – продолжал он саркастически. – Идти в полицию есть смысл, только если... если придет делегация. Я говорю им, но они выслушивают и уходят. Миссис Дипо говорит им, но она пожилая женщина, что она для них значит? Если бы несколько человек из квартала... если бы...

Ньюмен представил, как он стоит в полицейском участке рядом в Финкельштейном, и полицейский-ирландец переводит взгляд с еврея на него.

– Мистер Финкельштейн, – перебил он, – я скажу вам, что я думаю.

– Да, – с готовностью слушать, сказал Финкельштейн.

Ньюмен больше не смотрел на него, а продолжал разглядывать товары на полках. – По моему, из вашего положения есть только один разумный выход.

– Да, – прошептал Финкельштейн, подняв подбородок и стиснув губы.

– Вы не должны забывать, какие люди живут в этом районе, – снова начал он. – Это новый район. Мне довелось узнать, что многие семьи переехали сюда, чтобы избавиться от старых соседей, – напряженно прищурившись, сказал он – и, разумеется, они не выносят никаких... никаких... ну, вы знаете, что я имею в виду.

Рот Финкельштейна приоткрылся немного шире и, пристально смотря на Ньюмена, он совсем незаметно кивнул.

– Если бы здесь было лишь несколько сторонников этой точки зрения, я бы сказал, стойте на своем и держитесь до конца. Но я не думаю, что у вас здесь много друзей, и я... ну, честно, я думаю, вам следовало бы подумать о переезде. Это мое искреннее мнение.

Брови Финкельштейна сдвинулись. Ньюмен не смог выдержать его удивленного взгляда и снова посмотрел вниз на доски пола, как будто задумавшись. Прошла минута. Другая. Он поднял глаза и увидел, что выражение лица Финкельштейна изменилось. Его рот был плотно сжат.

– Мистер Ньюмен, вы еврей? – спросил Финкельштейн.

Кожа Ньюмена похолодела. – Нет, – сказал он.

– Вы не еврей, – сказал Финкельштейн.

– Нет, – готовый рассердиться, повторил мистер Ньюмен.

– Но они думают, что вы еврей.

– Да.

– Представьте себе, что я предложил вам переехать.

– Это...

– Представьте себе, что я сказал вам, что здесь в районе живет слишком много людей похожих на евреев. Этим невеждам это не нравится. Переезжайте мистер Ньюмен, потому что мне не дадут покоя, пока вы будете...

– Я высказал вам свое искреннее мнение, а вы...

– Я тоже высказываю вам свое искреннее мнение, – сказал Финкельштейн дрожащим голосом. Его глаза повлажнели. – По моему мнению, они пометили вас несмываемыми чернилами, и вам ничего не даст если я...

– Я не нуждаюсь ни в чьей помощи, – тонким возмущенным голосом сказал Ньюмен.

– Я не вчера родился, мистер Ньюмен. – Штанины брюк Финкельштейна задрожали. – Я думал, что по воскресеньям вы покупали газету у этого хулигана, потому что они заставили вас. Я думал, что независимо от того, что вы делаете, вы все равно оставались моим приятелем, потому что вы разумный человек, интеллигентная личность. Но вы...

– Я пришел сюда не для того, чтобы меня оскорбляли, – твердо сказал Ньюмен.

– Ни в коем случае! – сжав кулаки, воскликнул Финкельштейн. – Вы что не видите, что они делают. Какого черта они хотят от евреев? В этой стране живет сто тридцать миллионов человек и всего пару миллионов из них это евреи. Это вы им нужны, а не я. Я... Я... – от ярости

он начал заговариваться, – Я – это мелочь, я ничего не значу. Я гожусь только на то, чтобы они могли показывать на меня, и все остальные отдадут им свои умы и свои деньги, и они заполучат эту страну. Это мошенничество, это вымогательство. Сколько раз это должно произойти, сколько войн на этой земле мы должны пережить, прежде чем вы поймете, что они с вами делают? – Ньюмен стоял камнем. – Выехать. Вы хотите, чтобы я выехал, – сказал Финкельштейн, пытаясь двигаться по крошечному магазинчику, – я не уеду. Мне здесь нравится. Мне нравится воздух, он подходит для моих детей. Я не знаю, что мне придется сделать, но я с места не сойду. Я не знаю, как бороться с ними, но я буду бороться. Эта дьявольская шайка хочет захватить страну. И если бы вы хоть немного уважали эту страну, вы бы не сказали мне этого. Мистер Ньюмен, я с места не сойду. Я не сделаю этого. Нет.

Он стоял, качая головой.

Глава 17

Но на следующее утро все стало выглядеть иначе. Как будто что-то произошло с ним за время сна.

Одеваясь, он еще раз ощутил свое любимое чувство независимости и самодостаточности. Открывая перед Гертрудой входную дверь, он обратил внимание на то, что мусорный бак стоит на месте, и пошел по улице вместе с женой с таким видом, будто иначе и быть не могло; он раз и навсегда отказался от участия в каких-либо состязаниях.

И если, проходя мимо газетной раскладки, он ощутил некоторое смущение из-за того, что не купил газету, это было скорее последней каплей из пустой тыквы, чем первой из той, в которой только сейчас обнаружилась трещина. По его мнению, осталось только уладить с Гертрудой, – она стояла, дожидаясь, когда он опустит пятак в турникет, и по поднятым бровям и неоднократным вздохам ему все было понятно.

Так проходили дни, и они разговаривали, как будто в горле застрял камешек. Он отметил отсутствие разговоров о пустяках, понимая, что она ждет, когда он признает свою ошибку. Но у него был безопасный дом и когда она поймет это, то обрадуется и будет счастливой с ним за запертой дверью.

Однако немного позже, реальность, подобно какой-то тайной луне бесшумно пересекла его горизонт, и повисла прямо перед его глазами. И он понял, что тоже ждет, ждет нападения.

Во второй раз мусорный бак опрокинули не так грубо, как в первый, однако он знал, он знал, что это еще не все, и он знал, что в покое его не оставят. Не потому, что вокруг него произошли какие-то изменения, но потому что изменился он сам. В эти напряженные дни в отношениях между ним и его женой, город продолжал придавать его душе новые очертания. Подобно идущему вдоль берега течению он безмолвно размывал его сознание по краям. Это не было чем-то вроде происшествия, дразнящее воздействие никогда не обретало очертаний события. Просто он начал жить в состоянии ожидания, в то время как тело проводило его через повседневные дела. Утром – на работу, в полдень – на обед, вечером – домой. Много вечеров он провел с Гертрудой в ресторанах, они немного чаще ходили в кино, а однажды в субботу вечером, пытаясь развлечься, они прокатились вдоль реки на автобусе с Пятой авеню. Но ничто не облегчало этот гнет, потому что куда бы он ни посмотрел, он видел новые очертания, и слышал звуки, которые никогда прежде не были знакомы его ушам. Часто, идя в толпе, он слышал позади себя разговор и замедлял шаг, чтобы послушать его. Потому что сзади донеслось *»-рей-«* и он должен был знать, к чему относится этот слог и, пытаясь следить за ходом беседы, он замечал, что его сердце немного вздрагивало, и требовалось некоторое время, чтобы оно снова успокоилось.

Когда на улице к нему приближался обыкновенный выпивоха, он напрягался и становился неуклюжим. В былые времена он и без стычки обязательно отстоял бы свое достоинство и позвал бы полицейского, чтобы тот занялся хулиганом, но теперь он не знал точно какими правами он может воспользоваться, если обидчик назовет его так при полицейском. Теперь он был в недоумении относительно своего места в городе. Считать себя

просто обыкновенным гражданином? А что если он попадет на полицейского, который не увидит в нем соплеменника и решит, что он из тех, кто вместо того, чтобы защитить себя самому, всегда прибегает к закону? По своей прошлой жизни он помнил свое собственное отношение к таким простакам. Однако если он защитит себя сам, пока пьяный будет продолжать выкрикивать это отвратительное слово, разве может он рассчитывать на сочувствие прохожих? Как же можно бороться в одиночку, в таком невыносимом одиночестве?

Теперь, когда дни проходили так размеренно и с таким кажущимся спокойствием, его рассудок попал в тупик, но сознание не может стоять на месте и оно работало только в одном открытом для него направлении – тщательнейшем препарировании насилия. Случалось, что он приходил в себя в самом неподходящем месте, осознавая, что сжимает кулаки, как будто участвует в кулачной драке. Его начали тревожить вопросы на жестокие темы. Как сильно нужно ударить человека, чтобы сбить его с ног? Может ли он ударить человека в подбородок и при этом не повредить себе руку? Хватит ли у него сил, чтобы сбить человека с ног? Он перемещался по городу обычными маршрутами, а город стал новым для него и чувство собственного достоинства всегда было с ним, требуя воздать ему должное.

И это нарушило свойственное ему внутреннее равновесие, отяготило его новой тайной чертой характера. Он больше не мог просто зайти в ресторан и безмятежно сесть поесть. Высокие и широкоплечие блондины, от которых, как он себе представлял, его внешность отличалась особенно сильно, нарушали его душевный покой. Когда случалось, что такие люди садились где-то рядом, он ловил себя на том, что всегда разговаривает особенно тихо и избегает повышать голос. Прежде чем взять что-нибудь на столе, он подсознательно проверял, что, протянув руку, ничего не опрокинет. Разговаривая, он держал руки под столом, хотя раньше всегда помогал себе жестами. По мимолетным взглядам, по тому, как люди отводили глаза, он пытался понять, как себя вести, потому что несмотря на постоянные напоминания себе, что начинает слишком болезненно на все реагировать, что на самом деле девять из десяти человек его не замечает, он так и не научился определять, что говорилось без умысла, а что имело двойной смысл и предназначалось для его ушей. И он чувствовал, как его жизнь становится все напряженнее. Часто, чтобы не дать повод подумать, что он скуп, он оставлял большие, чем обычно, чаевые и бывал щедро вознагражден широкими улыбками официанток. Он больше не позволял себе возиться перед кассиром, пересчитывая сдачу – прежде, он всегда так делал, но теперь – никогда. Город, люди вокруг него, каким-то образом окружали его своими мимолетными взглядами – на улицах и в общественных местах он больше не чувствовал себя таким, как все. То, что он всю жизнь делал как не-еврей, его самые невинные личные привычки, превратились в признаки чужой и порочной сущности, сущности, которая медленно, и, как он чувствовал, неумолимо ему навязывалась. И где бы он ни был, он всегда старался утаить эту сущность, отвергая ее любым известным ему способом, одновременно отрицая, что обладает ею. У него было ощущение, как будто он постоянно живет возле опор подземки, потому что он продолжал попытки определить, сколько же людей на самом деле стояло за этими насильственными надписями на них. Эти тайные газеты, как он когда-то их называл, истинное сознание миллионов, неопубликованное общественное мнение. Но даже тогда он не представлял, сколько на самом деле тех, кого ненавидят. Сколько придет ему на помощь на этой улице? Сколько дома, в его квартале? Сколько бы вышло ради него в темноту тем вечером?..

Мистер Ньюмен долго ждал когда опадут листья и включат отопление. Как северянин, он предвкушал смену времен года, как время обновления и изменений, однако освежающий зимний холод содержал ответов не больше, чем тот вечер, когда его выставили из зала.

Тем не менее, приход этой зимы затронул в нем незнакомую тихую струну. В этот раз налетевшие ветры стали слабым и все же непроходимым укреплением вокруг него, природной силой, которая не выпускала людей на улицы и надежно заключила их в рамках благоразумия семейной жизни. Он никогда не думал о зиме с такой точки зрения, и ему нравилось возникшее от этого ощущение. Город и квартал прижались к своим теплым радиаторам и оставили его в

покое рядом с собой.

Возможно он бы и смирился, или почти согласился бы так и жить без любви, однако в согреваемом паровым отоплением покое, но наступил один вечер, который был так поразительно прекрасен, что воскресил его тоску по тому невероятному взрыву чувств который он однажды испытал возле своей жены. Это был тот редкий, спокойный вечер, когда звезды отбрасывают на землю свои собственные тени, на небе нет ни облачка, а морозный воздух неподвижен. Дерево на заднем дворе, которое он видел через стекло кухонной двери, выглядело так, будто его заморозили звезды. Позади его стула шипел радиатор. С другой стороны стола Гертруда пила кофе. Его мать пила свой, слушая радиоприемник в гостиной. Он прихлебывал, не осмеливаясь поднять глаза на жену, – это стало обычным. Чем меньше кофе оставалось в чашках, тем ниже опускались их взгляды, как будто не было другой причины для того, чтобы их глаза встретились.

Но сегодня вечером, от того ли спокойствия что царило за окном, или от косметики Гертруды, он подумал, что она прекрасна и вместо того, чтобы подняться и пойти в гостиную, где присутствие матушки помогло бы избежать разговора не выходя из рамок приличий, он поставил чашку и чувствуя, что заплачет, сказал, «Герта», тем низким голосом от которого падали преграды.

Расслышав в его голосе мольбу, она подняла глаза, обиженные еще до того, как он заговорил.

Он ласково, дружелюбно улыбался. – Я часто думал, – сказал он, поднимая крошку с кленового стола, – как мы глупы. Правда, Герта, – говоря, он посмеивался, – понимаешь, у нас все есть? Не забыть ли обо всем и снова жить дружно?

Она согласилась с ним, но сочла необходимым продемонстрировать расхождение во взглядах.

– Мы бываем в разных местах, – вздохнув, сказала она.

– Да, но мы не рады друг другу. Ведь так, правда?

– Думаю да, – грустно прошептала она.

– Я часто думал, о том, что у нас есть, – оживился он. – Замечательный дом, все взносы выплачены, хорошая работа... Как насчет помириться?

Ее лицо приобрело невинное выражение, и она сморщила губы, пока они не стали мягкими, – он опасался, что она научилась этому в одном кинофильме, который они смотрели вместе, – и сказала: – Да ну, Лалли, нам не о чем мириться.

Он никогда не умел бороться с жеманством и продолжал настаивать, – Что-то все же есть. Я бы... я... мы можем немного поговорить об этом?

Она увидела его увеличенные и округленные очками глаза; его покрасневшие от кофе губы показались толстыми. Она непроизвольно втянула свои губы, чтобы разрушить любое сходство. – Лалли, мне здесь не нравится, в этом вся проблема.

Он огорченно нахмурился. – Ты имеешь в виду то, что с нами живет матушка или соседей?

– Соседей. – Она неторопливо плющила сигарету о блюдце. – Думаю, нам наверное нужно переехать. В другой город.

Предчувствуя недоброе, он опустил голову к столу, чтобы поймать ее постоянно опускающийся взгляд. – Дорогая, давай-ка все подробно обсудим. Пожалуйста... – Он пощекотал ее под подбородком, и она позволила ему поднять ее голову. – Что я могу с этим поделаться? Подумай сама. Что конкретно я могу сделать?

– Сходи к Фреду. Он не такой уж плохой, он ...

– Ты шутишь.

– Лалли, я не шучу, – защищаясь, сказала она.

– После того как он оскорбил нас...

– По правде, он нас *не оскорблял* ...

– Дорогая, он сделал это.

– Да, но... – она спорила и начали появляться пятнышки. – Лалли, мне случайно стало

кое-что известно. – Его встревожили ее краснеющие глаза.

– Что же, дорогая? – подсказал он с нарочитой мягкостью.

– Они затягивают вокруг нас петлю. Не перебивай, это так. Ты бы видел, как на меня пялятся каждый раз когда я хожу в мясную лавку.

– Кто?

– Все. Миссис Блай, миссис Кассиди и особенно та, у которой старый «паккард», с другой стороны улицы, возле угла.

– То есть, как это, пялятся?

– Вот так, пялятся. Я могу разобрать, когда кто-то пялится а когда нет. Они смотрят на меня так, будто я только приехала в страну.

– Они всегда так смотрели.

– Нет. Это именно то, что я пытаюсь тебе объяснить. Кто-то говорил с ними о нас. Я чувствую, что это продолжается. Они затягивают петлю вокруг нас, это яснее ясного. Лалли, поверь мне, они собираются выместить этот район начисто, даю голову на отсечение.

Он встревожено посмотрел на крошку, которую запихнул под ноготь.

– Что я хочу знать, – продолжила она, – так это с какой стороны метлы окажемся мы. Лалли, мы не можем сидеть, сложа руки.

Не встречаясь с ней взглядом, он сказал: – У них ничего не выйдет. Не беспокойся. – Он решительно поднял глаза.

– Что мы будем с этим делать?

– Делать нечего, только игнорировать их. Дорогая, просто так они меня не выгонят.

– Значит, игнорировать их.

– Да, просто не обращай никакого внимания.

– Хорошо, а вообще, зачем тогда я здесь? Ты рассказывал, что это такой хороший квартал, тут такие приятные люди. Я думала, у нас будут друзья, вечеринки, какие-нибудь развлечения. Я живу как лошадь, которая каждый вечер после работы возвращается в стойло.

– Мы же бываем в разных местах?

– Лалли, просто ты не такой, ты к этому не приспособлен, – сказала она и он ощутил, как она была права. – Ты не танцуешь, ты не умеешь пить, ты... просто ты не такой. – Она увидела что он покраснел. – Я не жалею на это, – я не для этого вышла за тебя замуж. Правда, не для этого. Но я все же думала, что ты будешь другим...

– Но я... – слабо начал он.

– Но у тебя нет друга в квартале. Лалли, у тебя нет друга.

– Но, дорогая, я не обманывал тебя. Я ходил играть в кегли с Фредом, и... Он увидел жилу на ее шее.

– Об этом я и говорю. Если честно, ты можешь представить, что теперь в этом квартале тебя кто-нибудь пригласит к себе?

Он думал.

Она поняла, что убедила его.

– Именно это я имела в виду, – подвела черту она и удовлетворенно откинулась на спинку. – Или мы переедем и найдем новых друзей или мы найдем кого-нибудь здесь.

– Хорошо, я... я... – начал он рассеянно, – я... лучше всего в воскресенье. В воскресенье люди не сидят дома. Блай неплохой парень. Мы что-нибудь придумаем, мы... – Но он представил себе воскресенье и замолчал.

– А что будет, если он не захочет? – спросила она.

Теперь он посмотрел на нее. Он заговорил тонким голосом, как всегда, когда оправдывался. – Ну не все же они в организации.

Она наклонилась вперед и оперлась на локти. – Лалли, – сказала она тихо и терпеливо, – люди не пялятся на тебя так, если их не подговорили.

Она снова откинулась назад и посмотрела в его застывшие глаза. Ее голос стал грустным. – Лалли, я думала, ты устроишь мою жизнь. Я думала, что не буду ходить на работу и буду заниматься домом. У меня даже не было возможности приготовить тебе что-нибудь. Я

хорошо готовлю. Я даже не могу повесить новые занавески. Все что было, так это только неприятности и неприятности.

Она ждала, но его взгляд не изменился.

– И я не против работы, – сказала она через минуту.

Он не отвечал. Она прикурила следующую сигарету и, выдувая дым, бесцельно глянула в сторону двери.

Он долго рассматривал ее профиль. Потом сказал: – Дорогая? Выдыхая дым, она повернулась. Он видел, что она подавляла свой интерес к тому, что он собирался сказать, и знал, что она хотела бы обсудить ее уход с работы. Он должен был спросить, не поэтому ли она вышла за него замуж, но каким бы ни был ответ, он бы ничего не изменил, поэтому он продолжил. – Я хочу рассказать тебе еще кое-то, – сказал он.

– Что?

– Представь себе, что я пошел к Фреду?

– Да.

– Давай, я начну по-другому. Тогда я разговаривал с Финкельштейном.

– Да.

– Я знаю наверняка, что он не собирается переезжать отсюда что бы ни произошло.

– Если у него никто ничего не будет покупать, он очень быстро уедет отсюда. Они не задерживаются там, где нет денег.

– Но у него покупатели в районе четырех кварталов отсюда.

– И у Фронта тоже есть члены в районе четырех кварталов отсюда. Они сделают так что он и гроша в день не заработает.

– Сомневаюсь. Большинство людей не пойдут за десять кварталов в другой магазин лишь бы насолить ему.

– Они и милою пройдут, если будет подстроено так, что будет стыдно, чтобы тебя увидели выходящим из этого магазина.

– Сомневаюсь.

– Ты можешь сомневаться, но я говорю, что так бывает. В Лос-Анджелесе они везде так делали с евреями.

– Правда?

– Ну да. Ты же не покупаешь у него.

– Да, но... ну, я держусь стороны не потому, что мне так сказали.

– Тогда почему же.

– Ну, я просто не поладил с ним, вот и все.

– Ты ладил с ним, пока Фронт не начал говорить, чтобы ты не ладил с ним, ведь так?

– Ну, нет, я... – Он запутался. Действительно ли он делал именно то, что его заставляли делать. Он не смог сразу вспомнить, когда он решил больше ничего не покупать у него.

– Вот так это и делается, – сказала она. – Люди просто решают, что покупать у него небезопасно и очень скоро он банкрот. А вот что я не понимаю, так это почему ты не пойдешь к Фреду и не расскажешь ему что ты по этому поводу думаешь и не разделаешься со всем этим. Мы напрасно страдаем. Не понимаю, почему ты это не сделаешь.

– Потому что я... ну, я не верю, что Финкельштейн уедет отсюда, пока они не избьют его так сильно, что он ничего не сможет сделать, кроме как закрыться.

– Ну и?

– Ну... я не думаю, что это правильно. Я хочу сказать, что не знаю хочу ли ввязываться во все это.

– Да, но если они узнают твою точку зрения, тебе не нужно будет ни о чем беспокоиться.

– Но я говорю о том, правильно ли это будет, если они избьют Финкельштейна?

– Ну, ведь он сам напрашивается, правда? Они то и дело предупреждают его, чтобы он переехал.

– Я знаю, но...

– Когда человека предупреждали, это не то же самое, как если бы они набросились на

него без предупреждения.

– Ты не понимаешь, о чем я говорю, – объяснил он, – я задаю себе вопрос правильно ли это с их стороны даже предупреждать его.

– Ну... что ты имеешь в виду?

– Я имею в виду... ну, возьмем, например, нас. Думаю, ты согласна, что нас предупредили. Фактически два раза...

– Да, и именно поэтому я говорю, чтобы ты шел к Фреду.

– Подожди минуту, дай мне закончить. Нужно посмотреть с обеих сторон. Нас предупредили. Как тебе кажется, теперь они имеют право указать нам, где мы должны жить?

– Да, но ведь мы же не евреи, правда?

Он не мог ее переубедить. Он не знал как заставить ее понять и почувствовал, как непривычен ход его мыслей и что никто кроме него не смог увидеть происходящее под таким углом. Она продолжала говорить...

– ...этот район. Никто не просил его сюда приезжать, правда? Он знал, что в этом районе живут христиане. Ты же не будешь с этим спорить?

– Да, но... Вот что я имею в виду. Если бы был такой закон, я бы сказал, что все правильно. Но это небезопасно, когда какие-то люди сами решают такие вещи.

– Если бы так поступало больше людей, ты бы не задумывался. Вот увидишь, придет время, когда будут особые районы из которых им будет запрещено выезжать, или даже специальные штаты.

– Ну это чушь. Где ты об этом слышала?

– Какое-то время, на Западном побережье об этом все говорили.

– Это у них не выйдет, – нервно отверг он эту мысль.

Теперь она нахмурилась. – Лалли, я тебя не понимаю. Без шуток, я не понимаю тебя. У тебя какие-то мысли.

– Единственная моя мысль состоит в том, что я не желаю, чтобы кто-то выгонял меня из моего собственного дома. Я купил этот дом, я заплатил за него и никто не может указать мне, жить в нем или нет. Тем более не эта банда душевнобольных.

– Если ты сходишь к Фреду, никто тебя не будет выгонять.

– Дорогая, я не собираюсь ползти на коленях к Фреду, чтобы получить разрешение жить в своем доме. И хватит об этом. – Он попытался улыбнуться, чтобы смягчить свой категоричный тон.

Она не поняла. – Ты хочешь сказать, что тебя не интересует, что происходит в квартале, это ты имеешь в виду?

– Финкельштейн никогда никому не мешал. Если бы существовал такой закон, по которому он не мог бы здесь жить, тогда... ладно. Но...

– Как это он никому не мешал? Почему же тогда все против него?

– Ты знаешь, почему они против него.

– Ну а ты, сам, против него? – тихо спросила она.

– Ну, я... да, я хотел бы, чтобы его здесь не было. Но он здесь и я не имею никакого права заставлять его отсюда выезжать.

– Но ты сам попросил его выехать.

– Да, попросил... но... да, я хочу сказать, что я не имею никакого права выгонять его. – Это, в конце концов, было то, что он имел в виду, почувствовал он. И ухватившись за эту мысль, он дотянулся до нее и крепко схватил за руку. – Люди имеют право *попросить* человека переехать, но они не имеют право *заставлять* его переехать.

У него голова кругом пошла. Это тоже было не правильно. Что люди имеют право сделать еврею? Почему он спотыкается на этом когда размышляет на эту тему? Раньше ему было совершенно ясно, что их просто нужно запугать, чтобы они уехали оттуда, где в них не нуждаются. Но теперь эта картина сжала что-то внутри него, и он не мог сказать ни слова, потому что представил помешанные лица в том зале...

Он видел, что она ждет чтобы он объяснил свои слова. Это было так нереально

попытаться ухватиться за ее чувство... хотя бы... доброты. Она была доброй, он знал. Она бы никогда не хотела кровопролития. Даже для еврея.

– Ведь ты бы не хотела, чтобы его ранили, правда? – спросил он, как будто это могло изменить ее отношение.

Она посмотрела вокруг и отклонилась назад. – Что ж, я не говорю, что это лучшее, что может случиться, но если это единственный способ чтобы...

Он засмеялся. – Ну, давай, давай, ты же знаешь, ты бы не хотела этого.

Она посмотрела по сторонам и открыла рот, чтобы говорить и снова закрыла его. Что-то в нем кричало, что она не должна больше ничего говорить или ему придется откровенно признать, что все это время он говорил ни о ком ином, как о себе самом и о ней. И тогда не будет никаких разговоров о визите к Фреду – ему просто придется спасти ее.

Он быстро и шумно хлопнул лежащими на столе руками и сказал: – Я предлагаю пойти в кино.

В ответ она посмотрела на него, обдумывая что-то такое, что находилось вне комнаты. – Послушай, – сказала она.

– Что.

– Остается одно. Я давно думала, но все никак не хотела этого. Но теперь думаю, лучше мне сделать это.

– Что, дорогая?

– Я пойду к Фреду и...

– Нет, дорогая.

– Подожди минуту. Он не знает кто я такая. Я не хотела, чтобы он знал. На остальную жизнь я хотела остаться обыкновенным частным лицом. Я думала, что это движение успокоилось в Калифорнии, но оно разрастается вместо того, чтобы уменьшаться. Я схожу к нему...

– Нет, дорогая, ты этого не сделаешь.

– Я скажу ему кто я такая. Я могу назвать имена, которые он знает. Мы подружимся с ними раз и навсегда и посмотрим, что из этого выйдет.

Он решительно покачал головой. – Нет, – сказал он.

Ее вздох поразил. – Лалли, я говорю да.

– Ты не пойдешь к нему. Мне не шесть лет, а он не мой отец. Давай, идем в кино.

Он встал. Она осталась в кресле, размышляя.

– Герта, я запрещаю тебе. Категорически. Я запрещаю.

Она встала и, раздраженно вздохнув, ленивым движением поправила прядь волос. При этом она подняла руки, и стали видны очертания ее груди, и он затосковал по ней и по тем временам, когда они ждали только когда наступит ночь. Он поднялся и подошел к ней вокруг стола.

– Герта, давай забудем об этом, – глядя ей в лицо, тихо попросил он.

Она опустила руки и задумчиво моргнула, потом подняла глаза вверх. Он взял ее руку и поцеловал. Он улыбнулся над этим нелепым жестом и над собой и отпустил руку.

– Давай. Пойдем в кино и забудем об этом.

Она позволила своему рту улыбнуться и уклонилась от его взгляда. – Хорошо, пойду переоденусь, – сказала она и вышла из кухни, безразличная и обиженная.

Он смотрел на нее, пока поднимаясь по ступенькам, она не исчезла. В гостиной он видел мать, которая, откинувшись назад, сидела в инвалидном кресле и, закрыв глаза, слушала звучащий по радио вальс.

Он повернулся и по желтому линолеуму пошел к дверям кухни и выглянул на пустой задний двор. Он получил заряд бодрости и на этой волне понял, что не должен потерять Герту. Какие бы недостатки у нее ни были, она нужна ему – если она когда-нибудь покинет его, ему будет нужна другая женщина. Чистота неба и оголенные ветки деревьев принесли ему ощущение перспективы, как будто с этой пустоши может начаться безупречная жизнь, не оскверненная всеми предыдущими событиями. Сегодняшний вечер станет началом. Заставит

ее забыть весь этот кошмар, подумал он, даст возможность просто наслаждаться тем, чем они обладают в избытке. И тогда настанет покой. Если хочешь покоя достаточно сильно, понял он, можешь обрести его.

Он отвернулся от дверей, как раз когда она спускалась вниз по ступенькам, и очень сильно почувствовал вокруг себя уединение, которое принесла зима и это ощущение отгородило его от мира за плотно закрытыми окнами. Он вошел в гостиную навстречу ей, в его улыбке волновалась давнишняя слабая тоска по счастью.

Обрамляющий лицо мех смягчил выражение ее лица. Они шли, и он наклонился и провел своей головой по ее лисьему воротнику. Она удивленно посмотрела на него и позволила себе улыбнуться.

Он засмеялся.

Низкая луна скрывалась где-то далеко за домами. Он поискал и не нашел ее. – Герта, посмотри на звезды, – сказал он.

Она посмотрела вверх. – Красиво, – сказала она.

Он прижал ее руку к себе. – Тебе не холодно?

– Нет, на улице хорошо. Пойдем в Беверли, а? – предложила она.

– С удовольствием. В любом случае это близко. Что там сегодня?

– Не знаю, но мне надоели мюзиклы. Они все одинаковые. В Беверли фильм с этим новым актером... как его?

Они миновали магазин Финкельштейна и она не напряглась. Магазин казался красивым и теплым. Через стекло двери он увидел Финкельштейна, который сидел там вместе с дочерью, которая читала юмористический журнал.

Они повернули за угол на широкий, отделенный деревьями от дороги тротуар, который в этом районе проходил через многочисленные, разделяющие дома незастроенные пустыри. Через несколько кварталов в этом направлении находилась оживленная улица с двумя кинотеатрами в нескольких кварталах друг от друга. У него мелькнула мысль, что это хорошо, что Финкельштейн работает допоздна.

– Я понимаю, кого ты имеешь в виду, но я всегда забываю имена актеров, – сказал он ей.

Она увлеченно говорила о новой звезде. Ее привлекало, что по сравнению с другими, у того отсутствовал шик. – Он похож на обыкновенного человека, такого как он можно встретить где угодно, – сказала она.

Они прошли квартал и увидели огни магазинов в шести кварталах впереди. Реклама фильма, которую они еще не могли разобрать, подсвечивала снег на фоне ночного неба. Постепенно его внимание сосредоточилось на широком темном стволе дерева на следующем углу. Но оно выбивалось из общего ряда других деревьев... Вот оно сдвинулось с места, превратилось в силуэты нескольких мужчин, которые стояли группой беседуя. Или это были подростки?

– Что ты скажешь насчет того, чтобы поехать куда-нибудь далеко? Например в Голливуд? – не поворачиваясь к ней, сказал он.

– Там дешево жить, – вглядываясь в группу на углу и не поворачивая головы, пробормотала она.

– Я имею в виду съездить на время. Это правда, что там можно купить карту, на которой показано где живут все звезды?

– Беверли Хиллз. Но у нас никогда не будет столько времени чтобы туда съездить.

– Кто знает.

– Пока мы не уехали отсюда насовсем, – сказала она едва слышно, когда они приблизились к группе на углу.

Это были мужчины, теперь он видел это. Ему хотелось пройти мимо них продолжая разговор, но его тело напряглось и приняло неестественно ровное положение и он вел Гертруду мимо них молча и смотря строго вперед. Они продолжали идти так еще с минуту. Его сознание уловило, как цокали по тротуару ее высокие каблуки, неритмично смешиваясь с

его размеренными шагами.

Не поворачивая головы, она тихо сказала: – Почему это они перестали разговаривать?

– Разве?

– Ты узнал кого-нибудь из них?

– Нет.

– Ты что не слышал, что они замолчали?

– Нет, я ничего не заметил, – непонятно почему соврал он.

– Зачем это они стояли на холоде?

– Наверное вышли все вместе откуда-нибудь, – сказал он.

Почти квартал они шли молча.

– Давай поговорим о поездке, – сказала она.

Он не смог ничего ответить.

Напряженные, они подошли к кассе кинотеатра. Он купил билеты, а она, тем временем, прошла в вестибюль. Он положил сдачу в карман и присоединился там к ней и они вошли в темноту кинотеатра. Она придерживала вместе края воротника пальто возле шеи даже после того, как они вошли вовнутрь. Он заметил это, когда шел за ней по проходу между креслами.

Она не спорила с билетером о местах, как бывало иногда и сразу села там, где он показал. Он сел рядом. Она так и не убрала руку от воротника и сидела, соединив его края вместе.

Ему потребовалось некоторое время, чтобы вникнуть в кинофильм, половина которого, как он понял, уже прошла. По мере того, как экран отвлекал на себя его внимание, Гертруда постепенно отошла на задний план и в темноте он устроился поудобнее.

Дикое поле, пустое ранним утром.

Появившиеся два низких куста приближаются. Из-за них поднимается мужчина. Он избит и похоже только что пришел в сознание.

Он трогает свою руку и начинает идти.

Он на дороге, подходит к дому, заходит в него. Теперь он идет медленно, с трудом.

Внутри дома одна комната. Это небольшой дом в крестьянском хозяйстве. (В Европе?) Очень бедная лачуга.

На кровати в углу лежит фигура. Мужчина подходит к ней. Это спящая женщина. Он долго смотрит на нее.

Потом он закрывает ее лицо одеялом. Значит она мертва. Он поворачивается и некоторое время размышляет – вот он выходит из дома на дорогу.

Улица в очень бедной части какого-то европейского города. Дома на улицах заколочены досками; виднеются надписи на польском или на русском языке. (Должно быть на польском.) Старик с седой бородой двигается по улице вдоль стен зданий. Он несет книгу и одет в черное, на нем широкополая шляпа.

Он свернул в дверной проем и поднимается по узким ступенькам.

В квартире сидят и ждут восемь или десять человек. Среди них стоит священник и бормочет про себя молитву.

Теперь в комнату входит седобородый старик, и все люди поднимают глаза. Он подходит к священнику и садится рядом с ним.

Ньюмен растерялся. Он не знал что именно в фильме его встревожило. Потом он заметил, что необычно много зрителей вокруг шепчутся. В нескольких рядах позади него какая-то женщина говорила, фактически не понижая голос.

Теперь бородатый старик начал разговаривать со священником. Он выяснил, что немцы планируют повесить «их» несколько позже. Священник думает, и затем говорит, что теперь им пришло время действовать.

Старик поднялся на ноги и открыл свою книгу. Мужчины и женщины в комнате смотрят на него с мольбой. Он начинает молиться, и немного раскачивается в то время, как его губы произносят иностранные слова. Священник стоит на коленях со склоненной головой и тоже молится.

Зрители медленно, непрерывно шевелились. Никто не кашлял. Это движение не было

связано с перемещением тел. Ньюмен рассматривал экран и неожиданно вся картина попала в фокус.

Этот старик был раввином, это точно. А люди в комнате были евреями.

Мужчины молились, не снимая шляп, а головы женщин были покрыты платками.

Теперь весь экран занят фигурой коленапреклоненного священника. Он молится и его лицо обращено прямо к зрителям.

Позади Ньюмена с грохотом опустилось сиденье...

Снова показана вся комната. Священник поднимается на ноги. Вместе с раввином он ведет людей через двери из квартиры.

Ньюмену показалось, что его глаза увеличились до размеров зрительного зала. Он видел то, что видели сидящие вокруг него люди, и он видел это их умами. Он знал почему шумел зрительный зал. Персонажи были евреями и в основном их играли актеры с приятной внешностью. Хотя и смуглые, но ни у кого из них не было крючковатого носа и кривой ухмылки и зрителям это не нравилось. Экран снова овладел его вниманием...

Теперь небольшая группа людей идет за священником и раввином по улицам города.

Они подходят к площади. В ее центре стоит ряд высоких виселиц. Вокруг виселиц стоит много немецких солдат. Больше на площади никого нет.

По направлению к виселицам эту пустую площадь пересекает процессия. Теперь появляются заключенные, которых должны повесить.

Раввин и священник останавливаются возле немецкого офицера. Раввин начинает говорить. Он говорит, что эти заключенные невиновны. Он говорит, что они не должны быть убиты только потому, что они евреи.

– ХА!

Этот одинокий нарочитый смешок звездой пролетел через темный зал. Он раздался справа за мистером Ньюменом. Повернулись головы. В третьем ряду спереди спиной к экрану встал человек. Мистер Ньюмен не видел его лица, но тот, казалось, разглядывал зал. Потом он сел.

– Кого ты ищешь, Изя?

– Мистер Ньюмен не повернул головы. Все люди вокруг него поворачивались, чтобы посмотреть. Некоторые продолжали сидеть неподвижно, глядя на экран.

В кинокартине священник запрыгивает на помост с виселицами. Среди немецких солдат, которые пытаются забраться наверх и стащить оттуда священника, начинается большой беспорядок.

Священник кричит, что это не по-христиански убивать этих людей и что истинные христиане не могут осмелиться принять в этом участие. Теперь солдаты стаскивают его с помоста... Он старается, чтобы его слова были услышаны... Старый раввин падает, у него изо рта течет кровь...

В зале, вверх и вниз по проходам, наблюдая за зрителями, ходили два билетера. Они продолжали медленно прохаживаться. Мистер Ньюмен больше не видел экрана. Теперь движение охватило весь зал, вокруг себя он слышал вздохи.

Его кулаки разжались, когда на экране появились большие развевающиеся флаги – американский, британский, русский и другие. Играл оркестр. На экране появилось, а потом погасло слово «КОНЕЦ».

На экране появились цветные буквы «WB». Мультфильмы.

Зрители смеялись, что-то бормотали. *На экране по лесу идет знакомый маленький поросенок с очень тяжелым ружьем. Сразу за ним на самокате едет кролик.*

Рассудок мистера Ньюмена отвергал яркие и веселые краски мультфильма. Через некоторое время он взглянул на Гертруду. Она сидела, продолжая прижимать пальто к шее.

Экран как будто распахнулся, высунулось пухлое лицо поросенка и, размахивая на прощанье своей маленькой лапкой, он, смешно заикаясь, провизжал: – В-во, в-во, в-во, в-во и все, ребята!

И, фыркнув от смеха, он исчез.

Когда Гертруда начала подниматься, мистер Ньюмен почувствовал на своей ноге давление. Он мельком глянул на нее, когда она встала, и торопливо вскочил. Они выбрались в проход, и он держался позади нее в то время как она большими шагами шла к выходу.

Рекламные огни уже были погашены. Только слабый отсвет из вестибюля отпугивал ночь от тротуара перед кинотеатром. На краю тротуара стоял горбатый старик с пачкой газет под мышкой. Ньюмен узнал в нем того горбуна, который продавал газеты перед тем собранием в зале. На нем была все та же широкополая шляпа, но теперь, в левой руке, показывая людям выходящим из кинотеатра, он держал газету под названием *Бруклин Тэблит*. В нескольких метрах от него, возле бордюра, повернувшись к пустому вестибюлю, стояла группа из пяти молодых парней и мужчины постарше.

Ньюмен понял, что эти пятеро сопровождали продающего газеты старика. Ему достаточно было только взглянуть на них, чтобы все понять. Они не слонялись без дела. Они наблюдали за вестибюлем. На секунду его глаза задержались на лице мужчины постарше. Затем он вышел за Гертрудой. Она шла быстро.

Теперь их окружила ночная темнота. Снова он прислушался к ее каблукам, цокающим с ним не в ногу.

Они молча прошли два квартала и подходили к третьему, когда он заговорил.

– Я не знал, что было в репертуаре, – извинился он.

Она резко выдохнула через нос.

– Герта, перестань быть такой.

До сих пор он не брал ее за руку. Он осмелился сделать это сейчас, как будто опасаясь, что она может от него убежать. Она вырвала свою руку. Теперь они шли довольно быстро.

– Герта, ради Бога, что ты от меня хочешь?

Она снова выдохнула воздух через нос.

– Прекрати! – сказал он резко, и схватил ее за локоть. Она остановилась и в темноте посмотрела на него.

Спокойно, очень желая, чтобы она ему поверила, он сказал: – Не глупи. Ничего не случится.

Она повернулась и снова пошла, но теперь более официально. Он продолжал держать ее за локоть, потом скользнул рукой под ее руку и прижал ее ближе. – Герта, мы ни в чем не виноваты.

– Ты не принимаешь этого всерьез. Никогда не принимал.

– Не понимаю, что ты хочешь, чтобы я принимал серьезно...

– Иди и поговори с Фредом. Я хочу чтобы ты пошел, слышишь меня? Они просто ждут конца войны, чтобы развернуться.

– Мне больше нечего сказать Фреду.

– Тебе много есть чего сказать. – Она говорила в такой всеобъемлющей тишине, что казалось, будто их подслушивает окружающая темнота. Пустыри между домами тонули в черных, сгорбившихся над кучами привезенной земли, тенях. Машин на дороге совсем не было, только изредка проезжал какой-нибудь большой грузовик. Ее голос был полон силы. По тому, как она выставила свою голову вперед, он мог представить, как сейчас были напряжены ее глаза. Он подумал, что так она была похожа на мужчину. – Тебе есть много чего сказать, – утвердительно кивнув, повторила она, – много чего.

Он не знал, что ей ответить. Они уперлись в ту же глухую стену. Они продолжали молча идти.

– Ты меня слышишь? – настаивала она.

Он подождал мгновение, обдумывая свои окончательные слова. Ему хотелось, чтобы сейчас они не были одного роста, а, чтобы он был выше нее, и мог авторитетно посмотреть на нее сверху вниз и заставить ее согласиться. Он вообще не смотрел на нее и говорил в такт своим размеренным шагам: – Герта. Я собираюсь сделать только одно.

Она слушала. Она почувствовала его решимость.

– Я собираюсь жить так, как жил всегда. Я не собираюсь многого менять. Думаю, ты

понимаешь, что я не верю в то, во что верит Фронт. Мне кажется, что по-настоящему я никогда и не верил.

– Дело не в том, во что они верят...

– Понимаю, но дело именно в этом. Они делают то, во что верят. Даже если бы они решили, что со мной все в порядке, я все равно не смог бы их поддерживать.

– Не смог бы?

– Нет.

Они пересекли четвертую улицу. В двух кварталах от них, он разглядел тусклый свет в магазинчике. Теперь он начал глубже вдыхать и шагнул на тротуар. – Я не смог бы, – сказал он, – и ты тоже не смогла бы. Ты слишком хороший человек.

Она не отзывалась. Он ждал. Он чувствовал, как ее разум подыскивал слова.

– Лалли, ты слишком много говорил с ним, – неторопливо сказала она, слабо кивая на свет впереди.

– Последний раз, когда я попросил его выехать, – быстро заверил он ее.

– Если послушать их, они никогда не делают ничего плохого. Они всегда невинные ягнята, как в этом кинофильме. Однако там не показывают то, что они делают на самом деле.

– Герта, ты не права. В этом ты не права.

– Ты слишком много говорил с ним.

– Я не говорил с ним слишком много. – Его голос стал выше, что свидетельствовало о его несогласии. – Тем не менее, я сам думал. И ты тоже должна подумать. Просто я не считаю, что это правильно, чтобы какие-то люди шатались вокруг и избивали их. Я не считаю, что это правильно и не буду иметь с этим ничего общего.

– Ты не видел, чтобы Фред шатался по улицам. У него есть положение. Ты не воспринимаешь это достаточно серьезно. А я говорю и говорю тебе об этом.

Они пересекли пятую улицу и шагнули на тротуар. – Я рассказал тебе все, что мог, – сказал он. – У нас есть дом и хорошая работа и... И думаю если война скоро закончится, ты сможешь перестать работать.

На самом деле он не собирался говорить этого, но получилось хорошо, – ее рука смягчилась, и она привлекла его ближе к себе.

– Ты это серьезно? – возбужденно спросила она.

Она сейчас наверняка улыбается, счастливо подумал он. – Конечно, милая, я...

Этот звук был слабым. Легкий удар от падения капли дождя. Но он прозвучал. Слова замерли у него на языке и он остался с открытым ртом. Он снова его услышал. Слабый стук подошв по тротуару. Их несколько... в ногу... теперь не в ногу...

Позади него. Возможно в четверти квартала. Несколько... он не смог разобрать точно, сколько их быстро шагало по тротуару. Он подсчитал их... пара... две... три... сбился со счета и ритм шагов смешался. Она приподняла голову. Машинально их походка снова стала очень неестественной. Они незаметно – по сантиметру на шаге – стали идти быстрее.

Почему-то он не сомневался, он знал это... Между идущими позади и им самим существовала мысленная связь. Группа людей никогда не идет без разговоров. Их молчание позади, заставляло темноту дрожать, и эта дрожь передавалась его спине.

Они пересекли шестую улицу, поднялись на последний тротуар. На следующем углу они повернут налево в свой квартал. Ньюмен увидел желтый свет магазина который манил к себе, как двери в конце коридора во сне. Свет заполнил его сознание, ослепил его надеждой в то время, как за спиной стучали шаги. Они шли к Финкельштейну. Это именно так. Если они преследовали именно его, то, чтобы напасть, это место было не лучше и не хуже любого другого. Например, раньше, там, где пустыри занимали полквартала. Сегодня они шли к Финкельштейну. Бедняга... ну, он не должен был селиться там, куда его никто не звал. Хотя нехорошо будет, если малышка все еще там, но уже поздно и возможно она уже спит. Слава Богу, что есть Финкельштейн. Представить только, что в квартале не было бы никого такого... Теперь ему придется бежать, бежать, как он только может быстро... Бедняга, бедный еврей... Эти парни были крепкими, их мышцы так и выпирали из-под свитеров – спортивные ребята.

Кем был тот мужчина постарше? Именно так они это и делают. Мужчина постарше для руководства, чтобы ребята не перестарались. *Господи*, они не спешили! Шли совсем медленно. Почему они не идут быстрее, не догонят и не перегонят его и не пойдут дальше? Толково. Наверное, они выжидают позади, чтобы дать им возможность зайти в дом, прежде, чем они приступят к делу. Нельзя, чтобы им пришлось слоняться вокруг магазина. Пришли, а потом, бац. И время самое подходящее. На улицах никого. Может нужно остановиться и пропустить их вперед, теперь они были уже гораздо ближе, не больше, чем в десяти метрах, если не ближе. Нет, он не мог остановиться здесь в темноте. Не замедлять шаг. Не подпустить их, так близко, чтобы они заговорили. Продолжать идти. Боже, но Герта и умеет ходить. Ее рука, как камень. Ее сердце... ее сердце не должно так биться, подумал он... Почему сердце у нее бьется как...?

Они вышли на угол и, почти не замедляя шаг, повернули, продолжая идти по своему кварталу. Они были на противоположной от магазина стороне улицы. Компания позади них, как раз теперь должна была переходить, переходить... как... раз... теперь.

Теперь.

Теперь.

Теперь!

– Эй, Мойша, куда это ты так спешишь?

Это был тот мужчина постарше... низкий, флегматичный голос. Широко шагая, он ни разу не споткнулся, Гертруда крепче прижалась к нему. Это было недостойно. Несмотря на весь свой страх, он отказался идти быстрее, они шли уже достаточно быстро, – вот если бы шел дождь, тогда они с Гертрудой могли бы пробежаться до самого дома.

Шум бега сзади. Смех парня. Они появились перед ним... вокруг него. Уголком глаза он заметил, что уличный фонарь разбит. Только свет из магазина освещал симпатичное лицо и зеленый свитер самого высокого из парней... что-то сверкнуло вокруг его левой кисти. Их было пятеро. Двое за спиной, трое спереди. Мужчина постарше стоял вне круга и, утирая нос, наблюдал.

Высокий парень стоял, расставив ноги. Он улыбался. – Что за спешка?

– Я...

– Вот оно что! – поддразнил большой парень.

Он почувствовал руку у себя на спине. Он быстро повернулся назад, потрясенный происходящим. – Прекрати! – резко приказал он. Его челюсть дрожала.

Он снова услышал за собой шум бега, повернулся и увидел, что большой парень и двое других побежали к магазину Финкельштейна, увидел, как они помчались туда и получил удар кулаком в голову сбоку. Он упал на землю и с трудом увернулся от приближающейся к его лицу ноги. Он поднялся, и пальто на нем распахнулось. Мужчина толкнул его сзади, навстречу подходившим к нему двум парням. Не замахиываясь, Ньюмен ударил и попал одному парню по руке и парень неожиданно рассердился, и, рассвирепев, сильно ударил ему в ухо. Он повернулся и упал возле бордюра и снова с трудом поднялся. Снова он почувствовал на спине руки старшего мужчины, и тот снова толкнул его на идущих к нему двух парней. Он начал поднимать руку, когда почувствовал, как его пальто начало заворачиваться на спину. Неожиданно поняв, он сбросил его с плечей и выскользнул из рукавов, прежде, чем оно было наброшено ему на голову... он видел в кино как это делалось, поразился, что это делали с ним, изнутри на него нахлынуло отвращение от того, что они так с ним поступают...

Он вырвался, перед ним было свободно. Куда подевалась Гертруда? Он отбежал на десять метров и оглянулся. Они, пританцовывая, приближались к нему с поднятыми кулаками. Он увидел, что они делают все очень умело, почувствовал руководящее присутствие старшего мужчины, который теперь был между приближающихся парней, что-то бормотал им, утирая нос внешней стороной большого пальца. Они уже подходили. Он не мог убежать, не мог бежать к дому, чтобы парни гнались за ним. Это было неприлично и унижительно для него, и он стоял на месте, и вдруг увидел, что его рука указывала, указывала на магазин.

– Туда! – закричал он, услышал свой голос и умолк.

Они не обратили внимания на его жест. – Туда, – пробормотал он, лоя воздух пересохшим ртом. Он махнул им рукой, чтобы они ушли, глупый женоподобный жест, подумал он, продолжая, однако, отступая, махать им, в то время, как они обходили его с двух сторон, а впереди шел мужчина. Если бы они просто повернулись, пошли в магазин... его колени были готовы подкоситься в мольбе, он почувствовал отвращение к себе из-за того, что махал им по направлению к освещенным окнам за их спинами...

Магазин взорвался. В тишину изверглась гигантская глыба звука из одной глотки, из магазина вырвался мощный рев, и на тротуар в огромном прыжке выпрыгнул Финкельштейн, с битой в каждой руке, за ним выскочили трое, которые, не попадая в него кулаками, пытались схватить его за одежду. Подобно длиннорукой машине он изо всех сил бил их битами, они увертывались почти играючи, грациозно, следя за шагами друг друга, завидуя друг другу, улыбаясь, наслаждаясь забавой...

Ньюмен почувствовал, как ему в живот ударил ботинок, ботинок на толстой подошве, он отлетел от удара назад и живот так и остался сплюснутым. Стук высоких каблуков. Он резко повернул голову. Она бежала... *Гертруда... Гертруда!* Теперь они отделили его от Финкельштейна. Он почувствовал, что когда на улице появились свистящие в воздухе биты, их настроение изменилось. Они больше не обходили его с разных сторон, а хотели все закончить и он побежал вокруг них к тротуару, резко остановившись, когда один из них попытался перехватить его, и побежал прямо к Финкельштейну, крича, чтобы тот узнал его. Финкельштейн ни разу не повернулся к нему, но его левая бита перестала вращаться и протянулась к нему. Он схватил ее за верхушку, и почувствовал мощный удар чем-то металлическим сбоку в голову, и на нетвердых ногах поковылял в сторону тротуара, где налетел руками на бордюр. – Сукин сын! – закричал он дискантом, его голос был как будто покрыт чем-то противным, а он бежал куда глаза глядят со света, припадая к земле, слыша за собой топот ног. Затем, выровняв равновесие, и, крепко взяв биты обеими руками, он на бегу, резко развернулся вокруг себя и почувствовал, как ударил в плотное податливое плечо. Казалось, что внутри него опрокинулась гигантская стена, и мощный поток серебристого света очистил его тело. Его брюки были мокрыми и он знал это и все же он снова замахнулся и ругая себя за то, что промахнулся, выкрикнул: – *Ах ты ж сукин сын*, – и пошел на парня в зеленом свитере который, начал отступать... Теперь кричал мужчина постарше. Ньюмен повернулся на крик и побежал, как будто стал легче, даже вообразив, что лишился пальто только сейчас, и старший мужчина увернулся, но он не преследовал его, а продолжал бежать к Финкельштейну. Теперь возле Финкельштейна было только двое, но, когда его коренастое тело следовало за каждым взмахом биты, из его носа продолжала брызгать кровь. Теперь они стояли вместе, спиной друг к другу. Четверо оставшихся парней по двое одновременно бросались на биты с кулаками и отступали, когда твердое дерево попадало им по рукам...

– Хватит.

Даже не крик. Это было так удивительно отрететировано, что мужчина постарше лишь сказал, хватит, и парни расслабились, оставаясь настороже, продолжая держать оборону, и отступили назад, образовав аккуратный круг.

Мужчина стоял полностью на свету возле магазина. Он понял это и шагнул в сторону, в темноту. Прозвучал его голос: – Ладно, еврейские ублюдки. Это была разминка. Ребята, поехали.

Тот, что был в зеленом свитере, почти плача, позвал: – Я не могу.

Мужчина вышел на проезжую часть и направился к нему. – Мы уходим, пошли.

Он взял парня за руку. Мистер Ньюмен и мистер Финкельштейн стояли, тяжело дыша, в центре улицы. Их спины почти соприкасались и они все еще держали биты в руках, как багры. Они наблюдали, как круг вокруг них отступил к углу. Теперь они слышали свое собственное дыхание и слышали дыхание парней и мужчины, который зажал одну ноздрю и высморкался на тротуар. На углу все пятеро перестали отступать и, повернувшись, скрылись в темноте аллеи.

Мистер Финкельштейн был полностью поглощен наблюдением за углом. Мистер

Ньюмен повернулся, так, чтобы посмотреть на угол и стал рядом с ним. С минуту они стояли так, выжидая.

Мистер Ньюмен посмотрел на лицо мистера Финкельштейна и увидел, что у того из одной ноздри течет кровь. Он вынул носовой платок и приложил к носу мистера Финкельштейна. Взяв платок и прижимая его к носу, мистер Финкельштейн повернулся и, как пьяный, направился к магазину. Мистер Ньюмен молча пошел за ним и они вошли внутрь.

Мистер Финкельштейн присел на деревянный табурет и, убрав на миг носовой платок от носа, посмотрел, сколько вытекло, запрокинул голову назад и снова прижал платок к носу. Он продолжал крепко держать биты, уперев ее толстым концом себе в бедро.

Ньюмен подошел к нему и взялся за биты, но Финкельштейн не отпустил. Ньюмен взглянул на его направленные вверх глаза, его напряженные и беспомощные глаза и прекратил попытки забрать биты. Он не мог отвести от него взгляд и продолжал смотреть Финкельштейну в глаза. Ощущение было сродни тому, когда он увидел тогда, в кабинете Арделла совсем другую Гертруду, увидел ее изменившейся, ставшей для него человеком. Он снова взялся за биты и сказал: – Я не сделаю ничего плохого. – Он не это хотел сказать, но Финкельштейн, похоже, понял его и позволил битам выскользнуть из руки. Ньюмен попробовал прислонить ее стоя к витрине рядом со своей, но они начали падать, и он снова попытался прислонить их к стеклу, и его руки начали дрожать, и обе биты опрокинулись, ударились друг о друга, как падающие кегли и успокоились на полу. Он понял, что садится на пол, и от неспособности управлять собой из его груди начали вырываться рыдания, и он сел на пол, едва не упав навзничь. Он взглянул на уставившегося в потолок Финкельштейна, и услышал, что тихо всхлипывает, наблюдая, как кровь распространяется по белизне платка, который держал Финкельштейн. Вкус подступающей рвоты обжег его язык и он воскликнул, протестуя, и продолжал всхлипать.

Финкельштейн что-то пробормотал под платком.

– Пустяки, – Ньюмен покачал головой, потер пальцами глаза и продолжил трясти головой, смахивая подступающие слезы.

Финкельштейн с усилием повернулся к нему, стараясь при этом удерживать голову запрокинутой назад. Посмотрев минуту на Ньюмена, он спросил: – Зачем вы это делаете?

Ньюмен вытер глаза рукавом и посмотрел на него.

– Идемте в дом, – сказал он. Его живот все еще полностью не принял прежнюю форму. – Идемте, я проведу вас.

Финкельштейн часто дышал.

– Сердце у вас в порядке? – спросил он.

Финкельштейн приподнял бровь, что означало, что не совсем.

Они так и сидели, не меняя положения. Постепенно Ньюмен почувствовал, как внутри у него все расслаблялось, начиная с шеи и опускаясь вниз. Он вдохнул, и теперь сделать это было не трудно. Он перекатился на бок, оперся на витрину и придвинулся к своим ногам.

– Идем, – дрожа, сказал он.

Финкельштейн встал после его прикосновения. Его тяжелая рука тряслась и была влажной. Кровь равномерно увеличивала пятно, которое покрывало всю переднюю часть рубашки. Ньюмен взял его руку и так они дошли до двери и вышли из магазина. Финкельштейн, не говоря ни слова, подождал на тротуаре, пока Ньюмен захлопнет двери и защелкнет замок. Свет остался включенным. Ньюмен провел своего товарища по несчастью по тротуару и по дорожке к его дому, потом на веранду, где открыл перед ним дверь.

– Ваша супруга ведь дома? – спросил он.

Финкельштейн покачал головой. – Она вместе с мальчиком и стариком поехала в Бронкс. К родственникам.

Ньюмен завел его на кухню и включил свет. Рубашка слишком промокла, чтобы ее можно было расстегнуть, поэтому, они разорвали ее и выбросили на заднюю веранду. Ньюмен вынул из холодильника формочку со льдом, высыпал кубики на кухонное полотенце и положил их Финкельштейну на лоб. Придерживая их, он устроил еврея на стуле так, чтобы

голова у того опиралась на столешницу сделанного из светлой сосны стола.

Ньюмен стоял и, придерживая компресс, осмотрел кухню. Помещение было удивительно чистым. Надо признать, подумал он, что евреи чистоплотный народ. А потом, ему пришло на ум, что существует мнение, что они неопрятны. Ушибленная сторона головы пульсировала, его руки продолжали трястись, и он опустил взгляд на побледневшее лицо Финкельштейна. Когда он поворачивался чтобы посмотреть на него, он заметил висящее рядом с дверью зеркало и увидел в нем свое отражение. Его скула посинела. Галстук полностью развязался. Он вспомнил о пальто. Перемычка очков глубоко вонзилась в переносицу... Должно быть, все это время он прижимал их к лицу, понял он. Он обошел ноги Финкельштейна, сменил руку, держащую компресс, и, подойдя к зеркалу ближе, как во сне взглянул на свое лицо.

За всю свою жизнь он никогда не знал такого покоя, несмотря на поток текущей по нему крови. Внутри его возбужденного тела очень широко и глубоко разлилось спокойствие, и он уставился на свое отражение, физически чувствуя этот покой. Ему даже показалось, что он услышал звук – ровный, негромкий, звучащий где-то далеко. Он стоял и прислушивался к нему.

Уложив Финкельштейна в кровать, он вышел из дома, зашел в магазин и выключил там свет. Голос покоя снова тихо пел у него в ушах, и он стоял в темном магазине как будто, чтобы лучше расслышать звук, пытаясь постичь почему он делает его таким уверенным и избавляет от страха. Он вышел в дверь и подергал ее, чтобы убедиться, что она заперта, а затем снова вернулся в дом и оставил ключ от магазина на столике возле телефона. Держа рукой на выключателе в гостиной, он на мгновение замер и оглядел комнату. Его ноздри принялись к воздуху. Снова и снова он переводил глаза с одного предмета обстановки комнаты на другой, как будто рассчитывая обнаружить что-нибудь странное.

Стоя в комнате он ждал. Потом подождал еще немного. И ничего странного он не заметил, это была обыкновенная комната обыкновенного человека.

Его рука выключила свет и он поспешил прочь из дома.

Выйдя на улицу, прежде чем направиться домой, он посмотрел по сторонам. Полицейской машины нигде не было. Широко шагая, он быстро перешел на свою сторону улицы и впервые почувствовал боль под ребром. Только теперь он смог подумать о Гертруде и о том, как она убежала, не сказав ни слова. Он был очень разгневан, однако почти во весь голос сказал, что было бы разумнее, если бы она не кричала, а побежала домой и вызвала полицию. Это было гораздо разумнее, однако... Если бы только она завизжала и бросилась на них. Это было бы хорошо, это было бы просто замечательно. Если бы только она смогла поступить так и после схватки чувствовать сейчас, то же, что и он, ему бы никогда не пришлось объяснять ей, почему он...

– Лалли?

Это было неправильно. Он тут же понял, что она выходила не из того дома. Он стоял и смотрел на нее на веранде, а потом увидел Фреда, который вышел и спокойно закрыл за собой дверь с сеткой для защиты от насекомых. В темноте он не видел их лиц. Она ждала, что он поднимется к ней, но он печально стоял на месте. С ее стороны нехорошо было выйти в это время из дома Фреда. Или из любого другого дома кроме его собственного. Это было так печально неправильно...

Она спустилась с веранды и остановилась перед ним на тротуаре под деревом.

– Что ты там делала? – спросил он тонким голосом, зная, что она там делала.

– Заходила к Фреду, – сказала она.

В ответ он потянулся и ласково коснулся ее локтя.

Она схватила его протянутую руку. Ее голос был деловитым, как в парке, когда она говорила с той истеричной девушкой. – Идем, – тихо настаивала она, – я рассказала ему. О Побережье и обо всем остальном.

Он отдернул свою руку. Казалось, в нем снова оживала истерия драки, и он опасался, что

расплатится, если попытается заговорить.

Она не позволила ему убрать руку. – Идем, Лалли. Фред хочет поговорить с тобой.

Он шагнул назад в то время, как она потянула его за руку к ступенькам веранды Фреда. – Так ты не звонила в полицию? – глухо спросил он.

– Когда я добежала сюда, все уже практически закончилось, – объяснила она. – Идем...

– Но ведь меня могли убить...

– Мы как раз собирались покончить с этим, – приблизив свое лицо к нему, пообещала она.

– Но, Герта, меня могли убить, пока ты...

– Быстрее, чем Фред их никто бы не остановил, ведь правда? Мы как раз собирались...

– Герта! – воскликнул он. Крик вырвался из его горла. Он беспомощно причитал, его рассудок обливался слезами, и крепко держа ее за руки, он начал уводить ее назад вдоль тротуара, всхлипывая: – Герта! Герта!

– Сейчас же прекрати!

– Ты даже не закричала! Ты убежала... Герта, ты убежала и оставила...

От прикосновения руки к плечу он резко повернулся, как от удара. Он не видел лица Фреда, но ощущал запах его сигары.

– Ньюмен, я хочу поговорить с тобой, – спокойно сказал Фред.

Гертруда обошла его сзади и стала рядом с Фредом лицом к нему. Они оба хотели с ним поговорить. Он слышал ее слова, что все в порядке, что все в полном порядке, Фред просто хотел поговорить с ним и извиниться...

Он слышал, как она раздраженно звала его, когда он уходил. Он знал, что он шел, но ударил он Фреда или нет... он не мог отчетливо вспомнить, что заставило его идти. Ее взволнованный голос звучал все реже, он продолжал идти, а затем стало тихо. Что-то мягкое легко коснулось его лодыжки, и он остановился, поднял с бордюра свое пальто и, поворачивая за угол, надел его.

Аллея была такой темной, как будто было три часа ночи. Широко шагая, он хорошо разогнался против ветра, который скрипел над его головой негнушимися ветками деревьев. Ветер обжигал его лицо как мыльная пена порез на коже, боль в груди от ходьбы усиливалась, и он осознал силу, которая в нем осталась. Его казалось, что глаза раскрылись очень широко, и он поглощал ими темноту, ощущая дикое желание испытать себя. Вспоминая, как он жестами пытался отправить их от себя к магазину, он цепенел от отвращения и требовал, чтобы нападавшие вышли к нему возле следующего дерева... или следующего... Как бы он заехал тому человеку, который сморкался на улице! Атаковать, нужно было атаковать. О Боже, если бы они подошли к нему сейчас! Если бы он мог драться, пока у него не отвалятся руки...!

Увидев огни станции подземки, он замедлил шаг, с удовольствием отметив, что прошел расстояние между двумя остановками подземки и не заметил этого. Всего за пять минут. Что-то вроде испытания, подумал он. За всю его жизнь первые пять минут без страха.

Он свернул с тротуара, поспешно пересек аллею и продолжил идти по боковой улице, рассматривая округу и пытаясь точно вспомнить сколько ему еще осталось идти. Вспоминая, он позволил окружающему миру померкнуть в сознании и размышлял о Гаргане и о Сити. Сити и миллионы за миллионами тех, кто роился вокруг него, – они сходили с ума. Он понял это так ясно, что едва ли встревожился, потому что он знал, что больше не боится. Они сходили с ума. Люди находились в психиатрических больницах, потому что боялись, что на них упадет небо, а здесь вокруг ходили миллионы таких же психически ненормальных, как и любой, кто боится какой-то определенной формы человеческого лица. Они...

Он вздрогнул от озноба и застегнул воротник пальто, но дрожь не унималась. У него начали стучать зубы. Ветер пробирался к его телу под одеждой и он еще прибавил шагу, подошел к углу и свернул. В нескольких метрах от угла он увидел зеленые лампы возле входа, поспешил к зданию и вошел.

Перед ним была комната с коричневыми стенами и проходящими вдоль стен, ничем не закрытыми, трубами парового отопления. В комнате находились непокрытые, коричневые

столы. Было тихо и пахло паром и пылью. За письменным столом в свете зеленой настольной лампы в одной рубашке без пиджака сидел полицейский. Готовый и собранный, он оторвал взгляд от газеты.

Ньюмен подошел к столу и посмотрел в его обветренное загорелое лицо. Полицейский осмотрел его одним взглядом сверху донизу. – Что-то случилось? – колеблясь, спросил он.

– Меня зовут Лоренс Ньюмен. Я живу на 68-й улице.

– Что произошло? – настаивал полицейский.

– Совсем недавно на меня напали и избили.

– Он ограбил вас?

– Нет. Их было шестеро. Пятеро молодых парней и мужчина постарше. Бандиты из Христианского Фронта.

Полицейский не пошевелился. Он сморщил лоб. – Откуда вы это знаете?

– Они уже давно пугали, что сделают это.

– Вы знаете, как зовут кого-нибудь из них?

– Нет, но я бы узнал двоих или троих из них, особенно того, постарше.

– Ну это это мало чем поможет. Мы не можем разыскивать людей, не зная их имен.

– Но они должны быть пойманы, это все что я могу вам сказать.

– Какая это улица?

– 68-я.

Полицейский думал, затем округлил рот трубочкой. – Это та улица с магазинчиком на углу.

– Именно так.

– Да-а, – рассеянно рассматривая стол, припомнил он, – это скверная улица. – Он поднял глаза. – Вам нужен врач или вы можете говорить?

– Я могу говорить. Со мной все в порядке, спасибо.

Формулируя вопросы, полицейский изучал край стола. Ньюмен смотрел на его широкое ирландское лицо. – Сколько из ваших живет на той улице? – полицейский начал пробовать разрабатывать план.

– О чем вы? – едва слышно прошептал Ньюмен.

– На этой улице, – еще раз сказал полицейский. – Сколько из ваших там живет?

– Ну, – облизывая губы, сказал Ньюмен... и умолк.

Подняв глаза, полицейский дожидался показаний. Мистер Ньюмен внимательно рассмотрел его лицо в поисках малейшего следа враждебности, но ничего не обнаружил. Он почувствовал, что если он поправит того, потому что на самом деле он не был евреем, это не будет трусостью. Но офицер решил, что он еврей и теперь казалось, что опровержение этого было отречением и осквернением его собственной недавней очищающей ярости. Он стоял, собираясь отвечать, и искренне желая мгновенного разряда молнии, который бы огненным ударом уничтожил деление людей на группы, и изменил их так, чтобы для них было неважно какого они рода-племени. Это больше не должно быть важно, заклинал он, хотя в его жизни это когда-то было чрезвычайно важно. И так, будто эти слова навсегда соединят его с совсем недавней яростью и навсегда отделят от тех, кого он теперь ненавидел, он сказал,

– Там, на углу, живут Финкельштейны...

– Только они и вы? – перебил полицейский.

– Да. Только они и я, – сказал мистер Ньюмен.

Потом он сел и полицейский, выбрав один из множества карандашей перед собой на столе, начал записывать его заявление. Рассказывая, мистер Ньюмен чувствовал, как будто он избавлялся от тяжести, которую почему-то долго-долго нес на себе раньше.